

ГЕРБЕРТ НОРМАН

**Становление капиталистической
Японии**

Предисловие

Японский народ переживает тяжелые дни американской оккупации. Он испытывает не только национальное унижение и беспощадную эксплуатацию — над ним нависла угроза стать жертвой преступных военных планов американских империалистов и их приспешников из стана японской реакции. Империалистические поджигатели войны хотят навязать японским трудящимся жалкую участь бесправных колониальных солдат разбойничьей империи доллара. Американские рабовладельцы, опираясь на реакционные силы в Японии — на правительство Йосида, на стоящих за его спиной императора, военщину, бюрократию, помещиков и капиталистические монополии, стремятся заставить японский народ отдать свою кровь за интересы иноземных поработителей.

В первых строках новой программы коммунистической партии Японии, принятой и опубликованной в августе 1951 г., справедливо указывается, что «Японский народ находится теперь в таком бедственном положении, какого он не переживал никогда во всей истории Японии»^{1}.

Ближайшие требования коммунистической партии Японии намечают конкретные пути возрождения страны, освобождения ее от американских оккупантов, устранения тех реакционных сил, которые своей авантюристической политикой вовлекают народ в пучину военных бедствий и национального унижения. Японская коммунистическая партия формулирует задачи создания единого национально-освободительного демократического фронта, как задачи национального освобождения и возрождения Японии и ликвидации тех многочисленных пережитков средневековья, которые на протяжении многих десятилетий сковывают японский народ, обрекая трудящиеся массы Японии на жесточайшую эксплуатацию.

В свете этих задач — задач национально-освободительной демократической революции, выдвигаемых передовыми людьми Японии, становится весьма актуальным проследить исторические корни и процесс становления того реакционного режима господства полуфеодальной монархии, помещиков и капиталистических монополий, который мещает японскому народу «жить по-человечески и дышать свободно»^{2}, который стал теперь главной опорой американских оккупантов.

В конце прошлого столетия Япония вступила на путь капиталистического развития. Этот путь был отмечен целой цепью компромиссов, сделок японской буржуазии с феодальными элемен-

тами. Незавершенная буржуазная революция 1867–1868 гг. не ликвидировала полностью феодальных отношений в японской деревне, да и не только в деревне. Реакционная политическая надстройка, предназначенная защищать устои комбинированной буржуазно-помещичьей эксплуатации японских трудящихся масс, на протяжении более чем полувека железным кольцом насильственно сдерживала, уродовала развитие Японии.

Выяснение причин, определивших особенности развития Японии, является одной из задач исторической науки. Без ясного представления о том, как формировалась капиталистическая Япония, каковы были характерные черты незавершенной буржуазной революции 1867–1868 гг., являющейся условным рубежом, отделяющим феодальную Японию от Японии капиталистической, нельзя понять многих специфических особенностей современной Японии, ее политической и экономической жизни, борьбы классов, перспектив развития.

Предлагаемая вниманию советского читателя в сокращенном переводе книга канадского историка Герберта Нормана «Становление капиталистической Японии» посвящена этим весьма актуальным историческим проблемам превращения Японии из феодального государства в капиталистическое.

Автор книги — буржуазный ученый, нередко идущий на поводу у официальной японской реакционной историографии. Поэтому в книге можно обнаружить немало неправильных положений, наиболее существенные из которых мы отмечаем ниже^{3}.

Однако ознакомление советского читателя с книгой Нормана, несмотря на ее существенные дефекты, является безусловно полезным, поскольку автором привлечен очень большой фактический материал, взятый главным образом из японских источников, который помогает раскрыть основное содержание незавершенной буржуазной революции 1867–1868 гг. и характер реакционной сделки между японской буржуазией и феодальными элементами, предопределившей на длительный период особенности развития японского капитализма.

Социально-экономический строй Японии еще в середине XIX в. представлял собой классический тип феодальных отношений. Наличие мельчайших крестьянских хозяйств и крупных феодальных землевладений так называемой токугавской Японии (с начала XVII в. и по вторую половину XIX в.) дали основание Марксу говорить о том, что:

«Япония с ее чисто феодальной организацией землевладения и с ее широко развитым мелкокрестьянским хозяйством дает гораздо более верную картину европейского средневековья, чем все наши исторические книги, проникнутые по большей части бур-

жуазными предрассудками»^{4}.

В середине XIX в. свыше 80 % населения Японии составляло крестьянство. Крестьянское хозяйство носило преимущественно натуральный характер. Земледельцы в подавляющем большинстве не только сами обеспечивали себя пищей и одеждой, но и производили примитивные сельскохозяйственные орудия. Являясь фактически наследственными арендаторами ничтожных клочков земли, принадлежавшей крупным феодалам — князьям, крестьяне были обременены многочисленными податями и повинностями, произвольно налагавшимися на них феодалами.

Наиболее тяжелым был поземельный налог, взимавшийся в натуральной форме (рисом) и составлявший значительно больше половины урожая. Исчисление поземельного налога было весьма сложным и зависело от произвола феодальных чиновников и откупщиков.

Для обеспечения бесперебойного выкачивания из крестьянских хозяйств прибавочного продукта и удержания крестьян в состоянии покорности государственная власть, представлявшая собой политическую организацию крупных феодалов, объединившихся вокруг наиболее богатой феодальной династии — Токугава, установила сложную систему ограничений и регламентации. В книге Нормана читатель найдет большой фактический материал, характеризующий эту систему. Господствующая верхушка стремилась законсервировать установившиеся социально-экономические отношения, не допуская каких-либо перемен. Однако на практике все эти запреты и регламентации постоянно нарушались. Произвол феодалов и жесточайшая эксплуатация бесправного крестьянства, а также постоянные недороды, являющиеся результатом частых стихийных бедствий, имели своим последствием массовые голодовки, разорение и нищету японской деревни. В поисках избавления от нужды крестьяне влезали в долги, попадая в лапы к ростовщикам (из числа купцов или чиновников), которые в счет погашения долга захватывали крестьянские земельные участки, прибегая к разнообразным уловкам, поскольку сделки на землю были формально запрещены.

Проникновение торгово-ростовщического капитала в японскую деревню подрывало устои феодальных отношений, опрокидывало систему регламентации и в то же время ускоряло разорение основной массы крестьян.

В конце XVIII и начале XIX столетия разорение основной массы крестьянства и рост зависимости феодальных правителей от кредиторов — богатых купцов (что в свою очередь усиливало угнетение крестьянских масс) обусловили крайнее обострение классово-вой борьбы в Японии. Крестьянские восстания приобрели огром-

ный размах. Крестьяне все чаще и чаще с оружием в руках выступали против феодальных чиновников, сборщиков податей и налогов, против княжеского и самурайского деспотизма, против произвола откупщиков-купцов и их феодальных покровителей. Во многих случаях в борьбу крестьянских масс против феодальной эксплуатации втягивались и отдельные звенья деклассированного самурайства.

В то же время в городах феодальной Японии учащались выступления городского плебса — ремесленников, мелких торговцев — против феодальной администрации и крупных торговых фирм, по большей части тесно связанных с феодальными чиновниками.

Несмотря на жесточайшие расправы феодалов с восставшими крестьянами, количество восстаний непрерывно нарастало. Правда, эти восстания носили по преимуществу характер местных, локальных выступлений.

Разрозненность, стихийность крестьянских выступлений, территориальная разобщенность феодальных княжеств, где вспыхивали эти восстания, препятствовали слиянию отдельных ручейков в единый широкий поток крестьянской войны против феодального строя в целом. Но хотя феодалам, как правило, удавалось подавлять выступления обездоленных народных масс, устойчивость социально-экономической системы токугавской Японии все более и более расшатывалась под ударами крестьянских восстаний.

Норман, неоднократно упоминая в своей работе о крестьянских восстаниях и приводя ряд фактических данных, одновременно пытается преуменьшить их значение в свержении токугавского режима, а иногда приписывает даже отдельным крестьянским выступлениям роль реакционного фактора в истории Японии.

В силу своей буржуазной ограниченности Норман часто не вскрывает существа тех социально-экономических процессов, которые происходили в Японии в рассматриваемый период.

На пороге второй половины XIX столетия глубокие экономические процессы, происходившие в стране, делали неизбежным устранение феодальной политической надстройки; стало очевидным полное банкротство токугавского режима. Диктатура крупных феодальных землевладельцев, во главе которых стояло военно-феодальное правительство династии Токугава, оказалась не в состоянии поддерживать дальше насквозь прогнивший социально-экономический режим.

Феодальная власть столкнулась с мощным революционным подъемом крестьянских масс, боровшихся за освобождение от ига феодальной эксплуатации.

Часть феодального класса, непосредственно смыкавшаяся с буржуазными элементами, проявляла готовность предотвратить революционное свержение своего господства путем осуществления реформ сверху, удаления династии Токугава и устранения части феодальных рогаток, стеснявших предпринимательскую деятельность буржуазии.

Богатых купцов, владельцев мануфактур, равно как и новых земельных собственников в японской деревне, не меньше чем феодалов, пугали революционные выступления крестьянства. С глубокой враждебностью относилась еще молодая японская буржуазия и ко всякого рода стихийным выступлениям городской бедноты, направленным против феодального произвола, против гнета богачей и ростовщиков.

В подготовке и в ходе незавершенной буржуазной революции в Японии крестьянство и городской плебс выступали самостоятельно и по существу против крупной буржуазии, которая с «черного хода» искала сделки с феодальными элементами.

В условиях, когда продолжали бушевать крестьянские восстания, городская буржуазия и феодальные элементы для ограждения интересов эксплуататорских классов поспешно формировали коалицию против токугавского режима. Душой этой коалиции были крупные торговые дома, сочетавшие торговые и банковские операции с промышленно-предпринимательской деятельностью.

Однако на политической авансцене выступали почти исключительно феодальные союзники японской буржуазии — значительная часть самураев и даже некоторые князья, недовольные токугавским деспотизмом и намеревавшиеся слегка реформировать феодальный строй.

Отличительной чертой этой антитокугавской коалиции было то, что она выступала отнюдь не под революционными лозунгами. Политическим знаменем этой коалиции было требование удаления династии Токугава и «реставрации» власти императоров в Японии, отстраненных в свое время военно-феодальными магнатами от какой бы то ни было политической деятельности.

Антитокугавская коалиция демагогически использовала также антииностранные лозунги, хорошо понимая, что в обстановке всеобщего возмущения произволом европейско-американских колонизаторов они могли получить самый широкий отклик.

Капиталистические державы Запада активно вмешивались во внутреннюю борьбу в Японии. Антитокугавская буржуазно-феодальная коалиция, несмотря на свою «антиинострannую» вывеску, опиралась на поддержку капиталистической Англии. Изолированный режим Токугава пытался прибегнуть к помощи бонапартистской Франции.

Следует отметить, что Норман старается затушевать факты, свидетельствующие о грубой колониаторской политике так называемых великих держав Европы и Америки в отношении токугавской Японии. С другой стороны, он пытается найти оправдание японской колониальной экспансии, ее военным авантюрам в том, что Япония боролась за освобождение от неравноправных договоров.

В 1853 г., то есть 99 лет тому назад, феодальная Япония познакомилась впервые с американскими колонизаторами. Орудия американских военных кораблей были направлены на незащищенные японские берега. Действуя путем грубых угроз и шантажа, Соединенные Штаты Америки первыми из капиталистических стран пробили брешь в той непрочной стене, при помощи которой феодальные правители Японии намеревались отгородиться от внешнего мира. Американские и иные колонизаторы опутали Японию кабальными неравноправными договорами и стали бесцеремонно хозяйничать в стране.

Естественно, что это не могло не усилить углублявшийся кризис феодального строя. Насильственное включение Японии в сферу капиталистического товарооборота, осуществленное капиталистической Америкой, было весьма важным фактором, ускорившим наступление революционных событий в 60-х годах прошлого столетия.

В пяти японских портах оказалось как бы семнадцать различных государств, управляемых каждое по своей консульской юрисдикции. Япония, таким образом, в известной степени потеряла свою самостоятельность как в экономике, так и в политике.

Навязанный Японии полуколониальный режим имел своим последствием наводнение страны иностранными товарами, упадок японского ремесла и мануфактурного производства, бесцеремонное ограбление страны посредством выкачки из нее продовольствия и ценных металлов.

Любое проявление протеста со стороны японцев против произвола капиталистических держав жестоко подавлялось и имело своим результатом суровые репрессалии. В ответ на убийство самураями одного англичанина, нарушившего обычай страны, англичане подвергли бомбардировке и разрушению целый город Кагосима.

Попытка воспрепятствовать бесцеремонному проникновению иностранной эскадры в японские территориальные воды в 1863 г. вызвала артиллерийский обстрел и последующий захват фортов Симоносеки десантной группой с французских, английских и американских военных кораблей.

Наглые требования о компенсации за единичные выступления против иностранцев, систематическое унижение японцев европейскими и американскими дипломатами и военными, — такова повседневная хроника японской жизни на заре эпохи насильственного включения феодальной Японии в мировой капиталистический товарооборот.

Иностранная интервенция и неравноправные договоры окончательно пошатнули политический престиж феодальных властей Японии.

Вслед за японскими официозными историками Норман называет события 1867–1868 гг. «реставрацией Мэйдзи». Согласно японской реакционной историографии, это должно означать, что свержение власти феодального правителя Токугава следует якобы рассматривать как конец периода «незаконной узурпации» власти сёгунами и восстановление легитимных прав японского монарха (годы правления императора Муцухито получили официальное наименование «эры Мэйдзи»).

В действительности то, что произошло в Японии, представляло собой весьма сложное переплетение подлинно революционных событий — антифеодальных выступлений крестьянства и части городской бедноты против основ токугавского режима — с «дворцовым переворотом», организованным оппозиционным буржуазно-феодальным блоком с весьма ограниченной целью замены обанкротившейся диктатуры Токугава новым, но столь же антинародным режимом. Устранение от власти Токугава и утверждение так называемого императорского правительства было направлено, по своей сути, не столько против обанкротившейся военно-феодальной клики, сколько против крестьянского движения и имело своей целью не допустить развертывания народной антифеодальной революции. Крестьянство ничего не получило в результате происшедших политических перемен.

Если в самый момент переворота и «восстановления» императорской власти некоторая часть крестьянства, обманутая антииностранной демагогией и лживыми обещаниями передать крестьянам так называемые общинные земли, сочувственно отнеслась к «реставрации», то уже в ближайшие годы крестьянские восстания возобновились с еще большей силой. За первое десятилетие существования нового режима в Японии было зарегистрировано свыше 180 крупных крестьянских восстаний.

Императорская власть, опираясь на самурайство, подавляла эти крестьянские восстания с исключительной свирепостью.

Норман в своей книге явно идеализирует деятелей буржуазно-помещичьего блока, осуществивших переворот 1867 г., приписывая им способность направлять историческое развитие Японии,

исходя из определенного плана превращения страны в могущественную военную державу.

Автор совершенно ненаучно подходит к оценке незавершенной буржуазной революции 1867–1868 гг., которая имела своим результатом замену чисто феодальной власти властью блока феодалов и буржуазии. Поскольку в качестве политического представителя интересов этого блока была выдвинута реакционная монархия, унаследовавшая от токугавского периода прежний феодальный, военно-полицейский государственный аппарат, то все буржуазные реформы, проводившиеся этим блоком, носили половинчатый, ограниченный характер.

Крупное феодальное землевладение не было уничтожено революционным путем. Бывшие феодальные князья не только получили более чем щедрый выкуп за свои владения от императорского правительства, но сохранили за собой и целый ряд важнейших политических привилегий. Именно они образовали костяк титулованной знати в императорской Японии. Сословие военного дворянства — самурайство упрочило свое привилегированное положение и было в значительной своей части превращено в оплот нового монархического режима. Оно стало поставщиком чиновничьих, военных и полицейских кадров для японского самодержавия.

Японская буржуазия, финансировавшая «реставрацию Мэйдзи», даже не пыталась выступить против засилия дворянства в государственном аппарате японской монархии. Крупные дельцы вполне довольствовались предоставившейся им возможностью использовать аппарат японского самодержавия в интересах собственного обогащения и ограждения своих хищнических интересов от всяких посягательств со стороны обманутых народных масс.

Японские крестьяне после аграрной реформы 1872–1873 гг., легализовавшей сделки на землю, были объявлены «собственниками» тех же самых жалких парцелл, которые прежде они обрабатывали как наследственные арендаторы княжеских земель. Заваленные долгами крестьяне быстро теряли свои ничтожные наделы, которые переходили в руки ростовщиков-купцов и разного рода спекулянтов, отчасти дворянского, отчасти буржуазного происхождения, — в руки так называемых «новых помещиков», становившихся главным оплотом реакции в японской деревне.

Аграрный вопрос в Японии не был разрешен. Вместо прежних феодальных господ крестьян стали эксплуатировать «новые помещики», действовавшие в большинстве случаев прежними феодальными методами.

Японская буржуазия, крепко привязанная к абсолютистскому режиму, боявшаяся демократического движения, поддерживала все самые реакционные мероприятия, направленные на ограждение политической и экономической власти помещиков. Феодальная эксплуатация крестьянства обеспечивала капиталистам дешевый рынок труда, возможность получения сверхприбылей на основе полукOLONиальной эксплуатации японского пролетариата.

В ряде мест у Нормана мы находим наивное восхищение ролью японской бюрократии, которая нередко выглядит у автора как некая надклассовая сила. Наряду с этим в книге проскальзывает апологетическое отношение автора к японскому милитаризму (книга вышла в 1940 г.).

Автор не сумел показать, что японская буржуазия использовала государственный аппарат для перекачивания в свой карман колоссальных сумм, которые изымались у крестьянства в виде налогов. Система протекционизма в отношении промышленности, применявшаяся японской монархией, должна была восполнить недостаточное первоначальное накопление капитала. Она должна была также уберечь японских капиталистов от низких таможенных пошлин, обусловленных неравноправными договорами. Японские капиталисты оказались теснейшими узами связанными с реакционной государственной властью.

Унаследованный от феодальной Японии государственный аппарат японского абсолютизма с самого начала носил ярко выраженный военно-бюрократический характер. Эта его особенность превращала японский абсолютизм в инструмент беспощадного подавления внутренних демократических сил и в орудие внешней агрессии.

В. И. Ленин, отмечая факт превращения Японии в национальное государство, подчеркивал:

«Это государство — буржуазное, а потому оно само стало угнетать другие нации и поработать колонии»^{5}.

Действительно, в первые же годы после «реставрации Мэйдзи» правящие классы Японии стали разрабатывать планы внешних захватов, готовиться к колониальным войнам. Японский абсолютизм при этом лживо изображал грабительскую политику военных авантюристов и колониальной экспансии как мнимую борьбу за национальное равноправие, за избавление Японии от неравноправных договоров.

Целое поколение японцев выросло в условиях, когда полукOLONиальное положение страны ощущалось весьма болезненно. Поэтому становление японской буржуазной нации происходило в обстановке более или менее глубоко осознанного и своекорыстно

использованного господствующими классами стремления народа к ликвидации полуколониальных пут, которые связывали Японию и угрожали ей полной утратой государственной независимости.

Величайшей трагедией для японского народа, для его широких трудящихся масс явилось то, что руководство борьбой за национальное равноправие оказалось в руках не прогрессивных демократических сил Японии, а в руках реакционного буржуазно-помещичьего блока, который использовал ненависть масс к иностранным угнетателям, чтобы упрочить свое собственное господство, чтобы укрепить глубоко враждебное народу абсолютистское государство, чтобы попытаться отравить японский народ ядовитыми семенами шовинизма и подготовить почву для агрессии и колониальных авантюр.

Японский рабочий класс во второй половине XIX столетия был еще немногочислен и неорганизован. Японское крестьянство, ослабленное кровавыми расправами в годы революции, было расколото и деморализовано. Антинародные правители Японии под флагом борьбы за национальные права всю свою энергию направляли на то, чтобы усовершенствовать собственную военную машину, чтобы «чужому» колониальному грабежу противопоставить «свой» колониальный грабеж близлежащих азиатских стран.

Япония сумела вырваться из полуколониальной зависимости, однако — весьма дорогой ценой, ценой укрепления полуфеодальной монархии, сохранения феодальных пережитков в японской деревне, а отчасти и в городе, уродливого, однобокого, наиболее мучительного для народных масс, капиталистического развития и, наконец, превращения Японии в ненавистного народам Азии колониального хищника и агрессора.

Милитаристская Япония, вырвавшаяся из тисков неравноправных договоров, быстро догнала недавно эксплуатировавших ее европейско-американских поработителей на поприще кровавого колониального разбоя. Поражение демократических сил, незавершенный, компромиссный характер буржуазной революции 1867–1868 гг. обусловили этот трагический для японского народа исход.

Сейчас, в новую историческую эпоху победоносного строительства коммунизма в СССР, торжества китайской народной революции, успешного строительства основ социалистической экономики в европейских странах народной демократии, — в эпоху глубочайшего общего кризиса капиталистической системы, коренным образом изменилось положение и в Японии. Хотя страна находится в железных тисках иностранной оккупации, но в ней рас-

тут и крепнут организованные демократические силы, способные возглавить борьбу за возрождение страны, за ее самостоятельное национальное развитие.

«Народы Советского Союза питают глубокое уважение к японскому народу, вынужденному терпеть ярмо иностранной кабалы, и верят, что он добьется национальной независимости своей родины и пойдет по пути мира»^{6}.

Обанкротились те реакционные силы, которые некогда пытались выразить национальные интересы Японии. Реакционный блок помещиков и капиталистических монополий, сплотившийся вокруг своего идейного знамени, одного из организаторов бактериологической войны, императора Хирохито, полностью обнажил свою истинную сущность, став главной опорой американских оккупантов.

Программа японской господствующей клики — это программа почти неприкрытого национального предательства. Японский народ с негодованием отвергает эту программу.

Ближайшие требования японской коммунистической партии (новая программа) — ярчайший документ, который с огромной силой и убедительностью раскрывает большой исторический путь, который прошел японский народ, рабочий класс Японии, руководимый ныне марксистской партией, способной сплотить народные массы вокруг боевой программы национального освобождения Японии и уничтожения всех пережитков средневековья, которые ведут свое начало со времени поражения революционных сил и победы реакции в период незавершенной буржуазной революции 1867–1868 гг.

Е. Жуков

Глава I

Исторические предпосылки реставрации Мэйдзи

Разложение феодализма

Наиболее существенным моментом реставрации Мэйдзи^{7} и последующих лет является стремительность превращения феодального общества в общество буржуазное. Это отмечали уже журналисты и путешественники того времени, но никто из них не пытался дать какое-либо объяснение данному факту.

Та сравнительная легкость, с какой Япония освободилась от оков феодализма, может быть объяснена, по крайней мере частично, случайным совпадением двух процессов: внутреннего кризиса феодальной системы и давления со стороны западных держав.

Поздний феодализм эпохи Токугава сложился в начале XVII в., когда Токугава Иэясу утвердил гегемонию своего семейства и своих родичей над большей частью Японии, установив в то же время контроль над тремя крупными островами — Хонсю, Кюсю и Сикоку. Иэясу (1542–1616 гг.) создал последний по счету сёгунат, или наследственную военную диктатуру, при которой политическая власть фактически принадлежала крупнейшему феодальному семейству, тогда как император, хотя и удостаивался внешних почестей, был обречен со своим двором на затворническую жизнь в Киото.

Поздний феодализм представлял собой сознательную попытку задержать общественное развитие путем установления косной иерархической системы. Для каждого класса общества и каждой прослойки внутри классов были введены жесткие правила, регламентирующие мельчайшие детали костюма, церемоний, поведения, которые должны были строго соблюдаться под страхом наказания. Уголовный кодекс, крайне суровый даже с точки зрения феодальных норм, проводил резкую грань между самураями и простолюдинами; токугавские власти всячески подчеркивали классовые различия и превосходство первых над вторыми. Как во внешней, так и во внутренней политике токугавские правители строго придерживались своих собственных взглядов на жизнь и пренебрегали нуждами и интересами торгового класса. Отчасти с целью предотвратить угрозу установления политического контроля со стороны европейцев посредством торговли или интриг

католических миссионеров, отчасти вследствие логического вывода из физиократической теории о сравнительном превосходстве земледелия над торговлей токугавское правительство изгнало из Японии испанцев в 1624 г. и затем в 1638 г. — португальцев. После 1640 г. въезд иностранцев в Японию и внешняя торговля были запрещены. Продолжала функционировать всего лишь одна небольшая фактория в Дэсима (Нагасаки). Но и здесь право торговли, к тому же в очень ограниченных рамках, было предоставлено лишь голландцам и китайцам, за которыми был установлен строжайший надзор. В 1637 г. сёгунат запретил японцам выезд из страны, причем нарушившего этот закон ожидала по возвращении на родину смертная казнь. Чтобы еще больше изолировать страну, правительство не разрешало строить суда грузоподъемностью свыше 500 коку (коку — немного более 1,8 гектолитра), пригодных для дальнего плавания. Таким путем сёгунат стремился изолировать Японию и не допустить проникновения из-за границы каких-либо веяний иноземной мысли, которые могли бы создать угрозу феодальным порядкам.

На вершине иерархической лестницы находился дом Токугава с его тремя ответвлениями: Овари, Кии и Мито. Владения дома Токугава занимали почти четверть территории страны и включали в себя такие крупные торговые центры, как Эдо (резиденция правительства), Сакай (Осака), Киото, где находился императорский двор, и Нагасаки. Главным источником дохода дома Токугава была рисовая подать, достигавшая 8 млн. коку (из общего валового сбора в 28–29 млн. коку)[1]. Разработка недр и предоставление прав на монопольную торговлю были также выгодными источниками дохода Токугавского дома. Остальные три четверти территории Японии были распределены между даймё^{8}, или феодальными князьями. Те из них, которые с самого начала поддерживали Иэясу, так называемые фудай даймё, в количестве 176 семейств, находившихся в наследственной вассальной зависимости от Токугава, пользовались особым покровительством дома Токугава, и только из их среды назначались лица на высшие правительственные должности. Те даймё, которые подчинились дому Токугава только после решающей битвы при Сэкигахара в 1600 г., в том числе такие богатейшие феодалы, как Мори из Тёсю, Симадзу из Сацума, Датэ из Сэндай, Маэда из Кага, назывались «тодзама», или «внешними» князьями. Их насчитывалось 86 семейств. Тодзама были отстранены от всякого участия в государственных делах, взамен чего им была предоставлена некоторая автономия в делах своих кланов.

Бакуфу, или правительство сёгуна, держалось у власти благодаря искусной системе контроля и равновесия, заключавшейся в

размещении имений своих наследственных вассалов (фудай даймё) между имениями внешних князей (тодзама), а также в своеобразной форме заложничества (санкин-котай), установленной третьим сёгуном — Иэмицу в 1634 г. Согласно этой системе, все даймё должны были попеременно проживать то в своих владениях, то в столице Эдо; причем они должны были оставлять в столице своих жен и детей в качестве заложников, когда возвращались в свои феодальные владения. Правительство не одобряло связи между феодальными поместьями; передвижение по стране было осложнено строгой системой пропусков[2]. Шпионаж был организован в таком широком масштабе, что в наследство от него осталась масса анекдотов и поговорок, красноречиво свидетельствующих о том, какой глубокий след оставил он в сознании японского народа[3]. Брачные союзы между семьями даймё подлежали предварительному утверждению бакуфу. Без разрешения сёгуна нельзя было строить замки и окружать их рвами. В случае ремонта этих сооружений требовалось представить в Эдо архитектурный план соответствующих изменений. Даймё не разрешалось устанавливать непосредственную связь с двором в Киото. Даже император содержался под строгим, хотя и почтительным надзором; его деятельность, равно как и церемонии, строго регламентировалась инструкциями бакуфу. Даймё были обязаны нести тяжелое финансовое бремя. Иногда бакуфу возлагало на отдельных даймё строительство настолько крупных объектов, что это крайне истощало их финансы[4]. Бакуфу использовало все средства для ослабления и разделения даймё, и все же у него было достаточно оснований бояться сильных юго-западных тодзама — Симадзу из Сацума, Мори из Тёсю и Набэсима из Хидзэн, которые хотя были и не столь сильны, чтобы избежать подчинения Иэясу после битвы при Сэкигахара, но и не были до такой степени слабыми, чтобы сёгунат мог отважиться на непосредственные выступления против них с целью ликвидации их полуавтономии.

Наиболее грозным из них был Сацума на юге Кюсю. Отделенный большим пространством от центральных органов власти бакуфу, окруженный кланами[5], также враждебно настроенными по отношению к режиму Токугава, обладавший наибольшим доходом в феодальной Японии и располагавший солдатами, известными своим сильным местным патриотизмом и высокой боеспособностью, этот клан почти не скрывал своего недовольства господством Токугава. Клан Сацума первым начал применять и производить современное оружие, и, несмотря на запрещение внешней торговли, он поддерживал торговые связи с Китаем, используя острова Рюкю в качестве торговой базы[6]. Почти

со всех сторон окруженный морем клан Сацума разбогател на внешней торговле. Он устремлял свои взоры больше на цивилизацию, приходившую с юга, из-за моря, чем на отдаленный Эдо[7]. Если принять во внимание большое накопление торгового капитала, ранние попытки внедрить западную промышленность, главным образом для военных целей, а также ненависть Сацума по отношению к бакуфу, то нельзя считать исторической случайностью, что именно этот клан, поддержанный тремя другими юго-западными кланами — Тёсю, Хидзэн и Тоса, — выступил инициатором борьбы против политической гегемонии Токугава.

Ниже сёгуна и даймё на социальной лестнице стояли самураи. Рисовая стипендия, выплачиваемая самураям, ставила их в вассальную зависимость от их князей. В первый период децентрализованного феодализма большинство самураев занималось земледелием. Во время войны они ходили воевать вместе со своим князем, а в мирное время обрабатывали свои поля^{9}. С наступлением коренных перемен в военном деле — перехода к огнестрельному оружию и вызванной этим необходимостью обеспечить более сильную оборону замков — самураи были собраны в города-замки, а их поля стали обрабатывать крестьяне. Это обособление самураев от крестьянства особенно усилилось при Хидэёси, который в 1587 г. произвел массовое изъятие мечей у населения. Этой мерой Хидэёси уменьшил опасность народного восстания и еще резче подчеркнул классовое различие между крестьянами, лишенными права носить мечи, и воинами, обладавшими таким правом[8]. Оторванные от всякой производительной деятельности, самураи существовали за счет рисовой стипендии, которую они получали в виде вознаграждения за обязанность воевать по первому требованию своих князей. Однако длительный период мира, последовавший после образования токугавского сёгуната, ослабил воинственный пыл самураев, сделал их существование ненужным, и они, по существу, превратились в паразитический класс. Бакуфу, которое опиралось на поддержку самураев, всеми способами старалось превозносить кодекс воинской чести и отдавало предпочтение самураям перед всеми другими классами. Однако по мере того как положение самураев становилось все более неопределенным, а их рисовый паек все больше и больше урезывался обедневшими даймё[9], наиболее недовольные из них порывали свою вассальную зависимость и становились ронинами (дословно «бродячими людьми», не имевшими вассальных обязанностей и определенной профессии). Многие ронины осели в городах и принялись за изучение западных языков и наук и оказались той силой, которая идеологически подготовила японское общество к установлению связей с внешним миром. Основная

масса этих ронинов, преисполненных ненависти к бакуфу, которое следило за каждым их шагом, стала наиболее ревностными борцами за реставрацию[10].

Бакуфу, видевшее в крестьянстве основной источник своих доходов, а в зависимых от него самураях военную опору, с грубым пренебрежением относилось к тэнин, или торговому классу, отводя ему последнее место на социальной лестнице. Оно рассматривало торговцев как непроизводительный класс, который в погоне за деньгами не брезгает никакими средствами. Власти связывали их деятельность многочисленными ограничениями; стиль их одежды, ношение обуви, зонтов и тысячи других мелких деталей регламентировались законом. Правительство запрещало купцу даже носить имя, которое хотя бы отдаленно напоминало имя даймё, оно не разрешало торговцам селиться в кварталах, где проживали самураи. Пожалуй, ни в какой другой стране феодальная аристократия не могла бы выразить большее отвращение к погоне за деньгами и искателям наживы, чем токугавские моралисты и законодатели. В токугавском административном кодексе имелся знаменитый пункт кири-сутэгомэн, позволявший самураю безнаказанно убивать мечом простолюдина[11]. Однако, несмотря на всевозможные притеснения, растущая экономическая мощь японского купечества преодолевала все преграды — как законодательные ограничения, так и бесконечные толки о безнравственности роскоши. Хотя купечеству официально было отведено последнее место на социальной лестнице, оно все больше и больше расширяло свое влияние в феодальном обществе, где натуральное хозяйство, основу которого составляло производство риса, постепенно вытеснялось денежным хозяйством. Этот процесс был вызван ростом продуктивности сельскохозяйственного и промышленного производства, что в свою очередь стимулировало рост торговых центров и городов, где средством обращения служили деньги. Быстрое развитие средств сообщения, связанное с системой санкинкотай, в значительной мере способствовало развитию товарооборота. Рост городов и развитие транспорта свидетельствовали о расширении рынка, что влекло за собой специализацию в области производства и торговли. В период Токугава существовала резкая грань между производителями и торговцами, причем бакуфу стремилось подчинить своему контролю деятельность каждой социальной группы, издавая в этих целях многочисленные административные регламенты. Однако купцы образовали несколько крупных монополий в области оптовой торговли (тонъя)[12], в которых действовали жесткие гильдейские правила, и сумели добиться ряда привилегий ценою уплаты правительству особого сбора — ундзэ (или «благодар-

ственные деньги») наряду с нерегулярными налогами, как, например, мёгакин и гоёкин, которые на деле являлись принудительными займами. Одним из наиболее существенных результатов возрастающей роли купечества было усиление зависимости даймё и самураев от этого класса. Получая доходы в виде риса, эти феодальные классы^{10}, вынужденные вследствие экономического развития страны все чаще и чаще переходить на положение горожан, оказывались перед необходимостью превращать свой рис в деньги. Для этой цели самураи (в особенности хатамото — вассалы сёгуна) вступали в торговые отношения с перекупщиками риса (фудасаси), а даймё обычно поручали заведование своими крупными складами в Осака и Эдо финансовым агентам (курамото). Социальные последствия роста экономического могущества купечества были исключительно велики. Многие современники указывают, что богатые купцы усыновлялись самурайскими семействами и что обедневшие воины были рады вступить в купеческую семью путем брака или усыновления. Это слияние феодальных слоев с наиболее богатыми купеческими семействами представляет собой настолько важное явление в социальной истории Японии, что мы сочли необходимым в одном из следующих разделов остановиться на нем более подробно. Здесь же отметим только, что существовал класс торговцев и ростовщиков, которые, хотя номинально и находились на последней ступени социальной лестницы, все же проскальзывали сквозь сети феодальной системы и даже занимали руководящие посты в семейных советах многих кланов. Тем не менее запрещение внешней торговли правительством Токугава наряду с мелочными ограничениями, вытекавшими из феодальных предрассудков, задерживало развитие японского купечества и в особенности мешало накоплению капитала в руках этого класса[13], вследствие чего он по богатству и влиянию значительно уступал купечеству торговых компаний Великобритании и Голландии XVII и XVIII вв. Экономическая деятельность класса тёнин не могла не подрывать основ феодализма, а это вызывало нескрываемую враждебность к этому классу со стороны бакуфу, проявлявшуюся иногда в таких действиях, как конфискация имущества видных торговцев рисом (например, знаменитого Ёдоя Сабуроэмон). Хотя купечество в целом было очень тесно связано с феодальной системой и не могло последовательно бороться за уничтожение феодализма, тем не менее ограничения, налагававшиеся на этот класс деспотическим правительством, лишали это правительство поддержки значительной части купечества. Когда же в период реставрации появилась перспектива образования другого правительства, которое обещало большую свободу в области экономики, купече-

ство решительно поддержало политическую борьбу против старого режима путем щедрых пожертвований. Однако, как мы увидим дальше, купцы в этой борьбе играли подчиненную роль.

Атлантом, державшим на своих плечах общество, состоявшее из феодальных князей, воинов и купцов, было крестьянство. Мелкое крестьянское хозяйство являлось экономической основой сёгуната и княжеств. Поэтому феодальные правители всячески поощряли расширение сельскохозяйственного производства. Эту же цель преследовал и закон, запрещавший крестьянам покидать деревню[14]. Еще в 1643 г. бакуфу запретило отчуждение земли, пытаясь остановить процесс исчезновения мелких самостоятельных земледельцев[15]. Эта же цель лежала в основе закона, запрещающего раздел земли, за исключением случаев, когда размер участка превышал 1 тё (0,9 га) и урожай с него составлял не менее 10 коку. Расширение сельскохозяйственного производства достигалось путем издания соответствующих распоряжений, путем улучшения сельскохозяйственной техники, а также при помощи различных форм административного давления— одним словом, мерами экономического и политического принуждения. Аграрная политика токугавского правительства характеризовалась известной поговоркой: «Так облагать крестьян налогами, чтобы они не могли ни жить, ни умереть». Распределение продукции сельского хозяйства обычно производилось в следующей пропорции: «четыре доли князю, а шесть народу» (си-ко року-мин). Однако существовала еще более невыгодная для крестьян пропорция распределения урожая: пять к пяти (пять князю и пять крестьянину) и даже семь к трем (семь князю и три крестьянину). По мере того, как увеличивалась потребность феодала в деньгах, он все больше и больше обременял крестьян поборами, часто требуя выплаты определенной их доли деньгами. Для крестьянина, отдававшего в виде налога большую часть своей продукции, хороший урожай часто означал лишь большую дань в пользу феодала, тогда как плохой урожай грозил ему голодом. Кроме того, с проникновением денежных отношений в деревню крестьянин не мог уже приобретать все, что ему было нужно, путем простого обмена. В стране с таким интенсивным сельским хозяйством, как Япония, крестьянин вынужден был покупать удобрения и сельскохозяйственный инвентарь по ценам, которые постоянно росли вместе с ростом общего жизненного уровня — вернее, жизненного уровня всех классов за исключением крестьянства. Часто крестьяне вынуждены были брать деньги у ростовщиков, отдавая в залог свою землю^{11}. Таким образом, благоприятные возможности для ростовщика заключались не в процветании крестьянства, а в его «азиатской» нищете. Будучи не в состоянии вернуть вовремя взя-

тые деньги, крестьянин был вынужден отказываться от права пользования землей, которая номинально принадлежала господину. Законным «земледельцем», таким образом, становился ростовщик, который принимал на себя ответственность за уплату подати. Он увеличивал податное бремя крестьян, в результате чего после уплаты податей у него в руках оставался чистый доход[16]. Таким образом, вторжение денежных отношений в деревню привело к концентрации земли в руках небольшого числа владельцев и вызвало рост земельной аренды. Несмотря на запрет продажи земли, изыскивались всевозможные способы для передачи ее другому лицу. Так в простые отношения между правителем (феодалным князем) и управляемым (крестьянином) вклинился третий элемент — ростовщик-землевладелец. Ростовщик, сделавшийся с этого времени хорошо знакомой фигурой в японской деревне и продолжающий играть важную роль в социальной истории Японии вплоть до наших дней, часто был богатым крестьянином из старой крестьянской семьи, скопившей большое состояние, но громадное большинство ростовщиков являлось такими сельскими жителями, которые помимо сельского хозяйства занимались и торговлей[17].

Следовательно, наряду с гнетом феодальных князей на крестьян давил еще гнет ростовщиков, сделавшихся фактическими хозяевами земли. Сила этого класса неуклонно возрастала, а во время реставрации он достиг такого могущества, что сумел оказать огромное влияние на решение земельного вопроса[18]. Остановимся теперь на крестьянских повинностях, о которых упоминает в своем отчете известный токугавский советник Мацудайра Саданобу (1758–1829) (отчет Мацудайра приводится здесь в сокращенном виде). «Подати, налагаемые на крестьян, поглощают от 50 до 70 % их урожая. Существует множество других налогов, таких, как налог на поля, на двери, на окна, налог на детей женского пола в зависимости от возраста, налог на ткани, на сакэ, налог на ореховые деревья, на бобы, на коноплю. Если крестьянин пристраивал комнату к своей хижине, она облагалась налогом... Номинально размер налога составлял один коку риса и один катори шелку, но фактически он увеличивался в три раза в результате взяточничества и вымогательства. Во время сбора урожая чиновники совершали инспекционные поездки и останавливались в домах местных жителей. Если их плохо принимали, они либо увеличивали размер подати, либо облагали это хозяйство трудовой повинностью. Налоги обычно взимались за несколько лет вперед. Существовало бесконечное количество и других форм вымогательства и насилия».

Барщина, как и обложение налогом, имела разнообразные формы^{12}, но ни одна из них не была, пожалуй, такой обременительной, как сукэго — обязанность поставлять лошадей и людей для курьерской или почтовой службы. Села, которые не были в состоянии выделить установленное количество лошадей и людей, облагались другими, не менее обременительными повинностями. Такова картина тяжелой, мучительной жизни крестьян. Даже в хорошие времена их положение было жалким, а в неурожайные годы оно становилось просто невыносимым.

Неудивительно поэтому, что даже консервативный по своим взглядам крестьянин вынужден был оказывать сопротивление дальнейшему усилению феодального гнета. Это сопротивление проявлялось в двух формах — пассивной и активной. Под пассивной формой я имею в виду практику детоубийства или мабики (дословно «прореживание»), принявшую столь значительные масштабы, что перед нею оказывались бессильны как административные меры, так и конфуцианская этика токугавских правителей. Другой формой пассивного сопротивления было бегство крестьян в города, в особенности в голодные годы, которое власти тщетно пытались остановить. Самой активной формой борьбы являлось восстание, к которому прибегали доведенные до отчаяния крестьяне как к последнему средству. Чем больше затягивался и углублялся аграрный кризис, тем чаще вспыхивали восстания, охватывавшие иногда несколько округов одновременно. Эти восстания не прекращались до конца токугавского периода, и можно определенно сказать, что именно они, подорвав основы феодального режима, предрешили успех политической борьбы, направленной против бакуфу.

Разорение непосредственных производителей в обстановке развития денежного хозяйства подорвало финансовую базу сёгуната и даймё и в конце концов привело их к банкротству. Этот же самый процесс привел к обнищанию слоя феодальных вассалов, которые все чаще и чаще бросали своих князей и становились, как было показано выше, ронинами, разбойниками, бандитами и авантюристами, в то время как другая их часть сделалась убежденными борцами антиправительственного лагеря или же учеными, искавшими за пределами родины образец, который следовало положить в основу при создании новой Японии. Раздраженные голоса этих обнищавших, но гордых вассалов усиливали общий хор недовольства жесткой кастовой системой и свидетельствовали о том, что преданность самураев своим князьям — даймё и сегуну — была в значительной степени подорвана. Усиливающиеся трения между самураями низших рангов и клановыми или правительственными властями в конце концов должны бы-

ли вылиться в политическую борьбу.

В прошлом наследственные вассалы, самураи теперь были превращены в простых наймитов, получающих неустойчивый рисовый паек, а иногда и вовсе лишенных всяких средств к существованию. Поэтому они имели все основания выступать против ненавистной клановой системы, разрушавшей их честолюбивые планы и угрожавшей их социальному благополучию. Неопределенность экономического положения самураев, как ржавчина, разъедала источник феодальной верности, и самураи, лишенные своего прежнего традиционного почетного положения, естественно, искали более высокого, более общего идеала, достойного их преданности и жертв. Именно самураи низших рангов выступили в качестве ударной силы в наступлении против бакуфу и дали наиболее стойких лидеров реставрации. Многие из них еще в годы, предшествовавшие поражению бакуфу, боролись против местного обскурантизма и политического гнета, стремясь пробудить у японцев чувство национального самосознания. Голос этой части самураев и ронинов зазвучал особенно громко, когда они, под давлением угрозы агрессии со стороны западных держав, связали лозунг «сон-но» (уважение к императору) с боевым кличем «дзё-и» (долой варваров). В то время как лозунг «сон-но» являлся наиболее полным выражением недоверия к бакуфу, боевой клич «дзё-и» стал действенным стратегическим лозунгом, поскольку он служил легальным прикрытием явно мятежного движения против бакуфу. В то же время этот лозунг толкал японцев к нападению на иностранцев, что приводило к обострению отношений бакуфу с иностранными державами.

Наконец, в борьбу против бакуфу включилась часть императорского окружения кугэ — дофеодального класса, отличавшегося по своему положению от феодальной знати, или даймё. Этот слой высшей аристократии находился в зените славы и политического могущества в период господства Фудзивара. Жизнь придворной аристократии этого периода детально освещена Мурасаки Сикибу в произведении «Гэндзи Моногатари» и Сэй Сёнагоном в произведении «Макура Соси». При правлении Токугава кугэ обеднели и утратили прежнее значение[19], но они сохранили память о прошлых днях, когда мастерство в поэзии или каллиграфии приносило большую славу, чем все военные доблести. Бакуфу и военные круги с презрением относились к гуманистическому, гражданскому мировоззрению кугэ. Тем не менее сёгунат, понимая, что эта придворная знать может питать недовольство по отношению к нему, принимал меры предосторожности, чтобы помешать установлению связей между придворной знатью и даймё[20]. Некоторые из наиболее активных кугэ — Ивакура, Сандзё, Току-

дайдзи — заключили секретный союз с наиболее решительными антиправительственными элементами, главным образом из клана Тёсю. Эти кугэ, свободные от полицейского надзора и пользовавшиеся большим влиянием благодаря своей близости к императору, составили ядро, вокруг которого оппозиционные даймё (из кланов Сацума, Тёсю, Тоса и Хидзэн) образовали антиправительственный союз. Можно сказать, что первым сознательным политическим движением против сёгуната был именно этот союз или объединение придворной знати с самураями (кобу-гаттай-)[21]^[13]. Деятельность этого союза особенно усилилась после смягчения системы санкин-котай в 1862 г., в результате чего даймё получили возможность беспрепятственно посещать Киото. Однако с обострением борьбы этот союз распался. В качестве лидеров движения за реставрацию выдвинулись самураи низших рангов и ронины, тогда как даймё, сбитые с толку быстрым поворотом событий и напуганные экстремизмом своих вассалов, в особенности из клана Тёсю, выпустили инициативу из своих рук, которая перешла к честолюбивым советникам, или ронинам[22].

Есть некоторый элемент иронии в том, что культ преданности императору, который в течение длительного времени насаждали феодальные власти бакуфу, обернулся против них же самих, когда их политические противники выставили лозунг «сон-но» (уважение к императору). Бакуфу трудно было бороться против этого лозунга, поскольку оно не могло противопоставить ему какой-либо другой лозунг. Положение трона при режиме Токугава ничем не отличалось от того положения, которое он занимал при предшествующих сёгунатах — Камакура и Асикага. Тот факт, что сёгун обладал фактической властью, а император находился в строгом уединении в Киотоском дворце, теоретически обосновывался тем соображением, что личность императора не должна оскверняться заботами о государственных делах; поэтому император как бы передавал на время свои полномочия главнокомандующему, носившему титул «сэйитай-сёгун», хотя теоретически император продолжал оставаться носителем власти.

Токугавский сёгунат окружил трон непроницаемой стеной церемониальных рогаток и до такой степени ограничил его связи с внешним миром, что император никогда не мог играть сколько-нибудь заметной роли в политической жизни страны. Но в течение двух с половиной веков токугавского господства в японском обществе вызревала новая политическая идеология, которая оказывала все большее и большее влияние на умы образованных кругов. Под влиянием высланного из Китая при минской династии Шу Шун-суя, или Чу Шун-шуя 1600–1682 гг.), в клане Мито образовалась школа историографов вокруг мецената историков

— Токугава Мицзукуни 1628–1700 гг.). Мицзукуни попросил китайского ученого помочь написать историю Японии — Дай Нихон Си, причем красной нитью через всю книгу должна была проходить идея преданности трону. Исследователи, пожалуй, преувеличивают, когда подчеркивают влияние этого труда на современников, потому что он был опубликован только в 1851 г., да и то лишь частично. Кроме того, этот труд, написанный в строгом классическом стиле, был малодоступен для рядовых самураев[23]. Но как первый труд он несомненно послужил стимулом для появления других исследований, излагавших те же самые взгляды[24].

Наиболее деятельными пропагандистами идеи преданности трону были сторонники возрождения Синто, обычно называемые кокугакуся, или националистической школой. Самой крупной фигурой среди них был Мотоори Норинага (1730–1801 гг.), который осуждал преклонение перед всем китайским, пронизывавшее японскую литературу, и прославлял местную, чисто национальную культуру. Мотоори и его последователи сумели внушить огромному числу своих соотечественников чувство преданности императорскому семейству и восторженность по отношению к японскому духу. Однако было бы неправильно полагать, что узкий и замкнутый национализм мешал выдающимся мыслителям того времени правильно оценить значение достижений западной науки.

Несмотря на то, что кокугакуся неустанно проповедовала верность трону, нанося тем самым ущерб политическому престижу бакуфу, наиболее проникательные умы среди них не видели противоречия между своим учением и стремлением ознакомиться с культурными достижениями Запада. Через голландцев многие из них довольно хорошо усвоили западную науку и политические учения[25]. Наиболее ревностными учениками голландской школы являлись ронины и самураи низших рангов, которые, порвав связь с кланами, могли посвящать науке все свое время. Нелегко было этим людям овладеть иностранными языками. Они встречали массу трудностей: отсутствие источников существования, недостаток книг, предрассудки ортодоксальных конфуцианских ученых, преследования со стороны властей и даже убийства, совершаемые фанатиками из лагеря противников иностранного влияния[26]. Такие смелые люди, как Сакума Сёдзан, Ватанабэ Кадзан, Такано Тёэй, Ёсида Сёин, поплатились жизнью за свое желание овладеть знаниями Запада и применить их к условиям Японии. Их преемники, дожившие до периода Мэйдзи, были такими же, как и они, бедными самураями или ронинами, испытывавшими всю тяжесть репрессий бакуфу, но которые, тем не менее, были в курсе всех достижений науки в других странах и оказа-

лись наиболее подготовленными для того, чтобы играть руководящую роль в борьбе за свержение бакуфу и утверждение нового режима.

Когда токугавский режим перешагнул за двухсотлетний рубеж своей истории, перед ним возник целый ряд очень серьезных проблем. На протяжении последних нескольких лет страну потрясли стихийные бедствия — землетрясения, наводнения, голод, пожары. Положение сельского хозяйства было до того катастрофическим, что неурожай неизбежно влек за собой голод. Наиболее серьезные стихийные бедствия обрушились на страну в памятном 1833 г. Затем голодные годы следовали один за другим. В 1837 г. на улицах Нагоя валялись сотни непогребенных трупов. Хронические бедствия в сельском хозяйстве вызывали крестьянские восстания, причем к концу эпохи численность и размах этих восстаний значительно возросли^{14}. Время от времени в крупных городах вспыхивали рисовые бунты, или утиковаси. Характерной чертой этих бунтов являлось участие в них ренинов и даже мелких чиновников, которые часто стояли во главе повстанцев. Наиболее ярким примером утиковаси может служить неудачное восстание 1837 г. в Осака, связанное с именем Осю Хэйхатио[27]. Осю был мелким полицейским служащим и высокообразованным человеком. Возмущенный неспособностью властей справиться с отчаянной нищетой народа, он выпустил манифест, в котором обосновывал свои взгляды и призывал бедноту к восстанию. Хотя вследствие предательства это восстание было подавлено, оно вызвало такой отголосок в стране, что в самых отдаленных частях Японии начали вспыхивать восстания городской бедноты и крестьян, во главе которых вставали ронины, считавшие себя «учениками Осю» и призывавшие к «уничтожению грабителей страны». Слабость централизованной власти крайне затрудняла подавление таких восстаний и толкала более смелых людей на борьбу против бакуфу. Дороги страны были наводнены разбойниками, и, так как сёгунат не рисковал вступать с ними в борьбу, богатые горожане создавали свои собственные отряды телохранителей. Теперь многие открыто выступали против изоляционистской политики бакуфу, требуя открытия страны для внешней торговли и поощряя стремление к овладению знаниями Запада. Крупные купцы, связанные по рукам и ногам феодальными законами, запрещавшими внешнюю торговлю, и раздраженные политикой «гоёкин» (принудительных займов), к которой прибегало обанкротившееся бакуфу, искали в Широких народных массах поддержки в борьбе за расширение национального рынка и изыскание лучших возможностей для капиталовложений, чем те, которые давали им землевладение и

ростовщичество. В лице крупных тодзама, возглавлявших кланы Сацума, Тёсю, Тоса и Хидзэн, они видели своих политических союзников, которые осторожно объединялись для согласованного выступления против бакуфу. Однако непосредственную угрозу для режима Токугава представляло крестьянство, являвшееся основным производительным классом, а также ронины и Самураи низших рангов, которые, будучи политически наиболее активным классом, часто увлекали за собой и лиц, стоявших рангом выше их. Бакуфу делало отчаянные попытки отразить натиск своих противников при помощи конфуцианской морали, а также посредством укрепления кастовой системы. Но в условиях неуклонного возрастания роли денег и распада кастовых связей эти попытки не могли привести к успеху. Тщетность попыток преодолеть социальные бедствия с помощью одних лишь призывов к соблюдению конфуцианской этики вскоре поняли и сами токугавские правители. Среди наиболее дальновидных руководителей правительства начали расти сомнения в целесообразности дальнейшего сохранения строгой изоляции Японии от внешнего мира.

В обстановке непрерывных восстаний, приведших правительство на край банкротства, оно столкнулось лицом к лицу с угрозой внешнего вторжения. Эта внешняя опасность, возникшая как раз в период разложения феодального режима, роста восстаний и наибольшего политического недовольства, оказалась решающим фактором, показавшим раз и навсегда несостоятельность правления бакуфу. Кроме того, сёгунат допустил ряд ошибок, поставив тем самым страну перед опасностью чужеземного завоевания, в результате чего всем проникательным людям и даже многим из сторонников бакуфу стало ясно, что это правительство окончательно потеряло право управлять страной.

Попытки «открыть» Японию

Мы уже видели, как различные социальные группы в феодальной Японии постепенно отворачивались от режима, который все считали виновником хаоса и бедствий, царивших в стране. Теперь следует проследить, как опасность внешнего вторжения, совпавшая по времени с периодом разложения феодализма и роста восстаний, была использована врагами бакуфу в целях его ниспровержения. Географические условия способствовали изоляции Японии. Из всех азиатских стран она была менее всего досягаема для великих европейских морских держав. Тем не менее было совершенно ясно как для западных купцов, так и для японских государственных деятелей, что Япония, несмотря на этот

географический фактор, не может избежать того дня, когда какая-нибудь великая держава постучится в закрытые двери и потребует ответа на свой вопрос о том, хочет ли Япония добровольно открыть свои порты для мировой торговли и взаимного общения или она предпочитает разделить участь Индии или Китая. Еще задолго до прибытия Биддля и Пэрри^{15} правители Японии имели веские основания для тревогу по поводу того, что европейские мореплаватели и создатели империй проявляют слишком большой интерес к их стране. В походе великих европейских держав на восток первым этапом была Индия, вторым — Китай, а

Япония — эта Ultima Thule^{16} Гулливера и Марко Поло — третьим и последним этапом. Таким образом, вплоть до середины XIX в. внимание Англии с точки зрения ее территориальных и торговых интересов было поглощено Индией, а затем Китаем. Но волна, образовавшаяся от быстрого продвижения Ост-Индской компании в китайские территориальные воды между 1808 и 1825 гг., захлестнула и берега Японии, нарушив сон самодовольного бакуфу. Одна из первых попыток Англии прощупать прочность изоляции Японии была предпринята в 1808 г., когда английский военный корабль «Фаэтон» самовольно вошел в порт

Нагасаки, вызвав страшный переполох среди японских правительственных чиновников и голландских резидентов. Когда Голландия — единственная страна, торговавшая с Японией, была включена в империю Наполеона III, находившегося тогда в состоянии войны с Англией, последняя решила воспользоваться этим для вытеснения Голландии из Японии. Вскоре после того как Англия захватила Яву, один из создателей империи, сэр Стамфорд Раффлс, обладавший сильным воображением, настаивал, чтобы английская Ост-Индская компания не только вытеснила голландцев из Нагасаки, но и осуществила бы такие грандиозные коммерческие и колониальные планы в Японии, каких до сих пор не замышляла никакая другая страна. Вероятно с целью изучения возможности вытеснения голландцев, в 1813 г. два английских судна, «Шарлотта» и «Мария», прибыли в Нагасаки. Однако планы Раффлса были сорваны хитрым голландским агентом Доеффом, который отверг требование англичан о передаче им торговых прав голландцев в Японии и сумел сохранить остров Дэсима в качестве единственного места на земле, где в 1813 г. еще развевался голландский флаг. Эти события, а также вооруженное столкновение между английскими моряками и местными жителями на острове Такара в проливе Кагосима так встревожили бакуфу, что оно издало в апреле 1825 г. знаменитый приказ утихарай рэй о том, что любое иностранное судно, которое нарушит изоляцию Японии, должно быть атаковано и изгнано.

Правительство бакуфу поощряло неистовую агитацию против иностранцев. Позже это послужило для него источником больших затруднений, когда, столкнувшись, с одной стороны, с настойчивым требованием западных держав «открыть» Японию и, с другой — с требованием народа «изгнать варваров», бакуфу не могло найти выхода и после длительных колебаний оказалось вынужденным передать наконец вопрос о подписании договоров с иностранными государствами на усмотрение императорского двора в Кёто, сильно подорвав тем самым свой политический престиж. Однако дальновидному Раффлсу не удалось заинтересовать Ост-Индскую компанию торговлей с Японией, Это объясняется тем, что в то время вся сила торговых устремлений англичан была направлена не на далекие японские острова, а на Китай — империю сказочных богатств. Захват Сингапура в 1819 г. и рост торговли с Китаем, в особенности торговли опиумом, свидетельствовали о том, что следующий форпост британских торговых компаний будет создан где-нибудь на берегах Китая. Для того чтобы уничтожить барьеры, препятствовавшие ее внешней торговле, Англия вступила в войну с маньчжурской династией, оказалась победительницей и навязала Китаю Нанкинский договор 1842 г.) — первый неравноправный договор в истории Китая. Британские купцы были слишком увлечены если не самой эксплуатацией, то перспективой эксплуатации этого богатого рынка и не могли уделять большое внимание скалистым островам Японии, расположенным где-то далеко на северо-востоке. Однако судьба Китая произвела глубокое впечатление на умы лучших мыслителей Японии, чьи произведения, несмотря на цензуру, послужили громким призывом к укреплению национальной обороны и заимствованию достижений западной промышленности и военной науки. Опасаясь строгим применением ути-харай рэй подвергнуться участи Китая, бакуфу заняло более примирительную позицию по отношению к иностранцам и в 1842 г. издало инструкцию, разрешавшую иностранным судам заходить в определенные порты для пополнения запасов угля и продовольствия. Таким поворотом в своей политике бакуфу не только вызвало ненависть со стороны крикливой антииностранной партии, пользовавшейся тогда большим влиянием, но разожгло между кланами наследственную вражду и соперничество, которые тлели в течение ряда десятилетий. Антииностранная партия, состоявшая из ученых, сторонников введения западных порядков, для того чтобы отразить честолюбивые устремления западных держав, теперь повернула свое оружие против бакуфу за его уступку иностранцам. Однако лозунг «долой варваров» был лишь маневром, рассчитанным на обход токугавской реакции с фланга. Об этом свидетель-

ствуется следующий факт: как только партия противников бакуфу пришла к власти после реставрации 1868 г., наиболее наивные приверженцы этого лозунга были жестоко наказаны за нападки на иностранцев.

Как и следовало ожидать, Англия, являвшаяся тогда наиболее развитой капиталистической страной в мире, стала инициатором борьбы за уничтожение торговых барьеров в Восточной Азии. Ее сильный конкурент в области судоходства, Соединенные Штаты, которые лишь на немного отставали от Англии по тоннажу морских перевозок[28], к этому времени начали проявлять большой интерес к Дальнему Востоку и стремились приобрести определенные договорные права, обеспечивающие интересы американских судоходных компаний на Дальнем Востоке. Комодор Пэрри незадолго до своей экспедиции в Японию писал: «Когда мы смотрим на восточные владения нашего сильного морского соперника — Англии, на непрерывный и быстрый рост числа ее укрепленных портов, мы убеждаемся в необходимости принять неотложные меры... К счастью, Японские и многие другие острова в Тихом океане еще не затронуты этим бессовестным правительством (то есть Англией), некоторые из них расположены на великом торговом пути, который неизбежно приобретет исключительное значение для Соединенных Штатов. Не теряя ни одной минуты, следует принять самые решительные меры для закрепления за США достаточного количества портов». Дальневосточная политика США к этому времени уже обнаружила свои характерные черты, а именно, стремление и настойчивые попытки подготовить условия для осуществления своих будущих планов. В поисках портов и торговых опорных пунктов в западной части Тихого океана Пэрри и другие американцы выдвигали планы захвата Формозы, а также островов Рюкю и Бонин[29]^{17}. Пока Франция, Англия и Россия были поглощены спорами по турецкому вопросу, приведшему к Крымской войне 1854–1856 гг., а Англия и Франция, кроме того, старались извлечь максимум выгоды из недавно заключенных неравноправных договоров с Китаем, Соединенные Штаты Америки начиная с 1853–1854 гг., то есть после «открытия» Японии^{18}, настойчиво стремились навязать свои требования бакуфу и в конце концов достигли своей цели: в 1858 г. американец Таунсенд Гаррис добился того, что Япония, уступив иностранному давлению, заключила первый торговый договор с западной державой^{19}. Вслед за этим неизбежно должно было последовать установление постоянных дипломатических связей с другими странами. Эта уступка со стороны бакуфу привела к усилению антииностранных настроений среди японцев. В то же время, разрешив иностранным купцам

въезд в Японию, правительство тем самым ускорило разрушение феодальной экономики. В результате заключения торгового договора во внешней торговле Японии произошел резкий скачок: в 1863 г. японский экспорт, главным образом сырья, составлял 4 751 631 иену, а в 1865 г. эта цифра увеличилась до 6 058 718 иен, в то время как импорт за этот же период соответственно составлял 4 366 840 и 5 950 231 иену. Вследствие того, что договором были установлены низкие пошлины на импортные товары, началось наводнение Японии иностранными промышленными товарами. Такое фантастическое соотношение цен золота и серебра, как 1:6 или 1:5 при мировом соотношении 1:15[30], привело к большой утечке золота, что расстроило японскую экономику, но зато принесло громадные прибыли иностранным купцам. В 1860 г. бакуфу начало понижать ценность монеты путем уменьшения в ней содержания золота более чем на 85 %. Последовавшая затем инфляция еще больше усилила экономическую разруху, вызвав стремительный рост цен на предметы потребления. Рост цен на товары наряду с резким колебанием цен на рис[31] имел катастрофические последствия для сёгуната, даймё и находившихся на их содержании самураев, размеры рисовых стипендий которых хотя и были твердо установлены, но при переводе на деньги фактически сокращались вследствие роста цен на товары.

Сёгунат, финансы которого находились в чрезвычайно неустойчивом положении, теперь вынужден был принять на себя еще тяжесть чрезвычайных расходов по строительству фортов, чугунолитейных заводов, а также расходы по компенсации за нападения на иностранцев и на отправку представителей за границу. У правительства не было других источников для покрытия этих расходов, кроме как усиление обложения сельского населения и выколачивание принудительных займов — гоёкин — с купцов[32]. Новые налоги, которые сёгунат и даймё взимали с крестьян, вызывали еще более сильные крестьянские восстания[33], в то время как разросшаяся армия ронинов, разорившихся крестьян, бродяг и нищих устремлялась в города, усугубляя царивший в стране хаос. Бедственное экономическое положение самураев низших рангов, обостренное катастрофическим ростом цен, привело их к отчаянной нужде и усилило их ненависть к бакуфу и его внешней политике. Виновниками своего тяжелого положения самураи считали иностранных варваров и их коммерческие операции[34]. Начиная с убийства в 1860 г. Ии Наосукэ^{20} — сторонника «открытия» Японии для иностранцев, покушения на руководящих деятелей бакуфу становятся частым явлением. Террор был направлен также и против купцов, которые наживались на ростовщических операциях, а также на спекуляции, используя

колебания цен на рис[35].

Прежде чем перейти к рассмотрению преобразований, происшедших во время реставрации, уместно поставить вопрос, почему Япония не стала колонией или страной с ограниченным суверенитетом, как, например, Китай того периода. Опасность подчинения Японии одной или нескольким западным державам была вполне реальной. Внутреннее социальное и экономическое разложение достигло такой степени, что приходится удивляться, каким образом Япония избежала участи Китая. Англия и Франция перекосили свои колониальные опорные пункты все дальше подалее на Восток. К счастью для Японии, их внимание было поглощено значительно более богатой добычей — Китаем, «усмирением» которого они были заняты в течение нескольких десятилетий, начиная с 1840 г. Англия особенно пристально следила за могучим восстанием тайпинов, которое вспыхнуло в 1850 г. и продолжалось около пятнадцати лет, а затем приняла участие в подавлении этого восстания. Период с 1860 по 1865 г., то есть канун реставрации Мэйдзи, был наиболее критическим для Японии. Бакуфу отступало по всему фронту перед своими политическими соперниками; экономическая разруха достигла исключительной остроты в результате хронического аграрного кризиса и, наконец, вся прогнившая система феодализма рассыпалась в прах под воздействием западной торговли и западной идеологии.

Франция при Наполеоне III обнаружила стремление к приобретению новых территорий и славы. К тому времени, когда Наполеон выпутался из своей мексиканской авантюры, увенчанная шлемом фигура Бисмарка бросила зловещую тень на Вторую империю, угрожая ей войной и удерживая Наполеона от посылки войск на край света. Тем не менее Франция, несмотря на свою слабость, вновь обратила свой взор на Дальний Восток, пытаясь добиться успеха если не путем завоеваний, то хотя бы при помощи интриг. Леон Рош, французский дипломатический представитель в Японии, прошедший большую школу колониального управления в Алжире, был находчивым дипломатом, типичным для периода, предшествовавшего «телеграфной» дипломатии. Его пребывание в Японии было ознаменовано установлением теснейших связей с бакуфу и соответствующей враждебностью по отношению к антиправительственной клановой коалиции.

Кланы Тёсю и Сацума стремились завязать более тесные отношения с Англией. Это стремление может показаться странным, если мы вспомним события в Намамути в 1862 г., когда англичанин Ричардсон был убит самураями из клана Сацума, а англичане в отместку за это в следующем году произвели артиллерийский обстрел города Кагосима^{21}. Очевидно этот наглядный урок, про-

демонстрировавший превосходство европейского оружия, произвел неожиданный эффект и убедил самураев из клана Сацума, наиболее воинственных и надменных во всей феодальной Японии, что не враждебность, а дружественное отношение следует проявить к людям, которые в состоянии научить их кое-чему полезному в военном отношении. Тот же самый магический эффект произвела бомбардировка и на людей клана Тёсю, когда город Симоносеки был обстрелян из пушек международной эскадры в 1863 г.^{22}. Каковы бы ни были мотивы радикального поворота в политике ведущих кланов, выступавших ранее против иностранцев, нельзя не отдать должное чувству реализма и хладнокровию, проявленному ими в данном случае[36]. Таким образом, Франция возлагала свои надежды на бакуфу, тогда как Англия, в лице сэра Гарри Паркса, поддерживала «внешние» кланы. Западные наблюдатели часто даже не представляют себе, как далеко зашла Франция в своих обязательствах поддерживать бакуфу. Так, например, она финансировала и помогала строить металлургический завод в Ёкоцука и дважды предлагала бакуфу военную помощь и инструктаж, когда бакуфу пыталось в 1864 и 1865 гг. подчинить себе клан Тёсю. Некоторые историки утверждают даже, что бакуфу имело секретный договор с Францией, заключенный через посредство своего представителя Токугава Акитакэ, посланного во Францию в 1867 г. якобы для того, чтобы представлять бакуфу на церемонии открытия Международной выставки в Париже. Если французы и лелеяли какие-либо надежды на приобретение концессий за свою поддержку бакуфу, то эти надежды были полностью разбиты во время развернувшихся в 1867–1868 гг. событий, в результате которых бакуфу было свергнуто. Каковы бы ни были мотивы благожелательной позиции Англии по отношению к победившим «внешним» кланам, она временно воздержалась от попыток навязать им свои претензии сразу же после свержения бакуфу. Она, несомненно, была частично вознаграждена тем, что колониальные цели Наполеона III и его представителя в Японии были сорваны в результате переворота Мэйдзи.

Таким образом, чрезвычайная сложность международной обстановки в период с 1850 г. вплоть до окончания гражданской войны в США и начала франко-прусской войны, своеобразный тупик, возникший в результате англо-французских интриг в Японии, приведший к тому, что ни одна из этих стран не добилась преимущества (о чем упоминалось выше), и прежде всего тот факт, что Англия была поглощена своими делами в Китае, дали Японии значительную передышку, крайне необходимую для того, чтобы сбросить с себя цепи феодализма, который привел стра-

ну к экономическому крушению и поставил ее под угрозу установления экономического и военного господства западных держав. Хотя временное равновесие политических сил на международной арене имело известное значение (в особенности провал мексиканского похода, сыгравший для французов роль сдерживающего фактора в их притязаниях на Дальнем Востоке), можно без преувеличения сказать, что главным заслоном, защитившим Японию от торговой и колониальной алчности европейских держав, был поверженный Китай. По сравнению с Китаем, с его огромным и прибыльным рынком Япония представляла очень мало интереса и как рынок готовой продукции, и как источник сырья для промышленности западных стран. Кроме того, западные державы сталкивались с огромными трудностями при каждой попытке захватить Японию. Воспользовавшись передышкой, создавшейся благодаря временному равновесию политических сил на международной арене, лидеры Мэйдзи^{23} получили возможность свергнуть феодальное правительство, сеющее интриги и раздоры, создать вместо него новое централизованное национальное правительство и открыть Японию для свежих веяний западной науки и изобретений. Благодаря дальновидности этой выдающейся группы государственных деятелей был заложен фундамент сильного независимого государства, в силу чего внешнее вторжение становилось слишком опасным или слишком ненадежным предприятием^{24}.

Глава II

Рестаурация

Свержение бакуфу было осуществлено союзом антиправительственных сил, во главе которых стояли самураи низших рангов и ронины, главным образом из больших западных кланов Сацума, Тёсю, Тоса и Хидзэн, а также некоторые кугэ, опиравшиеся на финансовую поддержку крупнейших купцов Осака и Киото. Руководящая роль в этом перевороте, имеющем историческое значение, принадлежала самураям низших рангов, которые постепенно оттеснили от политического руководства самурайство высших рангов и феодальных князей. Поэтому, с политической точки зрения, рестаурация представляет собой не только переход от режима бакуфу к централизованной императорской власти, но и переход власти от высших феодальных кругов к самураям низших рангов. Именно из их среды вышли наиболее выдающиеся деятели того времени — Кидо Такаёси, Окубо Тосимици, Сайго Такамори, Омура Масудзиро, Ито Хиробуми, Иноуэ Каору и ряд других, тогда как феодальные правители кланов, как, например, Симадзу Хисамицу из Сацума, Мори Мотонори из Тёсю, Яманоути Ёдо из Тоса, постепенно сошли со сцены. Однако эти самураи и ронины не могли бы свергнуть правительство бакуфу, если бы они надеялись только на остроту своих сабель или смелость своих решений. Менее заметной, чем политические и военные подвиги самураев, но более важной как для свержения бакуфу, так и для укрепления нового режима была финансовая поддержка крупных купцов (тёнин), главным образом из Осака, где, как утверждали, было сконцентрировано 70 % всего богатства Японии. По мнению проф. Хондзё, решающие сражения в войне за рестаурацию при Тоба, Фусими, Эдо и Айдзу были выиграны благодаря финансовой поддержке, которую оказывали тёнин[1]. В официальной летописи дома Мицуи говорится: «Крупные займы, необходимые для осуществления военных операций императорских войск, щедро предоставлялись домом Мицуи»[2].

Необходимо отметить, что новый режим, унаследовавший развалившуюся экономику бакуфу, не мог бы выпутаться из своего тяжелого финансового положения и приступить к осуществлению гигантских задач по преобразованию страны, если бы не пожертвования и займы (гоёкин) таких крупных купцов, как Мицуи, Коноикэ; Ивасаки, Оно и Симада. Например, в первые же дни своего существования новое правительство через свое Управле-

ние доходами «Кинкоку суйтосё», обратилось 26 декабря 1867 г. к Мицуигуми (компания Мицуи) с настоятельной просьбой оказать ему финансовую помощь. Таким образом, Мицуи, один из крупнейших купцов феодального периода, финансировавший режим Токугава, а затем императорский дом, с самого начала стал одним из финансовых столпов нового правительства[3]. Реставрация Мэйдзи, следовательно, была осуществлена коалицией купечества и самураев низших рангов, которые в качестве ёнин, или управляющих хозяйством даймё, фактически вершили всеми делами кланов. Эта коалиция одной части правящего класса с купечеством отвечала интересам крупных купцов, которые еще издавна стремились добиться покровительства от феодальных властей в обмен на свою финансовую помощь. В силу этого политические преобразования Мэйдзи и в особенности «уничтожение феодализма» в 1871 г. — этот поворотный пункт в истории страны, оставивший неизгладимый след на всей структуре современной Японии, — могут быть поняты только при условии изучения этого феодально-купеческого союза, для чего мы должны снова вернуться к периоду Токугава.

Исторические предпосылки образования феодально-купеческой коалиции

В Японии, несмотря на ненависть к купцам, которая клочкотала в груди обанкротившихся феодальных владык, превратившихся в должников осакских купцов, гордых своим богатством, интересы феодального правящего класса настолько тесно переплелись с интересами крупного купечества, что все, что причиняло ущерб одним, задевало и других. Надменный даймё вынужден был подавлять свою спесь, если он хотел избежать банкротства. В том случае, если даймё прибегал к крайним мерам — отказывался погашать в срок свои долги или же угрозами по адресу своих кредиторов пытался заставить последних аннулировать долги, — он сразу же сталкивался с тем, что другие купцы, к которым он обращался за кредитом, очень вежливо, но категорически отказывали ему. Эта солидарность являлась для купцов своеобразной формой защиты своих классовых интересов[4]. С другой стороны, поскольку проценты от займов, предоставляемых самураям и даймё, были главным источником доходов крупных купцов, то полное разорение первых неизбежно привело бы и к разорению купечества[5]. Следует отметить сравнительную слабость японского купечества, которое было лишено таких источников накопления капитала, как торговля и грабеж, широко использовавшихся их европейскими коллегами в XVI–XVII вв. Ограничительные

меры токугавского правительства и нищета крестьян, продолжавших вести натуральное хозяйство (денежное обращение начинало, конечно, проникать в деревню, но крайне медленно), препятствовали расширению внутреннего рынка. Как уже было сказано выше, основными клиентами тёнин были самураи, проживавшие в городах-замках, а также даймё, которые вместе со своей свитой были обязаны, согласно системе санкин-котай, проводить половину своего времени в Эдо. Купечество, прекрасно понимая, что его собственное процветание тесно связано с благосостоянием воинов и знати, являвшихся его клиентами-должниками, никогда не мечтало о лобовой атаке против всей системы феодализма, хотя оно всегда было готово финансировать политическую борьбу против бакуфу, выступая таким образом на стороне оппозиционных элементов феодального класса[6].

Поскольку изоляционистская политика токугавского правительства исключала возможность вложения капиталов во внешнюю торговлю или в промышленность, то купцы, в особенности мелкие, часто употребляли свои деньги, полученные от торговли или ростовщичества, на приобретение земли. Освоение пустующих земель, как отмечалось в предыдущей главе, являлось одной из сфер приложения купеческого капитала. Приобретенную землю купцы обыкновенно сдарили крестьянам в аренду (эй-косаку) на срок свыше 20 лет. Другим видом аренды была ситидзи-косаку, то есть аренда заложенных земель, взятых ростовщиками у крестьян в качестве залога. Существовали и иные виды аренды, благодаря которым можно было обходить феодальные законы, запрещавшие отчуждение земельных наделов. Однако в данном случае нас интересует то, что в результате разложения феодализма в Японии появился новый класс землевладельцев, которому было выгодно сохранение феодальных отношений, хотя и в несколько видоизмененной форме, и который, следовательно, имел больше общего с классом даймё, чем с крестьянством[7]. Не трудно понять, что феодальные власти питали отвращение к этому быстро растущему классу новых помещиков. Это подтверждается следующей выдержкой из летописи того периода «Канно Бакумон», которая свидетельствует как о степени распространенности этого нового вида землевладения, так и о той тревоге, которую оно вызывало в официальных кругах. «Говоря о вреде концентрации [земли], мы должны отметить, что богачи, обладающие чрезмерными богатствами, поглощают наделы бедняков и становятся еще богаче, тогда как бедные становятся еще беднее. Плодородные земли полностью захвачены богатыми, и бесчисленные бедствия народа в конце концов приведут к бедствию всего государства... Кто не знает, что численность населения падает, а площадь

пустующих земель увеличивается? Имеются люди, которые, очевидно, не в состоянии платить налоги, в результате чего количество налогоплательщиков уменьшается, и нам не остается ничего другого, как прибегать к гоёкин [принудительным займам]. Причиной всех этих затруднений является концентрация [земли]».

Нельзя, конечно, не принять во внимание ту зависть к новым землевладельцам, которую испытывала феодальная аристократия, вынужденная делиться с купцами и ростовщиками своим некогда безраздельным правом взимания дани с крестьян. Однако перед лицом недовольного крестьянства, стремившегося либо путем восстаний, либо при помощи бегства сбросить с себя непосильное бремя, эта же самая аристократия становилась плечом к плечу с презируемым, но экономически сильным классом купцов и ростовщиков. Что касается крестьянства, то оно восставало как против финансового гнета феодальных властей, так и против эксплуатации новых землевладельцев[8]. По мере разложения токугавского режима эти две социальные группы, то есть прежние феодальные правители и новые землевладельцы, все больше и больше сближались между собой. Именно это, как мы увидим ниже, обусловило возможность того компромисса, к которому пришли эти классы при решении аграрного вопроса в период реставрации.

Большое значение для нашего анализа имеет тот факт, что сами даймё вынуждены были искать финансовой поддержки у крупных ростовщиков из Осака. Часто случалось, что казна клана попадала в руки богатого купца, который выдавал нуждающемуся даймё крупные суммы денег под крайне высокий процент и под залог его рисового дохода. Финансы клана Сэндай, например, контролировал осакский купец Масуя Хэйэмон, который, по словам писателя того времени Кайхо Сэйрё 1816 г.), «управлял финансами владетельного князя из Сэндая»[9]. В летописи, озаглавленной «Тёнин Кокэнроку», написанной в конце XVII в. выходцем из известного семейства Мицуи, Мицуи Такафуса, говорится о том, что огромное количество даймё стали должниками пятидесяти богатейших купцов Японии[10]. Несмотря на врожденное презрение военной касты к жадному на деньги купечеству, экономическая сила последнего притупляла остроту этого презрения, заглушала насмешливый хохот разорявшихся даймё и даже вызывала уважение и страх[11]. Огава Кэндо писал в своей книге «Тиридзука-дан»: «Хотя формально самураи управляют, а простой народ подчиняется им, в действительности мы, кажется, живем в такую эпоху, когда всеми делами заправляют выходцы из простых людей».

Признание экономической силы купечества открывало доступ наиболее преуспевающим купцам в среду правящей клики посредством принятия их в самурайские семейства. Когда воин попадал в затруднительное положение, он в свою очередь рад был укрыться от бушевавшего над его головой экономического «нэнэ» в какой-нибудь купеческой семье, вступив в нее путем брака или усыновления. Многие честолюбивые купцы, слишком нетерпеливые для того, чтобы добиваться вступления в самурайские семьи обычным способом — путем усыновления или брака — покупали по установленной цене документы о своем номинальном усыновлении у нуждающихся хатамото или самураев[12]. Торговля самурайскими рангами приняла такие скандальные размеры, что Ёсимунэ (1677–1757) пытался запретить ее, но это запрещение не привело к желаемому результату[13]. Уже знакомство с периодом генроку (1688–1702 гг.) позволяет составить ясное представление об общественном значении класса тэнин. Этот период прославился любовью к роскоши, извращенными романами, сложной драмой, своеобразной живописью и литературой (школой живописи укиё-э и литературным жанром укиё-соси), в которых нашла свое отражение жизнь полусвета в Кёто и Эдо, а также обычаи простого народа[14]. Эта купеческая культура обладала непреодолимой притягательной силой для самураев и, несмотря на все красноречие конфуцианских моралистов по поводу «развращенности современного поколения и необходимости возвращения к более простым манерам», она оказала решающее влияние на формирование их нравов и вкусов[15]. Литература этого периода дает богатый материал, свидетельствующий о слиянии самурайства с тэнин, в особенности с верхним его слоем, что позволяло купечеству играть руководящую роль в политической и административной жизни кланов, равно как и в финансовых делах[16]. Это постепенное проникновение купеческих элементов на руководящие посты феодальной иерархии приобрело особенно важное значение к концу правления бакуфу, так как оно привело к сотрудничеству между крупными купцами из Осаки и представителями ведущих антиокугавских кланов. Один из крупнейших государственных деятелей, Ито Хиробуми, например, являлся выходцем из семьи плебейского происхождения, которая приобрела самурайский ранг в клане Тёсю. Можно привести много и других примеров слияния феодальной правящей верхушки с торговой буржуазией[17].

Система клановых монополий и ее влияние на взаимоотношения между феодалами и купечеством

Менее заметные, но зато более прочные связи между тэнин и даймё возникали на основе системы клановых монополий в области торговли и производства. Каждое феодальное поместье, или хан, поощряло производство основных видов продукции для вывоза в другие феодальные поместья. С другой стороны, побуждаемые мотивами, лежащими в основе меркантилизма, то есть стремлением к накоплению денег, они прилагали все усилия к тому, чтобы не допустить ввоза товаров из других княжеств. Право каждого клана выпускать свои бумажные деньги создало необычайный хаос в денежном обращении страны и сильно мешало купцам заключать торговые сделки за пределами клана. Чтобы преодолеть это препятствие, купцы прибегали к сотрудничеству с клановыми властями, которые почти все содержали в Осака и других торговых центрах свои собственные склады — кураясики, управляемые клановыми агентами — кураякунин и их помощниками — курамото, сбывавшими продукцию клана на комиссионных началах. По мере расширения внутреннего рынка и роста производительности сельского хозяйства, а также по мере улучшения средств сообщения экономика отдельных кланов втягивалась в сферу национальной экономики, а город Осака становился главным центром торговли рисом — основным продуктом страны, равно как и местом расчетов по реализации монопольных продуктов отдельных кланов. Эти продукты продавались на рынке оптовыми купеческими гильдиями — тонъя, объединенными в монопольную организацию — Токуми донъя[18]. Такова была система, посредством которой осакские купцы и в особенности местные купцы, находившиеся под контролем кланов, вели свои торговые дела.

Хотя каждый клан выпускал свои собственные бумажные деньги, он не мог обходиться без денег, выпускаемых правительством, поскольку они служили средством обеспечения его собственных банкнот. Так как огромная масса основных товаров продавалась в Осака за деньги различных кланов, цены осакского рынка стали стандартными для всех местных рынков. Стремление к накоплению валюты путем увеличения вывоза и сокращения ввоза товаров заставляло каждый клан пробивать себе дорогу на осакский рынок. Таким образом, изоляция кланов, по крайней мере в экономическом отношении, стала невозможной. В результате этого крупные феодалы, у которых местные купцы добивались права

на торговую монополию, в свою очередь, вынуждены были искать связей с богатыми купцами и перекупщиками риса в торговых центрах и в особенности в Осака. Таким путем система клановых монополий и национальная торговая монополия привели к установлению тесных связей между купечеством и клановыми властями. Легко можно себе представить, что этот союз феодалов и купечества был вынужденным и вызывал много недовольства. Необходимость такого союза была продиктована обстоятельствами, вытекавшими из своеобразных условий токугавского режима, и, несмотря на возникновение и обострение противоречий, несмотря на временные разрывы или расколы между феодалами и купцами в отдельных кланах, этот союз продолжал существовать вплоть до самой реставрации, когда после некоторого периода колебания и испытаний он был прочно скреплен печатью законности и общественного признания[19].

Проникновение капиталистических отношений в экономику кланов

Даймё, все более и более погружавшиеся в трясины долгов, в конце концов пришли к выводу, что для укрепления своего финансового положения они должны сделаться монопольными торговцами или хотя бы мелкими предпринимателями^[25]. Дадзай Сундай (1680–1747) еще в середине XVIII в. обратил внимание на то, что хотя большинство феодальных поместий находилось в отчаянном финансовом положении, однако те из них, которые ввели систему монополий, испытывали меньшие затруднения. Система монополий существовала уже в начале периода Токугава, к концу же этого периода она значительно укрепилась. Был учрежден даже официальный орган самбуцу кайсё, ведавший вопросами монополий и основных отраслей промышленности. Созданный в целях поощрения производства, этот орган затем превратился в удобный инструмент для осуществления монопольного контроля над местными рынками.

Успехи развития монопольного производства мы можем проследить на примере клана Сацума, в частности на производстве и продаже воска в Тоттори, Увадзима, Ямагути, гончарных изделий в Ёнэдзава, железа — в Мацуэ, бумаги — в Цувано, Увадзима, Ямагути, Хамада и т. д.[20]. Наибольшей известностью пользовалось производство фарфоровых изделий в Овари, тканей (крепа) в Накахама, бумаги в Тоса, лака и фаянсовых изделий в Кага, шелкоткацкое производство в Кодзукэ и Симоцкэ. Каждая из указанных отраслей развивалась под покровительством и в коммерческих интересах главы этого клана[21]. Некоторые крупные фео-

дали вели, кроме того, горные разработки, главным образом на юге, где еще в период кёхо 1716–1735 гг.) была заложена угольная шахта Миикэ, прибыль от эксплуатации которой шла в распоряжение даймё Татибана из Тикудзэн[22]. Таким образом, при покровительстве феодальных князей и финансовой поддержке (но не контроле) торгового капитала в конце периода Токугава появилась, правда, еще в ограниченном масштабе, промышленность не ремесленного или гильдейского, а скорее капиталистического типа^{26}. Не следует, однако, думать, что князья слишком часто прибегали к торговым монополиям и промышленному производству как средствам увеличения своего дохода. Эта политика стала преобладающей только в тех кланах, правители которых находились под сильным влиянием буржуазной идеологии, а также в богатых кланах, политику которых направлял семейный совет, состоявший преимущественно из советников-купцов[23]. В большинстве же кланов князья прибегали к более привычным способам отсрочки своего финансового краха — они вводили замену рисовой повинности денежной и одновременно увеличивали поборы под самыми различными предлогами и, прежде всего, под предлогом «заимствования» у своих собственных самураев, уменьшая размер их рисовой стипендии[24]. Это приводило к еще более упорным крестьянским восстаниям и к ослаблению верности самурайства своим князьям — словом, содействовало разрушению экономических и политических основ феодализма. Чтобы правильно понять реставрацию, нужно иметь в виду, что непрерывное ухудшение положения воинского сословия, превращение преданных самураев в нуждающихся, озлобленных ронинов явилось основной причиной того, что этот класс отказал в поддержке клановым властям и сёгунату и перешел на сторону тех сил, которые готовились свергнуть бакуфу.

Союз феодалов и купцов и реставрация Мэйдзи

Мы видим, таким образом, что разложение феодального общества сопровождалось двумя взаимосвязанными процессами: 1) купечество (тёнин) благодаря своей экономической силе получило доступ в воинское сословие путем усыновления или покупки ранга самурая; сделавшись ёнин (управляющими) и используя это положение, некоторые из купцов в бурные годы конца правления Токугава стали наиболее дальновидными руководителями антиправительственного движения; 2) феодальные правители (как бакуфу, так и кланов), находясь постоянно на грани разорения и стремясь увеличить свой доход, главным образом для воен-

ных целей, перенимали капиталистические методы производства и в значительной степени проникались буржуазным мировоззрением. Самураи, часто искавшие себе приют в семьях тёнин, выступали первыми организаторами японской промышленности в период после переворота.

Еще до реставрации отмечалось стирание граней между феодалами и купечеством, нашедшее свое выражение в образовании неравного союза одного крыла феодального правящего класса — антиправительственных лидеров — с самыми богатыми купцами, а также в проникновении тёнин на высокие официальные посты, о чем свидетельствовал присвоенный ими знак отличия — два самурайских меча — символ недавно приобретенной власти.

Стирание граней между феодалами и купечеством во времена Токугава было предвестником сложившегося позже союза «иены и меча», который является характерной чертой социального строя не только периода Мэйдзи, но и современной Японии. Это взаимопроникновение классов в конце правления бакуфу предопределило крушение жесткой кастовой иерархии, так тщательно разработанной токугавскими администраторами. И все же было бы преувеличением утверждать, что этот союз был преднамеренно антифеодальным. Несомненно, он был антиправительственным и представлял собой согласованное политическое движение, направленное против гегемонии дома Токугава, но он, видимо, не ставил себе задачей уничтожение феодального строя. Напротив, это движение имело своей целью стряхнуть цепи консерватизма и застоя, в которых оказалась страна в последний период правления Токугава, и провести крайне необходимые реформы, не вызывая коренных изменений в социальной структуре.

Таким образом, можно сказать, что реставрация Мэйдзи представляет собой не столько коренное изменение дореволюционной политики в Области торговли, промышленности и дипломатии, сколько тщательную подготовку условий для более быстрого и эффективного вызревания тех тенденций, которые уже проявлялись в последние десятилетия периода Токугава[25]. Нужно было отбросить ярко размалеванное, но давно устаревшее феодальное убранство токугавского режима, захламливавшее страну. В процессе этого обновления были широко распахнуты окна, через которые проник свежий воздух западной науки и культуры и оживил затхлую атмосферу вековой замкнутости. Революционным моментом последних лет правления бакуфу были непрерывные восстания крестьян, которые являлись движущей силой антифеодальной борьбы. Правда, крестьянскому движению недоставало ясного понимания цели борьбы, но, несмотря на это, оно

в значительной степени расшатало основы старого строя. Наряду с угрозой иностранного, вторжения и политической борьбой самурайства низших рангов и ронинов, все более и более разраставшиеся крестьянские восстания свидетельствовали о назревшей необходимости создания нового режима, способного привлечь на свою сторону все классы общества, разрешить аграрную проблему и предотвратить таким образом дальнейшее разложение и анархию. Самурайство низших рангов, а часто и купцы (тёнин), приобретшие самурайские ранги, были наиболее, сознательными руководителями борьбы за свержение бакуфу и вместе с молодыми кутэ стали самыми последовательными борцами за реставрацию.

Возникновение современной бюрократии в период движения за преобразование кланов

Пример клана Тёсю

В этом разделе уместно остановиться на политическом значении феодально-купеческого союза, в котором особенно ясно выступает руководящая роль самураев низших рангов. Те самураи, которые не были ослеплены кастовыми предрассудками, часто проявляли наибольшую активность в перестройке экономики клана на основе меркантилизма. Это влекло за собой установление монополии в области торговли, которая способствовала накоплению денег, необходимых для организации промышленного производства, в особенности производства вооружения.

Одним словом, это обуславливало переход экономики княжеств на рельсы торгового капитализма^[27] [26]. Клановые чиновники, как чисто самурайского, так и купеческого происхождения, по существу вершившие делами кланов, стремились в первую очередь путем проведения серьезных экономических мероприятий пополнить опустевшую казну кланов и создать денежные фонды, необходимые для ведения борьбы против бакуфу. Наиболее передовые деятели этой группы способствовали даже заимствованию западной военной науки, встречая, конечно, яростное сопротивление со стороны клановых властей, придерживающихся старых, освященных временем военных обычаев. Мы сможем лучше понять своеобразное положение бюрократии и военной клики в современной Японии, если рассмотрим положение этих же группировок в клане Тёсю, который был наиболее непреклонным в своей враждебности к бакуфу, а затем занял самое влиятельное положение в правительстве Мэйдзи.

Выгодно расположенный в отношении торговли и внешних связей Тёсю по своей политике и характеру управления был одним из самых «передовых» кланов, выступавших против бакуфу. Номинальными руководителями этого клана в конце правления бакуфу были два Мори: Мотонори 1839–1896) и его приемный отец Ёситика (умер в 1871 г.). Они вынуждены были временно оставаться не у дел в знак искупления вины за мятежное выступление людей этого клана в Кёто, завершившееся кровавым народным возмущением летом 1863 г., которым пытались воспользоваться ронины и самураи Тёсю, чтобы захватить императора и, как они говорили, вырвать его из лап предателей — политиканов правительства Токугава.

Мы не будем касаться сложных переплетений клановой политики; отметим только, что клан был расколот на две фракции — на консервативную группу (дзокуронто) и радикальную группу (каймэйто). В этой борьбе враждующих феодальных клик радикальная группа в конце концов одержала победу и уничтожила лидеров консервативной группы. Сразу же после победы она начала действовать в качестве фактического руководителя клана. Она определила политику клана в отношении сёгуната и императорского двора и реорганизовала военную систему, чтобы встретить во всеоружии карательную экспедицию, которую сёгун готовился предпринять против клана Тёсю в 1864 г. Однако еще до этого клан Тёсю, энергичнее других выступавший с требованием изгнания «варваров», подвергся ожесточенной бомбардировке со стороны объединенного флота английских, французских, голландских и американских кораблей в Симоносеки. Это событие послужило поворотным пунктом в политике клана Тёсю, как и во всей японской истории. Правящая группировка поспешила заключить мир с этими державами, к которым она не питала злобы за столь грубый урок реальной политики, и сконцентрировала все свои силы для борьбы против бакуфу^[28] [27].

В этот критический период жизни клана выдвинулся молодой самурай Такасуги Синсаку 1839–1867), который, вероятно, был выдающимся военным гением Японии того времени [28]. Хотя он преждевременно умер от туберкулеза легких накануне реставрации, среди людей, которые в то время были тесно связаны с ним, мы находим такие известные в эпоху Мэйдзи имена, как Омура Масудзиро 1869 г.) и Хиродзава Санэтоми 1871 г.), занимавшие посты министров в правительстве Мэйдзи (впоследствии убитые), а также Синагава Ядзиро, Кидо Такаёси 1878 г.), Ито Хиробуми, Иноуэ Каору, Ямада Акиёси и Ямагата Кёськэ (впоследствии князь Ямагата Аритомо).

Такасути блестяще отразил нападение сёгунских войск и своими походами 1864–1865 гг. окончательно подорвал и без того уже пошатнувшийся престиж бакуфу. Его орудием в этой борьбе были отряды кихэнтай (буквально — отряды необычных воинов), состоявшие из добровольцев, набранных и обученных Такасути и его помощниками. Новая черта этих отрядов кихэнтай, ломавшая старые традиции, состояла в том, что их рядовой и офицерский состав в значительной степени подбирался из невоенного сословия — из зажиточных крестьян, мелких горожан и, конечно, из ронинов всех категорий. Так, например, историк Мазельер пишет по этому поводу: «Но вскоре в Нагато вспыхивает мятеж во главе с Такасути Синсаку, приверженцем партии «возвышенных идей», который за последние годы сформировал нерегулярное войско из самураев, ронинов и даже людей из народа. Это войско, получавшее жалованье, было одето, вооружено и обучено на европейский лад».

Победа отрядов кихэнтай над феодальными войсками сегуна, во-первых, показала, что самурайство не является единственной боеспособной силой в Японии, и в корне подорвала существовавшие ранее взгляды и традиции. Отряды кихэнтай явились предшественниками регулярной армии, организованной на основе всеобщей воинской повинности, введенной в 1873 г.[29]. Во-вторых, образование отрядов кихэнтай создало возможности для выдвижения талантливых людей из простого народа — купцов или богатых крестьян, которые оказывали этим отрядам моральную и в особенности финансовую поддержку, столь необходимую для приобретения современного оружия[30].

Эффективность военных реформ, начатых созданием кихэнтай в клане Тёсю, дает нам возможность понять назначение и проследить историю военной бюрократии в Японии. Эта плебейская армия клана Тёсю, состоявшая из обедневших самураев, ронинов, крестьян и горожан, опиравшаяся на финансовую поддержку богатых горожан и руководимая молодыми самураями низших рангов, представляла собой миниатюрную копию подобного же переплетения социальных сил, характерного для японского правительства и общества в период Мэйдзи. В самом деле, можно сказать, что борьба, которая происходила в клане Тёсю накануне реставрации, — борьба радикальной группы против консервативной группы — была репетицией *in partibus*^[29] общенациональной борьбы, возникшей во время реставрации между нарождавшимися силами, стоявшими за европеизацию и модернизацию страны, с одной стороны, и силами консерватизма и изоляции — с другой. Победа радикальной партии в клане Тёсю была залогом победы тех же самых сил на общенациональной арене в 1867–1868

и последующие годы[31]. Крупные кланы, объединившиеся для свержения правительства бакуфу, отличались наибольшим развитием торговли и основных отраслей промышленности, организованных на основе клановых монополий. В этих кланах глубоко внедрился западный капитал. Среди них кланы Сацума, Тёсю, Тоса и Хидзэн особенно выделялись по развитию своей экономики, связанной с новой политикой меркантилизма, о которой упоминалось выше. В этих кланах были хорошо развиты различные ремесла, высокого уровня достигла переработка сахара и табака. Кроме того, здесь существовали рисовые монополии. В клане Сацума имелась довольно развитая горная промышленность, текстильные фабрики и существовали торговые монополии[32]. В клане Тоса, изобиловавшем меняльными конторами — рёгаэя, денежные отношения глубоко проникли в щели феодальной системы. Более того, этот клан славился производством бумаги и такими специальными сельскохозяйственными продуктами, как индиго, восковое дерево (*rhus succedanea*, или по-японски хадзэ), а также своей твердой торговой монополией. Клан Тёсю, расположенный по обе стороны Симоносекского пролива, через который проходили морские торговые пути в Корею, Китай и Осака, сумел скопить огромные средства при помощи торговли и транспортной монополии. Клан Сага в Хидзэн являлся центром фарфоровой промышленности Арита. Этот клан одним из первых начал производить орудия под руководством голландских инструкторов (1842 г.), а также применять отражательные печи для выплавки металла (1850 г.) [33].

В этих кланах росло влияние партии кинно, или монархической партии, наиболее полно выражавшей антиправительственные настроения. В конце концов эта партия добилась установления своего контроля над политикой кланов. Эта политическая тенденция сопровождалась коренной перестройкой организации кланов, примерно по типу клана Тёсю. Реформа кланов, означавшая поражение старого кланового руководства, ограниченного и до мозга костей проникнутого духом старых традиций, содействовала объединению кланов антитокугавского направления и представляла собой первую стадию процесса централизации, которая явилась одним из величайших завоеваний правительства Мэйдзи.

Эти реформы, хотя они и помогли кланам избежать финансового банкротства, не ослабили, а скорее укрепили систему монополий, а следовательно, еще более усилили гнет, которому подвергались крестьянство и ремесленники[34]. Преобразование кланов совершенно не преследовало цели освобождения крестьянства от феодального гнета, что привело бы к расширению

внутреннего рынка для реализации промышленных изделий. Наоборот, реформа кланов способствовала сохранению высокого уровня цен путем укрепления системы монополий. Кроме того, замена рисовой подати денежным налогом и дополнительные обложения ухудшали и без того бедственное положение крестьян. Поэтому не случайно, что именно в этих богатых антиправительственных кланах, в которых торговый капитал достиг высокого уровня развития и уже начинала развиваться в небольших масштабах фабрично-заводская промышленность, вспыхивали наиболее ожесточенные и затяжные крестьянские восстания[35]. Для подавления этих восстаний даймё вынуждены были обращаться за помощью к самураям, которые, несмотря на все свои экономические бедствия, были теснее связаны с правящим классом^{30}, чем с мятежным крестьянством, что особенно наглядно проявилось при подавлении «беспорядков», имевших место в начале периода Мэйдзи. Было бы, однако, неправильно утверждать, что увеличение богатства нескольких крупнейших даймё, чему способствовал переход от старой, аграрной политики к меркантилизму, превратило их в современных предпринимателей, а их крестьян — в самостоятельных землевладельцев. Факт накопления богатства в руках крупных феодалов имел весьма важные последствия: во-первых, он тормозил развитие самостоятельного класса капиталистов и ставил его в зависимость от феодального правящего класса и, во-вторых, способствовал тому, что переход от феодальной экономики к капиталистической был осуществлен при минимальных изменениях в старых аграрных отношениях. Преобразование кланов было осуществлено не под воздействием массового восстания, не в результате участия народных представителей в правительстве, а кучкой военных бюрократов, проникнутых духом деспотизма и мелочной опеки. Их классовое чутье подсказывало им необходимость проведения радикальных военных и экономических реформ, поскольку Японии угрожало иностранное вторжение. А это в свою очередь диктовало необходимость создания абсолютистского централизованного государства, как единственного орудия, способного быстро и решительно осуществить эти задачи в условиях непрерывных социальных потрясений. Их положение с логической неизбежностью наталкивало их на мысль о «сильной руке у руля правления» или, другими словами, о необходимости просвещенного абсолютизма. Вследствие этого Япония, даже в переходное время, не знала периода либерализма^{31}. Единственной силой, способной сдерживать центробежные силы феодализма, был трон, а единственными элементами, которые были в состоянии осуществить гигантскую задачу по преобразованию страны, являлись чиновники четырех

крупных «внешних» кланов, такие, как Кидо Такаёси (известен также под именем Кацура, Когоро), Иноуэ Каору, Маэбара Иссэй и Хиродзава Санэтоми из клана Тёсю; ОкубоТосимити, Сайго Така-мори, Курода Киётака и Тэрадзима Мунэмори из клана Сацума; Итагаки Тайсуке, Гото Сёдзиро и Сасаки Такаюки из клана Тоса; Окума Сигэнобу, Это Симпэй и Оки Такато из клана Хидзэн и, кроме того, несколько наиболее известных кугэ — Ивакура Томоми и Сандзё Санэёси. Здесь мы возвращаемся к положению, выдвинутому в начале этой главы, о том, что политическое руководство в революции Мэйдзи находилось в руках самурайства низших рангов, опиравшихся на растущую финансовую мощь крупных купцов, таких, как Мицуи, Сумитомо, Коноикэ, Оно и Ясуда.

Крестьянское движение в начале периода Мэйдзи 1868–1877 гг.)

Читатель может спросить: какое же место в этих событиях занимало крестьянство, составлявшее основную массу населения страны? Хотя реставрация Мэйдзи представляет собой исторический переход от феодализма к современному капитализму, было бы заблуждением ожидать появления вполне сложившегося общества с высоко развитой промышленностью прямо на другой же день после этой успешно закончившейся революции. Эта революция в общем и целом лишь устранила главные препятствия и подготовила почву для развития капитализма, который уже дал ростки в недрах феодального общества. Для страны, с таким запозданием сбросившей цепи феодального застоя и замкнутости, с крайне бедными природными ресурсами и незначительным накоплением капитала, требовался продолжительный переходный период после образования централизованного государства, для того чтобы положить начало развитию промышленности под опекой правительства, обеспечить оборону страны, опирающуюся на эту промышленность, добиться пересмотра таможенных тарифов и, прежде всего, разрешить такие социальные проблемы, как безработица среди самурайства и недовольство крестьян. Революция расчистила феодальные заросли и заложила фундамент для развития современного индустриального государства. Революция Мэйдзи не была результатом победоносного восстания городских санкюлотов и безземельных крестьян, как это было во Франции, а представляла собой соглашение, достигнутое между одним крылом феодального класса — крупнейшими тодзама, в качестве представителей которых выступали самураи и гоёнин, и богатейшим городским купечеством. Это вовсе не преуменьшает роли крестьянских восстаний. Восстания эти в значи-

тельной степени ослабили феодальные оковы, но, в отличие от Франции, они не привели к уничтожению этих оков, а потому положение крестьян и после реставрации оставалось почти таким же тяжелым, как и в период Токугава. Позиция различных социальных групп в этой революции была четко сформулирована японским исследователем аграрного вопроса: «Социально-экономические условия в деревне и положение земледельцев до революции Мэйдзи способствовали тому, что революция была совершена низшими слоями воинского сословия; за ними стояла буржуазия, оказывавшая революции финансовую поддержку, но крестьянство, составлявшее большинство населения, держалось в стороне от революции».

Крестьянство, сбитое с толку быстрой сменой событий, приведших к реставрации, не получило существенной выгоды от нового режима. Фактически крестьяне стали вести себя еще более мятежно, чем раньше. Это объясняется тем, что свержение старого режима породило у крестьян надежды на то, что бремя их податей и долгов будет облегчено. Кроме того, новое правительство обещало произвести раздел всей государственной земли (кроме храмовых земель) между крестьянами. Однако крестьяне очень скоро убедились, что рисовая подать остается прежней и что нет никакой надежды на получение наделов из фонда государственных земель. Обманутые в своих ожиданиях крестьяне, с подозрением относившиеся ко всем мероприятиям и нововведениям нового режима, возобновили восстания, которые были характерным явлением в последнем десятилетии периода Токугава. Крестьянские восстания достигли наибольшей силы и численности в 1873 г., после чего они начали затухать и в 1877–1878 гг. превратились в мелкие, разрозненные бунты. Таким образом, 1877 г. представляет собой рубеж, на котором удобно остановиться при анализе значения крестьянских восстаний в первые годы периода Мэйдзи. Профессор Кокусё Ивао, сравнивая интенсивность крестьянских волнений в ранний период Мэйдзи и в период Токугава, приводит интересные цифры. Он указывает, что за 265 лет правления Токугава в Японии было около 600 крестьянских восстаний, тогда как в течение только первого десятилетия периода Мэйдзи (1868–1878 гг.) в Японии было свыше 190 крестьянских восстаний. Характерной чертой этих восстаний в ранний период Мэйдзи, заслуживающей самого пристального внимания, является то, что они порождались двумя противоречивыми мотивами. Один из них — революционный, то есть антифеодальный, выражающий стремление к окончательному искоренению феодальных привилегий и феодальных прав на землю и тех, кто ее обрабатывает; другой — реакционный в том смысле, что многие из

этих восстаний возникали как результат стихийной оппозиции консервативных по своим взглядам крестьян к нововведениям нового правительства[36].

В самом деле, на первый взгляд казалось, что многие из этих восстаний вспыхивали в результате недовольства крестьян мероприятиями правительства, направленными на модернизацию страны. Крестьяне часто отвечали беспорядками и восстаниями на декреты правительства, извещавшие о реформе календаря, об отмене ношения кос, о легализации христианства, об эмансипации касты «эта» (отверженных), о введении обязательных прививок, об открытии правительственных школ, о введении обязательной воинской повинности, о проведении межевания, нумерации домов и т. д. Возбуждение крестьян часто усиливалось вследствие распространения диких слухов о том, что якобы нумерация домов проводится с целью похищения их жен и дочерей; что фразу «налог кровью», содержащуюся в декрете 1873 г. о введении обязательной воинской повинности, следует понимать в прямом смысле, то есть, что при зачислении в армию у рекрутов будут брать кровь и отправлять ее за границу с целью изготовления красителей для одеял алого цвета; что строящиеся телефонные и телеграфные провода будут служить для перекачивания крови; что у детей, которых стоняют в новые школы, также будут брать кровь. Однако при более детальном изучении причин крестьянских волнений мы видим, что несмотря на то, что эти бабушкины сказки и наивные заблуждения в отношении здоровых попыток правительства модернизировать страну действовали как искры, зажигающие восстания, пламя этих восстаний почему-то всегда распространялось на кварталы богатых ростовщиков, сельских старост, жадных до земли, и деспотических чиновников прежних феодальных князей.

Когда был введен новый календарь, негодование могло легко возникнуть из вполне обоснованного опасения, что ростовщики воспользуются этой реформой для того, чтобы обманным путем пересмотреть в свою пользу сроки уплаты по счетам. Недовольство новой школьной системой, вероятно, вызывалось тем, что открытие правительственных школ влекло за собой увеличение местных налогов. Всеобщая обязательная воинская повинность уменьшала количество рабочих рук в семье, помогавших вести хозяйство; кроме того, если крестьянину льстило сознание того, что он признан достойным носить оружие, то это же вызывало чувство обиды у самураев, которым, как мы уже видели, часто удавалось возглавить крестьянское восстание и направить его против правительства, посмеявшегося посягнуть на прерогативы воинского сословия. Возражения против проведения мероприя-

тий по межеванию станут более понятны, если учесть, что из 40 млн. иен, ассигнованных на межевание, 35 млн. иен должны были выплачивать собственники земли.

Реформа, согласно которой местные феодальные князья отстранялись от политической власти в своих кланах и заменялись губернаторами, назначаемыми центральным правительством, так же как и другие реформы, вызвала различные отклики среди крестьян. Если местный феодальный князь пользовался хорошей репутацией, крестьяне энергично возражали против его смещения и замены неизвестным лицом, назначенным правительством; но в тех поместьях, где население ненавидело своего князя, его отъезд обычно являлся сигналом для ликования и даже для нападения на его замок[37].

Другие вспышки недовольства, в частности выступления против упразднения касты отверженных — «эта», против терпимости к христианству и против прививок являлись явным проявлением предрассудков, сложившихся в сознании людей в результате вековых суеверий, средневекового фанатизма и буддийского схоластического учения[38].

Профессор Кокусё указывает, что необходимо отличать коренные причины, лежавшие в основе крестьянских восстаний, от случайных или второстепенных причин, которые тесно переплетались с первыми. Даже беглое обозрение крестьянских волнений за период до 1877 г. показывает нам, из какой необычной смеси элементов реакционного и революционного, суеверий и зрелого учета классовых интересов они состояли. Хотя острота крестьянской борьбы всегда было направлено против ростовщика, перекупщика риса, деревенского старосты или жестокого чиновника — представителя феодального князя, — одним словом, против того или иного проявления феодального гнета, эта борьба, несомненно, имела и свою отрицательную сторону, известный феодальный оттенок.

Многие самураи, огорченные тем, что им не удалось добиться от нового правительства ни покровительства, ни официального положения в обществе, и поэтому мечтавшие о возврате к прошлому, когда над всеми классами преобладало воинское сословие, имели возможность использовать этот феодальный оттенок крестьянских выступлений в интересах своей борьбы против правительства, благодаря тому, что они хорошо знали крестьянскую психологию[39].

Для крестьянского движения этого десятилетия характерна упорная борьба против арендной платы, ростовщичества и непомерных налогов. Основная причина возникновения антифеодальных восстаний в новый, послереволюционный период за-

ключается в том, что и после передачи правительству в 1869 г. прав феодалов на землю бремя феодальных повинностей и налогов сохранилось, если не увеличилось. В результате этого крестьянские волнения протеста продолжали нарастать вплоть до 1877 г., когда был принят закон о снижении налога, после чего аграрное движение пошло по другому пути развития.

Правительство Мэйдзи, несмотря на то, что оно внушало надежды на улучшение положения крестьян, в течение нескольких лет после реставрации ничего не сделало в этом направлении. Более того, в первые годы Мэйдзи были узаконены, унифицированы в национальном масштабе и взимались со всей строгостью, несмотря ни на какие обстоятельства, крайне высокие нормы рисовой дани, существовавшие еще при феодализме, то есть примерно от 60 до 70 % валового сбора урожая[40]. О том, что новое правительство ничего не предпринимало в отношении крестьянства, кроме узаконения и унификации старой феодальной рисовой дани, свидетельствует следующее место из правительственного декрета о налоге, изданного государственным советом Дадзёкан в первый год правления: «Необходимо придерживаться старых законов о дани, существовавших в различных кланах». (Это положение оставалось в силе, конечно, только в течение переходного периода, продолжавшегося по 1873 г., когда был пересмотрен закон о поземельном налоге.) Некоторые историки утверждают даже, что после реставрации доля земледельца в общем урожае фактически уменьшилась по сравнению с периодом Токугава[41]. Нападения крестьян на ростовщиков и богатых купцов, владеющих землей, являлись также своеобразной формой проявления антифеодальной борьбы. Однако эта классовая вражда часто облекалась в религиозную оболочку[42].

Мы видели, что в более богатых антиправительственных кланах, сумевших реорганизовать свою экономику и финансы путем усиления монопольного контроля и развития мелкой промышленности, крестьяне стали подвергаться еще большему гнету по сравнению с предыдущим периодом. Поэтому крестьянские волнения в этих кланах вспыхивали гораздо чаще, чем в более отсталых кланах, в которых преобладало натуральное хозяйство. Точно так же, как и реформа кланов, реставрация Мэйдзи была осуществлена сверху группой предприимчивых самураев, представивших собой просвещенную бюрократию. Они осуществили эти преобразования, опираясь на материальную основу поземельного налога. О том, что поземельный налог являлся главным источником доходов правительства, свидетельствует следующая таблица[43]:

ИСТОЧНИКИ ДОХОДА ЯПОНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА (в процентах, по пятилетиям)

Годы	Земельный налог	Предпринимательский налог	Потребительский налог (акцизы)	Налог на наследство	Таможенные сборы	Прочие поступления	Итого
1875—1879	80,5	3,1	7,9	—	4,3	4,2	100
1880—1884	65,6	4,4	21,8	—	4,4	3,8	100
1885—1889	69,4	3,8	20,2	0,7	5,2	1,4	100

Таким образом, крестьянство, в особенности в переходный период эпохи Мэйдзи, не только не было освобождено от наиболее тяжелых феодальных повинностей, но должно было еще нести на своих плечах основное бремя расходов нового режима. Учитывая, что Япония была преимущественно сельскохозяйственной страной, а государственная казна была настолько истощена, что положение правительства с первых же дней в значительной степени зависело от займов богатых купцов, с полным основанием можно было ожидать, что правительство обратится именно к поземельному налогу — уже централизованному и унифицированному — как к главному источнику дохода. И в данном случае прошлое наложило свою тяжелую руку на настоящее. Токугавское правление, сковав деятельность торговой буржуазии, препятствовало накоплению капитала, и поэтому новый режим при осуществлении своих задач по модернизации страны вынужден был опираться на земледельческий класс как главный источник дохода.

В противоположность этому, в таких странах, как Англия и Франция, где накопление капитала осуществлялось за счет внешней торговли и эксплуатации колоний[44], земледельческий класс был до некоторой степени освобожден от тех тягот, которые должно было нести на своих плечах японское крестьянство. Помимо главного бремени — феодальных налогов, сельское население было придавлено еще кабальными долгами. В годы, предшествовавшие организации современных полицейских сил, сельское население попрежнему управлялось через гонин-гуми — пятидворки, деятельность которых возглавлял сельский староста. Эти пятидворки являлись основной административной единицей в деревне и представляли собой деспотическую систему коллективной ответственности, призванную поддерживать порядок и содействовать взысканию долгов и взиманию налогов[45]. Продолжали существовать некоторые из наиболее суровых норм, определявших отношения между землевладельцами и арендаторами еще при феодализме. Наиболее характерными из

них были, в частности, кама-домэ, тати-гэкари, тори ката-но кинси. Этими терминами обозначались права землевладельца запрещать арендатору, не выполнившему своих обязательств, собирать свой урожай, который затем снимался для землевладельца специально нанятыми для этой цели рабочими. Кроме того, продолжало действовать косаку кабу-но ториагэ, то есть право землевладельца прекращать действие аренды, что давало ему возможность взимать непомерную арендную плату.

Таким образом, крестьянство в течение переходного периода вынуждено было нести двойной гнет — гнет старой системы, которую правительство еще не решалось уничтожить, и гнет нового, централизованного режима, который создавался на базе старого. Именно тяжесть этого двойного гнета и вызывала такое энергичное движение протеста со стороны крестьянства в первые годы после реставрации. Имея в виду это обстоятельство, мы сможем лучше понять причину противоречивого характера крестьянских восстаний и получить некоторое представление о причинах своеобразия аграрного вопроса в современной Японии.

Хотя в результате снижения земельного налога в 1876 г. и укрепления центрального государственного аппарата бурные волнения первых лет периода Мэйдзи удалось несколько успокоить, все же отмеченные выше своеобразные условия, в которых японское крестьянство совершило переход от старого режима к новому, не пережив своего «1789 года», оставило на нем неизгладимый отпечаток. Положение крестьян в Японии несколько напоминало положение крестьянства в Испании в конце XIX в., где поджоги церквей и нападения на имения испанских вельмож, выражавшие ненависть безземельного крестьянства к феодальному землевладению, сочетались с признанием христианских доктрин и детской верой в заступничество чудотворных святых.

Представители низших рангов самурайства в качестве лидеров реставрации Мэйдзи

В начале настоящей и в предшествующей главе я пытался показать историческую роль самураев низших рангов как лидеров реставрации, а также роль крупных купцов из Осака и Кёто, которые их финансировали. В данном разделе необходимо остановиться на сложном характере этого самурайского руководства.

Мы уже видели, как самураи низших рангов крупных антиправительственных кланов фактически взяли власть в свои руки, реорганизовали администрацию кланов, изменили направление их экономической политики, а затем выступили вместе с самураями других кланов на борьбу за реставрацию. После реставрации,

не занимая высших постов в новом правительстве, они, тем не менее, полностью контролировали его политику, точно так же, как они распоряжались делами кланов при токугавском режиме, когда служили своим ленивым феодальным князьям в качестве управляющих или советников. Это положение лучше всего можно выразить следующими словами одного из авторитетных авторов, выступавших по вопросам истории Мэйдзи: «В результате традиционного двоевластия обстоятельства сложились так, что когда император был поднят до положения правящего монарха, он не был в состоянии должным образом выполнить свою роль. Среди ближайшего окружения его двора не было никого, кто был бы в достаточной мере способен править вместо него. Номинальные руководители кланов находились в этом отношении не в лучшем положении. Большинство из них были физически слабы и не блистали умом, тогда как сильное, здоровое меньшинство почти не обладало качествами политических деятелей. Симадзу, глава клана Сацума, так погряз в консерватизме и был настолько высокомерен и горд, что ничего хорошего от него ожидать было нельзя, и лидером клана фактически стал прославленный Сайго, хотя номинально он считался оруженосцем Симадзу. Поэтому людьми, способными руководить новым правительством, были только самураи. Они-то и осуществляли политическую власть, хотя и не занимали высших должностей в правительстве».

Однако было бы ошибкой полагать, что многие из огромной армии самураев получили посты при новом правительстве в качестве чиновников или управляющих. Из общей численности населения, насчитывавшего в 1870 г. 34,3 млн. человек, число простых самураев, или соцу (этот термин впоследствии был упразднен, когда самураи низших рангов сделались хэймин, или простолюдинами, а остальные были вовлечены в сидзоку, или воинское сословие), составляло 408823 семейства, насчитывавшие 1 892 449 человек, то есть от 5 до 6 % всего населения. Если сравнить эти данные с цифрами, выражающими отношение феодального дворянства ко всему населению Франции в период революции 1789 г., то получим следующие интересные данные: общее количество лиц, принадлежавших к так называемым привилегированным сословиям, включая дворянство и духовенство, составляло там около 270 тыс. человек; в 25–30 тыс. семейств собственно дворян насчитывалось 140 тыс. человек и духовенства — 130 тыс. человек. По отношению ко всему населению Франции, насчитывавшему примерно 26 млн. человек, это число (270 тыс.) составляло 0,5–0,6 %^{32}. Следует, кроме того, отметить, что мы включили французское духовенство в число представителей привилегированных сословий, тогда как японское буддийское духо-

венство не включено в это число. Японское духовенство, не считая церковной прислуги и монахов, насчитывало в 1884 г. 16 092 синтоистских и 75 563 буддийских священника. Приведенные цифры дают нам некоторое представление о численности деклассированных феодальных элементов в Японии периода Мэйдзи по сравнению с Францией периода революции.

Положение самурайства, столь неустойчивое на закате правления Токугава, сейчас стало просто катастрофическим[46]. Если самурайство было непроизводительным классом в период позднего феодализма, то по крайней мере его мечи были к услугам князей. Теперь же реставрация влекла за собой полное крушение самурайства как прослойки феодальных вассалов. Хотя видные лидеры реставрации происходили главным образом из самурайства низших рангов, все же этот класс, оторванный от всякой производительной деятельности, если не считать мелкого кустарного ремесла (для восполнения скудного пособия, выплачиваемого им в виде стипендий, самурайские семьи обычно занимались изготовлением лакированных изделий, бумаги, шнурков, бумажных фонарей и т. п.)[47], не мог быть носителем нового способа производства. Носителем нового способа производства, который постепенно приходил на смену феодальному способу, был, конечно, класс крупного купечества — тэнин. Однако этот класс был настолько неподготовленным для роли промышленного предпринимателя и настолько неопытным в делах управления государством, что сам вынужден был опираться на государство в деле развития промышленности и прибегать к услугам представителей старого феодального класса, главным образом самураев, выступающих в качестве администраторов и государственных деятелей[48]. Поскольку самураи не закрепились в новом обществе подобно купечеству и крестьянству (которые сделали это совершенно различными способами), огромное большинство из них не могло сохраниться как самостоятельный и вполне определившийся класс. Они вынуждены были приспособливаться к изменившимся социальным условиям, сделаться правительственными чиновниками, бюрократами, мелкими торговцами, капиталистами, профессиональными солдатами, крестьянами, ремесленниками, промышленными рабочими, публицистами, священниками, учителями, — одним словом, кем угодно, только не оставаться самураями. Проблема феодального воинства, очутившегося в затруднительном положении в современном обществе, была одной из самых сложных проблем, и не удивительно, что многие самураи, лишённые всех средств к существованию, жаждали возвращения старых порядков. Правительство Мэйдзи комплектовалось главным образом из людей самурайского про-

исхождения; последние считали своей первой обязанностью построить своих менее счастливых братьев по клану, предоставляя им должности правительственных чиновников; служащих в префектуральных или муниципальных органах управления, мелких чиновников, начальников тюрем, сыщиков и полицейских. В результате этого весь государственный аппарат оказался насквозь пропитанным самурайским влиянием. Возьмем для примера хотя бы японскую полицию; без всякого преувеличения можно сказать, что полицейский состав Японии комплектовался почти исключительно из бывших самураев. Итагаки Тайсукэ в своих воспоминаниях говорит о положении самураев: «В нашей стране такие люди, как, например, полицейские, в значительной части являются выходцами из феодальных классов».

Значительно меньшее число самураев, такие, как Сибудзава Эйити, благодаря своим способностям, благоприятным условиям или же в связи с вступлением в купеческие семьи, стали промышленниками и банкирами. Некоторым самураям из покровительствуемых правительством кланов, выступавших в свое время против бакуфу, посчастливилось вступить в симпэйтэй, или императорскую армию.

Правительство, со своей стороны, принимало все меры к тому, чтобы при помощи тех ограниченных средств, которыми оно располагало, облегчить положение самураев. Начиная с 1869 г. оно приняло ряд решений о предоставлении самураям небольших кредитов, при помощи которых они могли бы стать скромными торговцами или предпринимателями. Однако больше всего правительство стремилось привлечь самураев в промышленность в качестве директоров, мастеров, или даже простых рабочих, а также к освоению пустующих земель, главным образом на Хоккайдо, с тем чтобы они могли стать самостоятельными производителями. Но эти попытки, как правило, редко заканчивались успехом[49].

Положение отдельных групп самураев в новом обществе было далеко не одинаковым, и поэтому их влияние на это общество часто носило противоречивый характер.

Прежде всего, многие из этой армии демобилизованных вассалов ожидали, что новое правительство в награду за их активное участие в борьбе против бакуфу создаст благоприятные условия для применения их воинских талантов и организаторского опыта, и клич «выдвигайте талантливых людей» часто был у них на устах. Они видели, как самураи из некоторых кланов поднимаются до высоких постов в правительстве, и с ужасом смотрели на быстрый темп преобразования страны, на упразднение старомодного костюма, объявление свободы выбора профессий, запреще-

ние носить мечи, объявление равенства всех классов перед законом, введение всеобщей воинской повинности — на все эти меры, направленные на уничтожение их кастовых привилегий. Эти быстро развивающиеся события, наряду с неустойчивостью их собственного экономического положения, вызывали острое недовольство самураев. Не унаследовав от деспотического токугавского режима никаких традиций согласованного политического действия, кроме обычая кровной мести и убийств, многие доведенные до отчаяния самураи и ронины прибегали к террору как средству давления на правительство[50]. Террор был почти единственным средством протеста при феодализме, и как таковой он был перенесен в новое общество, где члены правительства, главным образом бывшие самураи, не считали его настолько чуждым своим традициям, чтобы отвергнуть или запретить его.

Разногласия по вопросу о корейском походе

Внутри правительственных кругов назревали разногласия по вопросу о путях дальнейшего развития Японии — должна ли она пойти по пути внутренних преобразований и индустриализации по европейскому образцу или же по пути немедленной и энергичной экспансии^{33}. Наиболее дальновидные люди в правительстве — Окубо, Кидо, Ивакура — стояли за первый путь; большая группа политических деятелей, состоявшая из представителей трех самостоятельных политических течений, выступала за второй путь. Эти разногласия достигли наивысшей точки в период агитации за посылку «карательной экспедиции» в Корею^{34}. Различные клики внутри правящего лагеря выступили за поддержку лозунга сэйкан рон (требования о посылке «карательной экспедиции» в Корею) и развернули энергичную агитацию за немедленное вторжение в Корею. Лозунг сэйкан рон поддерживали следующие три группы, находившиеся в оппозиции к правительству: во-первых, самурайская оппозиция, представлявшая крайне правое крыло, во главе с Сайго Такамори; в эту же группу входил и будущий вождь либерализма Итагаки Тайсукэ; во-вторых, партия «национального престижа», представленная министром иностранных дел Соэдзима Танэоми, и, в-третьих, либералы-реформаторы во главе с Это Симпэй, Оки Такато и Гото Сёдзиро, представлявшие левое крыло оппозиции. Первая группа, состоявшая из наиболее решительных и последовательных поборников экспансии, рассматривала поход в Корею как средство разрешения таких серьезных внутренних проблем, как недовольство самураев. Разложение самурайства, усилившееся после упразднения кланов в 1871 г. и замены рисовой пенсии денежной в 1873 г.,

больше всего беспокоило Сайго — главу самурайской оппозиции. Рядовой состав армии, созданной для борьбы против бакуфу в 1867–1868 гг. и руководимой Сайго, был основным костяком самурайской оппозиционной группы. Вторая группа опиралась на министерство иностранных дел, что и определяло ее цели. Позиция третьей группы, на первый взгляд, может показаться противоречивой — партия называлась либеральной и в то же время выступала за захватническую войну. Требование вторжения в Корею отражало недовольство правительством определенной группы самураев, поскольку в правительстве преобладали представители кланов Сацума и Тёсю, а кланы Тоса и Хидзэн, из которых вышла большая часть либеральных реформаторов, были представлены в правительстве гораздо слабее.

Корейский поход сулил этой группе — самураям кланов Тоса и Хидзэн — благоприятные возможности для ликвидации монопольного положения Сацума и Тёсю в правительственном аппарате. Поскольку они выступали против «кланового» правительства, их называли либералами (см. раздел, озаглавленный «Положение либеральной оппозиции», глава V). Не вдаваясь в подробности вопроса о Корее, который был урегулирован мирным путем лидерами правительства в 1873 г. после их возвращения из поездки в Европу и Америку¹³⁵, следует, между прочим, отметить одно-два обстоятельства исторического значения, вытекающие из агитации за корейский поход. Прежде всего, агитация за корейский поход свидетельствовала, что прежний самурайский класс, представленный Сайго, стремится по крайней мере разрешить социальную проблему своего собственного класса путем вовлечения правительства в военную авантюру с тем, чтобы благодаря своему военному опыту вернуть себе привилегированное положение военных лидеров. Кроме того, конституционализм или либерализм третьей группы представлял собой лишь маску, одетую для того, чтобы запугать ханбацу сэйфу (или «клановое» правительство, возглавляемое автократом Окубо) и заставить его поделиться правительственными должностями с более широкими слоями самурайства; словом, за этой маской скрывалось лицо, удивительно напомилавшее Сайго Такаморй.

Единственная разница заключалась в том, что Сайго принадлежал к одному из привилегированных кланов, и поэтому он не был заинтересован в уничтожении клановой монополии или в проведении социальных реформ. Впрочем, если бы представители менее привилегированных кланов занимали более высокое положение в правительстве, как они того и желали, то вряд ли их мотивы существенно отличались бы от мотивов Сайго. Этот момент помогает нам вскрыть одно из самых серьезных препят-

ствий на пути действительного развития политических партий, которые являлись бы подлинными представителями интересов различных политических группировок в стране. Очень часто политические партии возникали лишь как временные группировки, имеющие своей целью поставить правительство в затруднительное положение и в интересах кучки недовольных клановых политиканов всячески мешать его работе. Эта характерная черта японских политических партий была красноречиво изложена выдающимся представителем японского парламентаризма — Одзаки Юкио. «Здесь, на Востоке, — указывал Одзаки, — мы имели понятие группировки, а не общественной партии... обычаи и практика феодальных времен здесь так глубоко вкоренились в сознание людей, что даже идея политической партии, как только она приходит в голову нашим соотечественникам, преломляется в соответствии с феодальными понятиями. Поскольку это так, политические партии... в действительности являются делом личных связей и настроений, причем отношения между лидерами и членами партии аналогичны отношениям, существовавшим между феодальным владыкой и его вассалами».

Завершение длительной оппозиции к правительству гражданской войной

Хотя правительство Окубо, Ивакура, Кидо и Иноуэ благополучно выдержало шторм, разыгравшийся вокруг корейского вопроса, оно не устояло перед бурей, которая поднялась по вопросу о Формозе. Разрешение правительства, неохотно данное племяннику великого Сайго — Сайго Ёримити в 1874 г. отправить карательную экспедицию на Формозу³⁶ в качестве репрессии за убийство формозскими туземцами нескольких рыбаков с островов Рюкю — японских подданных, — показывает, насколько была сильна самурайская оппозиция. Хотя она потерпела поражение по корейскому вопросу, ей позволили добиться своего в этом, менее рискованном предприятии[51]. С помощью экспедиции, однако, не удалось погасить пламя усиливавшегося самурайского недовольства. Сайго, после того как он ушел в отставку с поста военного министра в знак протеста против политики правительства по корейскому вопросу, вернулся к себе на родину в Кагосима, где он, подобно Ахиллу, уединившемуся в своей палатке, оставался глух и нем ко всем просьбам токийского правительства. Но он не бездействовал в своем уединении, а создал «школы» (си-гакко) для самураев клана Сацума с целью обучения их военному искусству. Вскоре после урегулирования корейского вопроса последовала принудительная замена самурайских рисовых пенсий де-

нежными 15 августа 1876 г.), что оставило многих самураев без постоянного дохода и еще больше усилило их недовольство. Вместо того чтобы обуздать самураев Сацума, их господин, Симадзу Хисамицу, крайне консервативный человек, критически относящийся ко всему современному, вышел из состава правительства и отправился в Сацума, где, с небольшими перерывами, находился в уединении до конца своей жизни. Первое самурайское восстание, которым руководил Это Симпэй, вспыхнуло, однако, не в Сацума, а в Хидзэн в январе 1874 г. Вслед за ним произошло восстание в Тёсю, которым руководил Маэбара Иссэй. Хотя оба эти деятеля, и в особенности первый из них, считались людьми сравнительно либерального направления, лозунги, с которыми они выступали, выражали чаяния самурайства о возвращении к старому режиму. Такими лозунгами были: «Война с Кореей, реставрация даймё и изгнание иностранцев». Наконец, это долго тлеющее недовольство среди самураев Сацума вылилось в серьезное вооруженное выступление в форме великого Сацумского восстания 1877 г., подавленного после легендарной и кровавой борьбы, в которой погиб Сайго. Это восстание было последней угрозой новому строю, последней отчаянной попыткой деклассированных самураев отбросить Японию назад к феодализму или, по крайней мере, установить правление федерации кланов, при котором каждому клану была бы предоставлена возможность управлять своими собственными делами[52]. Многие из прежних историков утверждали, что реставрация представляла собой не более как образование правления федерации кланов Сацума, Тёсю, Тоса и Хидзэн, заменившей собою правление семейства Токугава[53]. Однако подавление сацумских мятежников показало всю несостоятельность подобной концепции.

Если эти восстания были реакционными по своему характеру и преследовали цель восстановления феодализма в несколько измененном виде, то читатель может спросить, в чем же проявлялась демократическая или левая оппозиция к правительству, если вообще таковая была. Первой фазой такой демократической или антифеодальной оппозиции, хотя еще и не вполне оформившейся, были крестьянские восстания и выступления городской бедноты, описанные выше. Эти восстания представляли собой попытку добиться снизу более широкого распространения положительных мероприятий нового режима.

Феодальный характер самурайской оппозиции подтверждается тем фактом, что, за исключением случаев, когда самураи имели возможность использовать недовольство крестьян для достижения своих собственных целей, как, например, во время восстаний 1874–1877 гг., они всегда помогали правительству подавлять

крестьянские волнения. В этом нет ничего удивительного, если учесть положение самурая в феодальном обществе и его положение в капиталистическом обществе как чиновника, полицейского или профессионального солдата. Как в старом, так и в новом обществе самурай смотрел на крестьян с точки зрения управителя, а не управляемого. После снижения земельного налога в 1876 г., укрепления государственного аппарата и связанного с этим спада волны крестьянских восстаний либерально-демократическое движение приняло организованную политическую форму, нашедшую свое выражение в 1881 г. в появлении дзюто, или либеральной партии. Однако мы забежали слишком далеко вперед и должны вернуться к рассмотрению положения прежних феодальных князей при новом режиме.

Антифеодальная политика правительства Мэйдзи; его отношение к феодальным князьям и классу помещиков

Перед новым правительством встала дилемма: или сохранить феодальный режим, передав гегемонию от Токугава какому-нибудь другому клану или коалиции кланов, или же создать централизованный государственный аппарат, охватывающий своей властью всю страну.

Как экономическая основа нового правительства — торгово-капиталистический класс^{37}, так и правительственное руководство, представленное самураями низших рангов и бывшими клановыми чиновниками, чье честолюбие прежде подавлялось, а чувство вассальной преданности притуплялось узостью кланового кругозора, являлись гарантией того, что правительство пойдет по второму пути, ведущему к современному национальному государству. Новое правительство с самого начала приступило к решительному искоренению прежнего представления о правительстве. Внешняя форма преобразований Мэйдзи не должна вводить нас в заблуждение, так как за внешней формой скрывается подлинное содержание этих преобразований. Например, даже попытка создать конституцию по образцу реформы Тайка 646 г. н. э.) — этого дофеодального кодекса, составленного в духе танской политической экономии, — объяснялась стремлением найти какую-нибудь антифеодальную философию государства. В этом нет ничего удивительного, если принять во внимание тот факт, что в то время в Японии влияние политических учений других стран, за исключением Китая, было еще очень слабым, или если вспомнить «культ древности» во время французской революции, когда даже наиболее ревностные республиканцы и

якобинцы не могли найти лучшего образца для своих идеалов, чем герои римской республики. В этом смысле основной документ реставрации Мэйдзи — императорская клятва 14 марта 1868 г. — выражал понятным и приемлемым для всех языком антифеодальные чаяния народных масс Японии^{38}, поскольку в нем говорилось о необходимости считаться с общественным мнением, о ведении административных дел в интересах всего государства и о поощрении распространения иноземной науки. Все эти обещания, и в особенности первое, пробудили большие надежды у населения, уставшего от феодальных репрессий, фракционной борьбы и обскурантизма. Лозунги, под которыми велась и увенчалась успехом война за реставрацию, свидетельствовали о враждебном отношении лидеров «внешних» кланов к правлению Токугава. Некоторые из этих лидеров надеялись заменить его новым правительством, где власть принадлежала бы им. Однако это стремление крупных феодалов привело в движение социальные силы, которые они не в состоянии были остановить. Во главе этих сил встали самураи низших рангов и кугэ, которые, совершив политический переворот, развернули борьбу против стремления феодальных князей (экономическое и социальное положение которых ничем не отличалось от положения дома Токугава) восстановить феодальный режим, заменив власть Токугава властью других феодальных князей. Хансэки-хокин (возвращение феодалами императору своих прав на землю), проведенное под руководством самураев и кугэ в 1869 г., было первым шагом на пути удаления даймё от политической власти. Это было еще фланговой, а не лобовой атакой на феодализм, поскольку феодальные князья оставались во главе своих кланов — из их ведения были изъяты лишь чеканка монеты и вопросы внешней политики. Поведение Симадзу и других крупных феодалов не оставляло никакого сомнения в том, что даймё встревожены. Прежде чем сделать решающий шаг, руководители правительства посетили наиболее важных даймё. Ивакура и Окубо поехали в Кагосима с мечом от императора в качестве подарка храму, построенному в честь покойного владыки клана Сацума; Кидо поехал в Ямагути (Тёсю), а затем, несколько позже, Окубо и Кидо посетили Коти (Тоса). Более важным мероприятием центрального правительства явилось создание небольшой, но преданной регулярной армии, укомплектованной из наиболее надежных войск, главным образом из войск, ранее принадлежавших клану Сацума. Упразднение кланов в 1871 г. явилось *coup de grace*^{39} для политических происков феодальных князей.

Возникает сразу же вопрос: почему феодальные князья не оказали решительного сопротивления нарушению их власти подоб-

но тому, например, как сёгунат боролся против враждебных ему сил в 1867 и 1868 гг.? На этот вопрос хотя и трудно, но необходимо ответить, чтобы понять характер правления Мэйдзи. Существует распространенное мнение о том, что феодальные князья отказались от своих прерогатив добровольно, выразив этим свою лояльность правительству. Это может быть и верно в отношении некоторых из них, но значительно большая часть феодальных князей вела себя далеко не лояльно по отношению к новой власти. Что касается тех князей, которые действительно выразили готовность отказаться от своих феодальных прав, то многие из них находились под влиянием более дальновидных клановых чиновников, таких, как Кидо из клана Тёсю, Итагаки из Тоса, которым удалось убедить своих клановых руководителей в существенных преимуществах такого шага как с точки зрения их узких личных интересов, так и с более широкой, национальной точки зрения. Однако каковы бы ни были их надежды и честолюбивые стремления, даже самые упрямые поборники феодального сепаратизма и феодальных привилегий уже понимали, что невозможно сохранить независимость местной власти при наличии централизованного правительства. Наиболее одаренные воображением и идеалистически настроенные вассалы этих феодалов выступали на стороне императорского правительства и полностью поддерживали его политику, тогда как те из самураев, которые были недовольны новым правительством, не представляли собой существенной силы, для того чтобы выступить на борьбу против войск центрального правительства, вобравших в себя сливки старых клановых армий. Кроме того, правительство подготовило почву для ликвидации феодальных прав, развернув кампанию по мобилизации общественного мнения на поддержку этого мероприятия. Призыв правительства встретил широкий отклик[54]. Если бы феодальные князья организовали восстание при этих неблагоприятных для них условиях, правительство, несомненно, могло бы мобилизовать армию из представителей всех классов, которые повели бы самоотверженную борьбу против мятежных феодалов, подобно тому как они боролись против самураев Сацума в 1877 г. Однако самым решающим фактором, определившим поведение князей, была гарантия сохранения их экономической мощи посредством правительственных облигаций, выдававшихся князьям взамен их прежних доходов. Между судьбой французского дворянства времен французской революции и японской феодальной аристократией периода 1868–1873 гг. существует огромная разница. У первых были конфискованы их поместья (без компенсации), которые затем были проданы с аукциона и перешли в распоряжение помещиков и крестьян-собственников.

Многие из аристократов поэтому встали на путь контрреволюции, тогда как новые слои землевладельцев сделались самыми преданными сторонниками нового режима. В Японии же феодальный князь, перестав быть земельным магнатом, получающим свой доход от эксплуатации крестьян, сделался благодаря замене натуральной пенсии денежной финансовым магнатом, вкладывающим свое недавно превращенное в капитал состояние в банки, акционерные общества, промышленность или землю, став таким образом членом узкой финансовой олигархии. Этот шаг правительства был решительным, но он не был неожиданным. Еще до ликвидации прав феодалов на землю правительство всячески стремилось добиться хотя бы нейтралитета, если не поддержки, наиболее сильных приверженцев феодализма, раздавая им щедрые подачки одной рукой и в то же время подрывая бастионы их феодальных привилегий — другой. С этой целью правительство еще в 1869 г. согласилось выплачивать даймё половину их обычного дохода. Это была в общем очень великодушная сделка, учитывая резкие колебания урожая риса, неповиновение крестьян, расходы на общественные работы в клане и содержание самурайских дружин. Теперь правительство полностью освобождало феодальных князей от всех их прежних обязанностей и связанного с ними риска. Однако такая сделка не могла быть постоянной, так как она налагала, с одной стороны, слишком тяжелое финансовое бремя на правительство, а с другой — оставляла за феодальными князьями власть на территории их кланов (так как ликвидация юридических прав на землю в 1869 г. еще не означала уничтожения их политической власти в клане) и одновременно давала им право на получение крупных денежных сумм от центрального правительства. Такое положение было несовместимо с понятием буржуазного государства, которое стремились создать лидеры Мэйдзи. Окончательно компромисс между правительством и князьями был достигнут лишь в 1873 г., когда был издан декрет о «добровольных пенсиях». Согласно пересмотренному и окончательному плану капитализации пенсий, составленному в 1876 г., были установлены следующие процентные ставки и сроки погашения облигаций (см. таблицу на стр. 93).

ПРОЦЕНТНЫЕ СТАВКИ И СРОКИ ПОГАШЕНИЯ ОБЛИГАЦИЙ

ПРОЦЕНТНЫЕ СТАВКИ И СРОКИ ПОГАШЕНИЯ ОБЛИГАЦИЙ

Пятипроцентные		Шестипроцентные		Семипроцентные	
размер долга в иенах	из срока по лет	размер долга в иенах	из срока по лет	размер долга в иенах	из срока по лет
от 70 000 и выше	5	от 1 000 до 900	7 ³ / ₄	от 100 до 75	11 ¹ / ₂
» 70 000 до 60 000	5 ¹ / ₄	» 900 » 800	8	» 75 » 50	12
» 60 000 » 50 000	5 ¹ / ₂	» 800 » 700	8 ¹ / ₄	» 50 » 40	12 ¹ / ₂
» 50 000 » 40 000	5 ³ / ₄	» 700 » 600	8 ¹ / ₂	» 40 » 30	13
» 40 000 » 30 000	6	» 600 » 500	8 ³ / ₄	» 30 » 25	13 ¹ / ₂
» 30 000 » 20 000	6 ¹ / ₄	» 500 » 450	9	» 25 и менее	14
» 20 000 » 10 000	6 ¹ / ₂	» 450 » 400	9 ¹ / ₄		
» 10 000 » 7 500	6 ³ / ₄	» 400 » 350	9 ¹ / ₂		
» 7 500 » 5 000	7	» 350 » 300	9 ³ / ₄		
» 5 000 » 2 500	7 ¹ / ₄	» 300 » 250	10		
» 2 500 » 1 000	7 ¹ / ₂	» 250 » 200	10 ¹ / ₄		
		» 200 » 150	10 ¹ / ₂		
		» 150 » 100	11		

После того как этот план был реализован, выяснилось, что общая сумма уплат по претензиям в переводе на общедоступные облигации правительственных займов составила 190 801950 иен, в том числе:

Самурай (1874—1876)	16 565 000 иен с выплатой	8%
Даймё (1877)	31 412 405 » » »	5%
Даймё и самурай (1877)	25 003 705 » » »	6%
Даймё и самурай (1877)	108 242 785 » » »	7%
Синтоистским священникам (1877)	334 050 » » »	8%
Самурай	9 244 005 » » »	10%
Всего		190 801 950

Кроме того, было выплачено наличными 20 108 507 иен, с учетом которых общая сумма капитализации достигла 210910457 иен.

Вряд ли нужно доказывать, что этот окончательный расчет государства по феодальным претензиям дал крупнейшим феода-

лам достаточную сумму денег, чтобы стать полноправными членами финансовой олигархии. Однако часть более мелких феодалов и огромное большинство самураев получили суммы, недостаточные для того, чтобы подняться выше уровня средних слоев общества. И это, пожалуй, не простое совпадение, что наиболее серьезное выступление самурайства — Сацумское вооруженное восстание — произошло вслед за провозглашением обязательного перехода не денежную пенсию в августе 1876 г.[55]. Данное мероприятие лишило даймё — в прошлом местных полуавтономных владык — их экономической базы и в то же время обеспечило преданность бывших феодалов новому режиму. Это было последней стадией оформления того своеобразного союза купцов и финансовых магнатов с феодальными князьями или крупными землевладельцами, который начал образовываться еще в период Токугава. Таким образом, уничтожение феодализма в Японии не было чудом, оно не противоречило законам исторического развития, а явилось логическим следствием борьбы внутренних, часто невидимых, но весьма реальных социальных сил. Коротко об этом можно сказать следующими словами Макларена: «Перед глазами феодальной аристократии была продемонстрирована военная сила; в то же время правительство предложило в виде приманки денежные выгоды, по крайней мере для даймё. Феодализм, таким образом, был отчасти принужден пойти, отчасти сам пошел на собственную ликвидацию». Однако это мероприятие правительства представляло собой нечто большее. Несмотря на смелые атаки против феодализма, предпринятые правительством в 1870–1873 гг., выразившиеся в проведении таких мероприятий, как объявление равенства всех классов перед законом (воинов, крестьян, ремесленников и купцов), отмена ношения феодального костюма и уничтожение феодальных застав, отделение буддийской религии от государства, реформа календаря, эмансипация касты «эта», быстрое распространение западных учений и западной техники, устранение феодальных запретов на отчуждение и раздел земли, объявление свободного выбора профессии и сельскохозяйственных культур для посева на своем участке земли — несмотря на все эти антифеодальные мероприятия революционного и необычайно важного значения, правительство самураев и клановых чиновников, столкнувшись с волной крестьянских восстаний, сочло для себя более выгодным заключить мир с феодалами, для того чтобы иметь возможность сконцентрировать все свои силы против крестьянства. Развязав себе руки на одном фронте, правительство получило возможность заняться вплотную разрешением аграрной проблемы не только путем насильственного подавления крестьянских волне-

ний, но и посредством укрепления государственной машины, перестройки административного аппарата, при помощи уступок крестьянам-собственникам (особенно снижением земельного налога в 1876 г.) и путем дальнейшего укрепления позиций помещичьего класса, который мог стать политической опорой правительства в деревне. Эта тенденция в политике правительства подтверждается последовательностью изданных им законодательных актов. Установление денежных пенсий даймё явилось политическим компромиссом между прежним правящим классом и новым правительством, опирающимся на поддержку главным образом купцов и землевладельцев, и в то же время представляет собой важный социальный процесс, в котором интересы ростовщика, помещика, купца, банкира и бывшего даймё смешивались и сливались в единое целое, составные элементы которого невозможно различить. При рассмотрении характера реформ нового правительства становится ясным, что оно полностью отвергло политику сёгуната и смело открыло путь для развития капиталистической экономики. Закон 1872 г., отменивший запрет продажи земли, правительственная политика скупки общественных земель, свобода профессий и выбора сельскохозяйственных культур для посева свидетельствуют о победе права частной собственности на землю. Переход от нерегулярного налога, взимаемого натурой в зависимости от урожая, к денежному налогу, взимаемому по единой общенациональной шкале, говорит о новых налоговых отношениях, а именно об обезличенных денежных отношениях между правительством и управляемыми. Этими мероприятиями правительство гарантировало защиту права частной собственности на землю классу новых помещиков.

Кроме того, правительство гарантировало помещичье-ростовщическому классу выплату долгов, оставшихся от предыдущего периода. Это мероприятие имело исключительно важное значение для осакских ростовщиков, которым сильно задолжали разорившиеся даймё. Для того чтобы погасить эти безнадежные долги свергнутой знати, правительство выпустило новый заем (однако долги сёгуната не были признаны правительством Мэйдзи). Принятием на себя долгов местной знати правительство увеличило бремя государственных долгов на сумму в 41 млн. иен, которая была покрыта за счет выпуска облигаций[56]. Эти облигации не только гарантировали выплату купечеству безнадежных долгов, но и предоставили владельцам облигаций необходимые средства для вложения в промышленные предприятия или земледелие. Уплата долгов способствовала превращению наиболее крупных землевладельцев и ростовщиков в акционеров и банкиров. Так, например, крупный землевладелец и ростовщик Итисима Токуд-

зиро основал в 1873 г. Четвертый национальный банк в городе Ниигата. Акционерами этого банка были главным образом крупные землевладельцы, которые играли руководящую роль в местных политических и административных делах[57]. Уже в этом раннем периоде мы наблюдаем то переплетение интересов землевладельцев, банковских кругов и правительства, которое является одной из своеобразных черт современного социально-политического строя Японии.

Следующей большой задачей правительства было объединение местных рынков в единый национальный рынок. Для этого нужно было отменить клановые тарифные барьеры и сборы, унифицировать денежную банковскую систему (в 1867 г. в денежном обращении находилось 1694 вида денежных знаков), установить свободу торговли и выбора профессии, упразднить ограничения в области возделывания сельскохозяйственных культур. Все эти реформы должны были открыть пути для развития национального рынка и обеспечить возможность японским купцам принимать участие в международной торговле.

Наконец, политическое объединение страны, достигнутое посредством хансэки-хокан («возвращение» феодалами прав на землю, 1869 г.) и хайхан-тикэн (упразднение феодальных поместий и создание префектур, 1871 г.) положило конец феодальной системе, при которой автономный даймё осуществлял неограниченную власть над людьми, населявшими его землю, посредством таких мер, как барщина, запрещение бегства крестьян с земли, ограничение в выборе профессий и видов сельскохозяйственных культур, право присвоения урожая на корню различными законными и незаконными способами. Однако эти реформы полностью не уничтожили, а лишь остановили рост могущества феодальной знати. В последующие годы этот класс, поливаемый обильным дождем денежных пенсий и обогреваемый лучами покровительства, ожил и пустил пышные побеги. Наиболее ярким проявлением этой метаморфозы прежней феодальной знати было назначение ее представителей на высшие правительственные посты и, кроме того, тот факт, что после временного упадка эта знать выступила в 1884 г. в качестве сословия пэров (когда она вместе с кугэ была отнесена к категории кадзоку — «титулованной знати») и начиная с 1889 г. пользовалась в палате пэров широкими конституционными полномочиями. Лишенные феодальных прав на землю, которая перешла главным образом в руки крестьян-собственников и нового помещичьего класса, эти феодалы имели возможность на деньги, выплаченные им в 1876 г. и позже, закупить большие участки государственной земли, продававшейся по фантастически дешевым ценам, и таким образом

сделаться новыми помещиками[58]. Некоторые из них стали акционерами и промышленниками.

Значительная доля банковского капитала в стране в 1880 г. принадлежала знати. Это может служить показателем того, что уже в тот период эти будущие финансовые магнаты современной Японии представляли собой серьезную экономическую силу. Следующая таблица показывает социальный состав акционеров национальных банков в 1880 г.[59]:

АКЦИОНЕРЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ БАНКОВ В 1880 г.

Социальное положение	Сумма акций в иенах	Процент в общей сумме	
Пэры (главным образом бывшие даймё и кугэ)	18 571 750	44,102	
Самурай	13 417 550	31,862	
Простолюдины {	Крестьяне	1 451 950	3,448
	Ремесленники	50 175	0,119
	Кушцы	6 252 725	14,848
	Прочие	2 366 950	5,621
Всего	42 111 100	100,00	

У нас создается бы неправильное представление о преобразованиях Мэйдзи, если бы мы рассматривали правительственную гарантию долгов купечеству (тёнин) и установление пенсий даймё просто как уступку или взятку, посредством которой правительство хотело купить поддержку этих классов. Следует еще раз подчеркнуть тот факт, что хотя правительственный аппарат состоял преимущественно из самураев, новый режим был признан купеческим и землевладельческим классами, и, за исключением отдельных лиц, даймё видели те преимущества, которые сулило им соглашение с новым режимом, и пошли на компромисс, который уже был подготовлен их прежними взаимоотношениями с купечеством. Создание фонда для погашения национального долга посредством гарантии уплаты долгов и капитализации пенсий ломало феодальные ограничения, мешавшие накоплению и использованию капитала и являвшиеся главным препятствием на пути развития капитализма при бакуфу. Капитализация пенсий была рассчитана на выплату в течение короткого периода времени ежегодной ренты, которая в противном случае была бы постоянной обузой для правительства. Сумма облигаций, выпущенных с этой целью в августе 1876 г. национальными банками по инициативе министра финансов Окума Сигэнобу, достигла 174 млн. иен. Таким путем бывшие пенсионеры получили в виде единовременной суммы, хотя в несколько урезанном размере, те платежи, которые они должны были получить в течение длительного периода времени. Превращение этих средств в инвестированный

капитал привело к тому, что феодальные права, связанные с недвижимым имуществом, немедленно были заменены другими правилами, основанными на владении движимым или обращаемым имуществом, и связали прежние полуизолированные кланы с центром, втянув их посредством сети банковских учреждений в орбиту общенациональной экономики[60].

Заключение

Таково в общих чертах социально-политическое значение революции Мэйдзи, заложившей фундамент современного государственного строя Японии.

Японская бюрократия вынуждена была взяться за дело переустройства страны не только с ограниченными ресурсами, но и в условиях угрозы вторжения иностранных держав, которая с середины прошлого столетия постоянно нависала над страной. Кроме того, стране угрожала агрессия и в гораздо более злобещей форме — в форме проникновения иностранного капитала, уже пустившего довольно глубокие корни в портовых городах в первые годы периода Мэйдзи. В предыдущей главе указывалось, что эта внешняя опасность не была воображаемой, доказательством чему может служить существование института экстерриториальности для иностранцев в Японии вплоть до 1899 г. и отсутствие тарифной автономии, которой Япония добилась только в 1910 г. Новое общество создавалось правительством на развалинах старины, причем всю тяжесть расходов по выполнению этой задачи правительство переложило на плечи сельского населения, за счет которого, кроме того, было достигнуто накопление и централизация капитала. Именно поэтому правительство всячески препятствовало развитию антифеодальных настроений среди сельского населения.

Глава III

Ранний период индустриализации

Для осуществления индустриализации в национальном масштабе необходимы две основные предпосылки — соответствующий запас капитала и наличие рабочей силы. В более развернутом виде эти важнейшие предпосылки могут быть сформулированы следующим образом. Для индустриализации необходимы: 1) достаточно высокий уровень развития производства и обращения товаров, а также разделения труда, 2) определенное накопление капитала в руках предпринимателей и 3) наличие достаточно большой армии свободных рабочих — свободных в том смысле, что они не имеют собственности на средства производства и вследствие этого вынуждены предлагать свою рабочую силу на рынке труда.

Чтобы понять своеобразный характер индустриализации Японии, достаточно рассмотреть эти три условия, необходимые для возникновения промышленного капитализма.

Поскольку настоящий труд не преследует цели систематического и детального исследования экономического развития современной Японии, мы отвлеклись бы от нашей темы, если бы занялись слишком детальным исследованием всех этих трех предпосылок. Поэтому для характеристики первой предпосылки мы ограничимся рассмотрением лишь нескольких фактов; вторая предпосылка, имевшая более важное значение для формирования японского капитализма, будет освещена несколько подробнее, тогда как рассмотрение третьего условия — образования рынка рабочей силы — мы относим к следующей главе, где оно будет рассмотрено как одно из последствий аграрной реформы.

Производство и обращение товаров

В трудах таких авторов, как Такэкоси, Хондзё, Цутия, Кокусё и Такидзава, приводится обширный материал, показывающий высокий уровень развития торговли и ремесленного производства (в отличие от машинного производства), существовавший в период Токугава. Хотя мериллом ценности все еще оставался рис, однако преобладающим средством обращения уже стали деньги, в особенности в средних и крупных городах. Развитие торговли было вызвано производством на рынок, то есть производством товаров в большем количестве, чем необходимо для потребления

самого производителя. Производство для продажи, естественно, увеличивалось вместе с неуклонным ростом производительности сельского хозяйства и развитием разделения труда. Спрос на товары вызывался в свою очередь быстрым ростом крупных городов в связи с сосредоточением самураев в городах-замках, а также развитием транспорта и торговли, вызванным системой санкинкотай. О том, как велик был спрос на товары, можно судить по численности населения города Эдо, который на рубеже XVIII в. был, пожалуй, самым крупным городом в мире. В этом городе насчитывалось от 1 300 тыс. до 1 400 тыс. жителей[1]. Население города Осака уже в 1665 г. составляло 268 760 человек. Город Кёто — этот людской муравейник с высокоразвитым ремесленным производством, — по словам наблюдательного путешественника, доктора Энгельберта Кемпфера, в 1691 г. являлся крупнейшим производящим центром Японии с разнообразными видами промышленности и торговли.

Разделение труда

Разделение труда достигло в этот период довольно высокого уровня развития, в связи с чем произошло четкое размежевание между добычей сырья и производством товаров. Специализация в области ремесел стала настолько существенной, что когда застройщику нужно было построить дом, он вынужден был обращаться к услугам ремесленных гильдий плотников, пильщиков, маляров, водопроводчиков, кровельщиков, укладчиков кирпича, штукатуров, каменщиков и настильщиков циновок. Со временем эта замкнутость гильдий стала мешать росту производительности труда, ввиду чего их пришлось упразднить (что было раз и навсегда осуществлено после реставрации). Но наиболее важным в области разделения труда в этот период было образование четкой грани между производителями и продавцами товаров, причем первые были организованы в цехи, а вторые — в монопольную организацию оптовиков — Такуми донъя, или в федерацию гильдий — Кабу накама.

Наряду с этим происходила специализация по районам, вытеснявшая прежнюю экономическую самостоятельность кланов, которая никогда не была абсолютной, даже в самые отдаленные времена. Так, Ямагата Хосю писал в 1820 г.: «Имеются провинции, которые изобилуют рисом, другие — хлебными злаками, третьи — тканями, четвертые — бумагой и лесом и т. д. Получилось так, что большинство провинций стало вырабатывать один или два вида товаров в большом количестве и совсем не производят других предметов».

Но процесс разделения труда задерживался ввиду наличия широко распространенной домашней промышленности, контролируемой торговым капиталом^[40]. Домашняя промышленность включала производство фарфоровых, лаковых и хлопчатобумажных изделий, шелка, изделий из латуни, дерева и бамбука, производство соломенных циновок сакэ и сои. Производство основных товаров, предназначенных для продажи, было сосредоточено главным образом в руках крестьянских и бедных самурайских семейств, которые занимались ремеслом для пополнения своего скудного дохода.

В следующей главе мы увидим, как наплыв дешевых иностранных товаров, в особенности хлопчатобумажной пряжи, наряду с продукцией машинного производства Японии, разрушил домашнюю промышленность и привел к разорению многих тысяч ремесленников, ускорив тем самым процесс разделения труда и образования внутреннего рынка.

Накопление капитала

Что касается второго условия — накопления капитала в руках предпринимателей, то все данные, которыми мы располагаем, подтверждают тот вывод, что в период позднего феодализма накопление капитала осуществлялось главным образом торговцами и ростовщиками, и в этом отношении осакские фудасаси (рисовые маклеры и агенты) играли особенно важную роль.

Торговый капитал, связанный по рукам и ногам токугавской политикой изоляции, вынужден был развиваться исключительно за счет внутренней торговли, которая достигла такой степени организации, какую только позволяли ограничения феодальной экономики. Главным из этих ограничений было существование домашней промышленности и связанная с этим ограниченность внутреннего рынка.

Капитал в том виде, в каком он существовал в токугавской Японии, сосредоточивался в руках небольшого числа крупных торговцев и привилегированных ростовщиков, в частности в руках торговых домов Мицуи, Оно, Коноикэ.

О размерах накопленного капитала можно судить по описи колоссального богатства, конфискованного бакуфу у Ёдоя Сабуроэмон, одного из богатейших торговцев рисом города Осака в период генроку 1688–1702 гг.[2]. Мы знаем, что небольшое число торговых магнатов, пользуясь протекцией бакуфу и сильных феодальных князей, сумели нажить значительные состояния, если судить по размерам гоёкин (принудительных займов). Однако, лишённые возможности извлекать выгоды из внешних авантюр,

а также наживаться за счет грабежа колоний и заморской торговли, что являлось источником обогащения крупных компаний и купцов Западной Европы при системе меркантилизма, японское купечество вынуждено было довольствоваться эксплуатацией крайне ограниченного рынка в сотрудничестве с бакуфу или клановыми властями, а также спекуляцией рисом; другими словами, оно вынуждено было вести довольно скромные по сравнению с торговцами крупных промышленных стран Европы операции, что снижало темп накопления капитала.

Сравнение японского меркантилизма с европейским

В дотокугавской Японии внешняя торговля, пиратство, даже зачатки колонизации (деятельность Ямада Нагамаса в 1578–1633 гг. в Сиаме), и прежде всего, корейская экспедиция Хидэёси являлись проявлением политики меркантилизма, которая вполне соответствовала торговой, пиратской и колонизаторской деятельности тогдашней Европы, в особенности Англии. Однако последовавшая многолетняя изоляция не только тормозила экономическое развитие Японии, но задерживала его как абсолютно, так и относительно. Вследствие этого, как правильно заметил Орчард, Японию XVIII в. нужно сравнивать не с Англией XVIII в., накануне промышленной революции, а с тюдоровской Англией XVI в., являвшейся по преимуществу сельскохозяйственной страной с широко распространенным домашним ремесленным производством.

Но даже это сравнение является слишком смелым по отношению к токугавской Японии, потому что в тюдоровской Англии уже были заложены основы для развития ее внешней торговли (в лице ее крупных торговых компаний XVI в.) и внешней экспансии (при короле Генрихе VII она даже начала приобретать колонии — остров Ньюфаундленд, открытый и объявленный английским в 1497 г.), а добившись успеха в борьбе против испанского господства на море, она сделала колоссальный прогресс на пути установления контроля над важнейшими торговыми путями в Индию и Америку. Короче говоря, реставрация Мэйдзи должна была начать с того, чем кончил Хидэёси. Но так как 250 лет изоляции наложили глубокий отпечаток на японскую экономику и общество, остановив их развитие, Япония периода Мэйдзи вынуждена была сначала преодолеть ту отсталость, которую она унаследовала от токугавского периода. Поэтому реставрация не была просто продолжением политики торговой экспансии Хидэёси по той простой причине, что в XIX в. Япония была поставлена перед

необходимостью бороться за сохранение своей независимости перед лицом угрозы иностранного капитала. Это было состязание, в котором Япония должна была догнать передовые западные страны с их машинной техникой и вооружением; и в этом состязании на карту ставились экономика и даже политическая независимость страны. Япония была вынуждена вступить в это состязание в невыгодных для нее условиях — при наличии низких таможенных тарифов, установленных системой неравноправных договоров, навязанной ей на полстолетие западными державами. Экономическая политика периода Мэйдзи представляла собой смесь прежнего меркантилизма, протекционизма и монополии нового типа. Эта новая монополия настолько органически была связана с торговой монополией, существовавшей до этого в токугавской Японии, что многие владельцы тех же покровительствуемых торговых домов, занимавшихся одновременно и банковскими операциями, теперь стали привилегированными директорами банков и промышленных предприятий. Другими словами, можно сказать, что система меркантилизма с ее торговой монополией и протекционизмом абсолютистского государства (как, например, в XVII–XVIII вв. во Франции и Англии) выполняла роль костылей, с помощью которых капитализм учился ходить. Достигнув полной зрелости, европейский капитализм забросил эти костыли и отказался от абсолютистской государственной власти; когда же она начала мешать ему, он выступил против нее и уничтожил ее. В Японии недостаточно зрелый капиталистический класс не мог обойтись без костылей абсолютистской власти, и в эпоху Мэйдзи он опирался на нее еще больше, чем при режиме бакуфу.

Лидеры Мэйдзи, стремившиеся с лихорадочной поспешностью достигнуть в течение одного поколения того чего другие страны добивались в течение целого столетия или еще более длительного периода времени, должны были рано или поздно натолкнуться на пропасть, отделявшую примитивную феодальную технику тогдашней Японии от индустриальной техники большинства передовых стран. Для того чтобы перепрыгнуть через эту пропасть, а не тащиться медленно по извилистым крутым дорогам, по которым прошли передовые страны, нужно было иметь время для подготовки огромной массы квалифицированных рабочих и для накопления больших запасов капитала. В начале эпохи Мэйдзи в Японии еще не было квалифицированных рабочих, а что касается капитала, то только очень немногие богатые семейства располагали достаточными средствами для того, чтобы выйти на арену в качестве предпринимателей фабрично-заводской промышленности. Кстати сказать, это обстоятельство с самого заро-

ждения японского капитализма благоприятствовало развитию монополистического, то есть в высшей степени централизованного капитала. Однако эти немногие финансовые магнаты, которые, как мы уже видели, были тесно связаны с правительством, не хотели рисковать своим капиталом, не хотели вкладывать его в предприятия, требующие с самого начала огромных затрат, не получив более или менее определенных гарантий рентабельности таких предприятий. Техническая отсталость японской промышленности по сравнению с промышленностью западных стран крайне затрудняла привлечение частного капитала в промышленность. Хотя широкое поле промышленных инвестиций оставалось невозделанным, крупное купечество не решалось выступить инициатором обработки этого поля. Поэтому развитием промышленности вынуждено было заняться само правительство, которое использовало для этой цели прежде всего гоёкин (займы), взимаемые с этих же самых магнатов, а также свои ограниченные доходы, главным из которых был поземельный налог. Таким образом, ранний японский капитализм можно отнести к тепличному типу, развивавшемуся под покровом протекционизма и субсидий. Крупные капиталисты предпочитали вкладывать свои капиталы в торговые, банковские и кредитные предприятия, и в особенности в надежную и прибыльную область правительственных займов[3], тогда как мелкие капиталисты не имели никакого стимула покинуть деревню, где торговля, ростовщичество и прежде всего высокая арендная плата, достигавшая в среднем свыше шестидесяти процентов крестьянского дохода[4], обеспечивали высокую прибыль и препятствовали передливанию капитала из сельского хозяйства в промышленность^{41}.

Преобладание банковского капитала в Японии

С целью облегчения банковских и кредитных операций, а также централизации наличного капитала крупные финансовые дома по указанию и с помощью правительства основали цусё кайся (торговые компании) и кавасэ кайся (кредитные компании), действовавшие под руководством цусёси (коммерческое бюро), созданного в 1869 г. вместо существовавшего непродолжительное время сёхоси[5]. С самого начала частный капитал устремлялся в область кредитных и банковских операций в ущерб другим областям капиталовложения. Огромный толчок дальнейшему развитию частного капитала в Японии был дан правительством, принявшем на себя все обязательства по старым клановым долгам. Слившись с капиталом старой феодальной знати — капиталом,

возникшим в результате замены и капитализации пенсий, — частный капитал продолжал отдавать предпочтение банковскому делу как главному объекту капиталовложений. Вплоть до настоящего времени банковский капитал значительно превалирует над промышленным капиталом. Это преобладание банковского капитала в Японии иллюстрируется таблицей[6] на стр. 124.

ОБЪЯВЛЕННЫЙ КАПИТАЛ ВСЕХ АКЦИОНЕРНЫХ КОМПАНИЙ ДО ЯПОНО-КИТАЙСКОЙ ВОЙНЫ (в тыс. иен)

Область применения	На конец 1877 г.	На конец 1882 г.	На конец 1893 г.
Сельское хозяйство	—	1 053	2 542
Торговля	454	35 904	57 616
Обработывающая промышленность	—	14 725	68 259
Железные дороги	—	12 080	57 945
Банки	24 981	75 375	111 635
Всего	25 435	139 137	297 997

Банковский капитал, который в своем росте значительно обошел промышленный капитал, к концу XIX в. достиг поразительной концентрации, что привело к усилению позиций финансовой олигархии, или дзайбацу[7]. В Японии процесс концентрации капитала, в отличие от процесса его накопления, был ускорен правительственной политикой субсидий и поощрения. Быстрый темп концентрации капитала в Японии объясняется следующими обстоятельствами; 1) низким общим уровнем накопления капитала; 2) потребностью в крупных капиталах для основания промышленных предприятий, равных по масштабу новейшим предприятиям Запада; 3) введением в Японии с самого начала индустриализации системы акционерных компаний (1869 г. — кавасэ кайся) и 4) конкуренцией с развитыми иностранными государствами, которые также поощряли концентрацию капитала. В тех отраслях промышленности, которые выпускали продукцию, конкурировавшую на внутреннем или мировом рынке с продукцией других капиталистических стран, в самом ходе промышленной революции в Японии были созданы тресты или картели, и в первую очередь в текстильной промышленности в 80-х годах XIX в. Поглощение мелких предприятий крупными, особенно в периоды экономических кризисов, конечно, не являлось единственным способом концентрации капитала. Но именно таким путем японские дзайбацу, или финансовая олигархия, основу которой составляли компании Мицуи, Мицубиси, Сумитомо и Ясуда, укрепили свои позиции за последние годы, примером чего может служить поглощение компании Судзуки концерном Мицубиси в 1927 г. Однако, как показывает профессор Аллен, неприступность позиций финансовой олигархии объясняется не толь-

ко размером ее капиталов или тесными связями с правительством, но и ее господством как в области финансов, так и в области промышленности и торговли, что дает ей огромное преимущество в конкурентной борьбе[8]. И все же главной цитаделью могущества дзайбацу являются финансы; основы этого могущества были прочно заложены в ранний период Мэйдзи.

Банковский и ссудный капитал, опирающийся на сильную государственную поддержку, в свою очередь, использовался правительством для создания тех отраслей промышленности, которые требовали крупных капиталовложений. Мелкие же предприниматели, связанные с домашним кустарным производством, страдающие от недостатка капитала и высоких процентов на ссудный капитал, были предоставлены самим себе. Очень часто мелкие компании, израсходовав весь свой наличный капитал на строительство и оснащение предприятий и не имеющие средств для того, чтобы пустить их в ход, вынуждены были обращаться за кредитом в банк. Процент на ссудный капитал в конце XIX в. достигал десяти, двенадцати, пятнадцати и даже восемнадцати, тогда как по вкладам выплачивалось от семи до восьми процентов. Будучи не в состоянии выполнить свои финансовые обязательства на таких тяжелых условиях, эти мелкие компании в конце первого же года существования закладывали свои предприятия банкам[9]. Поэтому мелкие и средние предприниматели были вынуждены открывать только такие предприятия, которые не входили в сферу интересов крупного капитала, как, например, мелкие, типично «японские» предприятия по выработке фарфоровых, шелковых, лаковых, соломенных изделий, по производству сакэ и сёю и т. п. Эти предприятия требовали меньших затрат на оборудование, а их изделия не встречали конкуренции товаров иностранного производства. Однако с течением времени и эти мелкие предприятия все более и более попадали в зависимость от банковского и ссудного капитала; этот процесс наблюдается вплоть до настоящего времени[10].

В большинстве стран в период формирования капитализма банковский капитал обычно существовал обособленно от промышленного капитала. В Японии же промышленный капитал не разбивался самостоятельно. Здесь само государство положило начало индустриализации, подняло на ноги промышленность и затем передало предприятия по баснословно низким ценам частным предпринимателям, главным образом представителям крупных банковских домов. Поэтому процесс индустриализации Японии не сопровождался появлением нового класса промышленных капиталистов, а лишь способствовал укреплению банковского и ростовщического капитала (включая капитал богатейшей

знати) и частичному превращению этого капитала в промышленный капитал. Удушение самостоятельного класса промышленных капиталистов в самом его зародыше служит доказательством незрелости и тепличного характера японского капитализма и его слабости по сравнению с капитализмом других крупнейших стран. Здесь еще раз уместно подчеркнуть значение высокой арендной платы в сельском хозяйстве. Она привлекала частный капитал в земледелие, поскольку инвестиции в промышленные предприятия были сопряжены с большим риском и не обеспечивали столь высокой прибыли.

Роль иностранного капитала в ранний период индустриализации Японии

Мы уже отмечали, что в течение последних лет правления бакуфу Японии грозила опасность не столько военного вторжения западных держав, сколько коварного проникновения иностранного капитала в экономику страны, что могло бы замедлить или задушить развитие Японии, подобно тому как это произошло с Китаем. Хотя экономическое развитие Японии было уже сковано неравноправными договорами, заключенными бакуфу, согласно которым Япония лишалась права на тарифную автономию на целое столетие, руководители правительства прилагали все усилия к тому, чтобы избежать дальнейшего вовлечения страны в сети иностранного капитала. Поэтому, несмотря на недостаток собственного капитала, они устояли перед соблазном привлечения крупных иностранных займов, которые могли бы поставить под угрозу экономическую независимость страны.

За период от реставрации до конца столетия Япония только дважды прибегала к помощи иностранных займов. Первый заем в размере 1 млн. фунтов стерлингов (точнее, 913 тыс. фунтов) из 9 % годовых, размещенный в Лондоне в 1870 г., был вызван строительством первой железной дороги — от Ёкогамы до Токио. Второй заем был размещен также в Лондоне в 1873 г. на сумму 2400 тыс. фунтов стерлингов из 7 % годовых. Этот заем был предназначен для покрытия правительственных расходов, связанных с переводом рисовых пенсий в денежные и их капитализацией [11]. Первый заем был погашен в 1881 г., второй — в 1897 г. С 1873 г. вплоть до 1897 г., когда один из лондонских синдикатов приобрел японские акции на сумму 43 млн. иен по договору с японским банком, иностранный капитал совсем не проникал в Японию. Если учесть острую потребность в оборотном капитале, которую испытывала страна в начале периода Мэйдзи [12], то, естественно, возникает вопрос, почему же Япония не прибегала к

привлечению иностранного капитала. Пожалуй, наиболее авторитетный ответ на этот вопрос дал Сакатани Ёсиро, писавший по этому поводу в 1897 г., когда он занимал пост директора расчетного бюро министерства финансов (позже он был одним из руководителей правительственных финансов). Сакатани указывает четыре причины.

Первая причина заключается в обесценении необращаемых в валюту банкнот. Несмотря на попытки правительства аннулировать эти банкноты, они продолжали количественно увеличиваться, пока в 1877 г. не достигли угрожающей цифры в связи с тем, что само правительство было вынуждено увеличить выпуск банкнот для покрытия огромных расходов, вызванных подавлением Сацумского восстания. В результате этого в следующем году произошло обесценение бумажных денег и возникла угроза постоянной инфляции. К тому же превышение импорта над экспортом вызвало сильную утечку валюты. В 1886 г. правительство приступило к конверсии бумажных денег и проводило ее до тех пор, пока не была устранена разница между серебром и банкнотами. В силу этого Япония не была выгодным объектом для иностранных инвестиций.

Вторая причина заключалась в разнице денежных стандартов. В других государствах существовал золотой стандарт, в Японии с 1871 по 1879 г. де-юре существовал серебряный стандарт, а с 1879 г. до октября 1899 г. — биметаллический; и только в октябре 1899 г. Япония перешла на золотой стандарт. Таким образом, разница в курсе золота и серебра вызывала настороженность у иностранных капиталистов, удерживая их от вывоза капитала в Японию.

Третья причина заключалась в следующем: система неравноправных договоров не позволяла иностранцам участвовать в деловой жизни внутри страны, в то время как экстерриториальность крайне затрудняла установление коммерческих и финансовых связей между японцами и иностранцами и, таким образом, препятствовала свободному ввозу иностранного капитала.

Четвертой и наиболее существенной причиной было опасение правительства и народа, как бы страна, так поздно появившаяся на исторической арене, не попала в зависимость от иностранного капитала. Упомянутый выше Сакатани ссылается, в частности, на печальный опыт Египта и Турции, в которых не было надлежащего контроля над инвестированным иностранным капиталом, что привело к вмешательству иностранцев в дела этих государств. Государственные деятели Мэйдзи, изучавшие прошлое и пристально следившие за современными событиями, были полны решимости не допустить подобной ошибки.

К концу столетия ни одной из этих четырех причин уже не существовало; и правительству было нечего опасаться иностранного капитала. К этому времени 1897 г.) облигации займа, выпущенного на сумму 200 млн. иен для покрытия расходов по строительству железных дорог, были уже в значительной части приобретены японскими капиталистами, которые уже достаточно окрепли для того, чтобы поглотить львиную долю этих весьма выгодных ценных бумаг.

Насколько глубоко волновал общественное мнение вопрос об иностранных займах, можно судить по следующему замечанию, сделанному виконтом Иноуэ Масару по поводу строительства железных дорог: «Выражаясь более точно, — говорил Иноуэ, — народ в общем выступает против строительства железных дорог, ибо это взваливает тяжелое бремя на плечи народа, вызывая увеличение налогов. Даже многие государственные чиновники выступили на стороне оппозиции, заявляя, что «получить иностранный заем — это значит продать страну». Они не понимали, что такое иностранный заем».

Осторожность, проявленная государственными деятелями Мэйдзи в отношении иностранных займов, усилила характерные черты японского капитализма, а именно преобладание государственных предприятий, поддерживаемых финансовой олигархией, замедленный темп индустриализации, усиление налогового бремени, в особенности по отношению к сельскому населению.

История развития и роль промышленности, имеющей стратегическое значение

Хотя это уведет нас в сторону от нашей непосредственной темы — о накоплении капитала — и логически предвосхитит рассмотрение следующего вопроса — о создании рынка рабочей силы, все же здесь следует остановиться более подробно на упомянутом выше своеобразии японской индустриализации, то есть на контроле монополий и государства над промышленностью, имеющей стратегическое значение.

Судьба Китая была для правителей Мэйдзи постоянным напоминанием о внешней опасности. В бурные годы, наступившие после войны за реставрацию, усилилась угроза новому режиму со стороны охваченного недовольством крестьянства и самурайства. Столкнувшись с таким положением, правительство Мэйдзи направило все свои силы на централизацию и модернизацию постоянной армии и полиции. Эти вооруженные силы, предназначенные для обороны против иностранного вторжения и для борьбы с внутренними беспорядками, начали создаваться уже в

последние годы правления бакуфу, когда под влиянием сношений с иностранными государствами сёгунат начал вводить у себя новую военную технику французского образца, клан Сацума — английского, Кии — немецкого, а другие кланы — голландского образца. Армия коалиции кланов, участвовавших в свержении сёгуната, была увеличена и реорганизована по французскому образцу, тогда как военно-морской флот, находившийся под сильным влиянием клана Сацума, с самого начала ввел у себя английскую систему. Эта армия, первоначально состоявшая исключительно из бывших самураев и затем пополненная призывом на основе всеобщей воинской повинности в 1873 г., представляла собой ядро будущей регулярной армии. Одновременно с этим в спешном порядке было проведено объединение и расширение полиции, имевшей важное значение для поддержания законности и порядка в критический переходный период и служившей оплотом абсолютизма в его борьбе против либерализма в последующие годы[13]. Но вооруженные силы, реорганизованные после реставрации Мэйдзи, представляли собой лишь скелет без плоти и крови и были бы беспомощны без современной промышленности и транспорта. Поскольку проблема обороны имела первостепенное значение в последние годы правления бакуфу и первые годы эпохи Мэйдзи, наиболее проницательные умы тогдашней Японии уделяли большое внимание развитию торговли и промышленности не просто ради того, чтобы иметь промышленность и торговлю, а скорее для того, чтобы создать промышленность, которую с полным основанием можно назвать промышленностью стратегического значения, *sine qua non*^[42] существования современной армии и флота, создание которых являлось важнейшей проблемой для Японии того времени.

Таким образом, первая стадия индустриализации Японии была тесно связана с военной проблемой, и уже в этот период определилось направление ее последующего развития. Что это направление примет именно военный характер, было ясно уже в последние годы правления сёгуната.

Военные предприятия западного образца были сначала организованы в таких кланах, как Сацума, Хидзэн и Тёсю. Первая отражательная печь (применявшаяся при производстве артиллерийских орудий) была построена в клане Сага (Хидзэн) в 1850 г. и введена в эксплуатацию в 1852 г. Этот клан уже в 1842 г. начал изготавливать артиллерийские орудия голландского образца. Отражательные печи строились одна за другой в кланах Сацума (1853 г.), Мито (1855 г.), а также для сёгуната (1853 г.) благодаря неустанной деятельности крупнейшего военного преобразователя Эгава Тародзаэмон, заслуги которого не были по достоинству оце-

нены обскурантистским правительством бакуфу. В 1854 г. в клане Сацума был построен завод, оснащенный оборудованием для расточки орудийных стволов; в 1852 г. были построены две печи для выплавки чугуна, а между 1853 и 1856 гг. было построено шесть военных кораблей, оснащенных артиллерией.

В клане Тёсю первый чугунолитейный завод был построен в 1854 г., а в 1857 г. был введен в строй судостроительный завод, на котором могла производиться установка артиллерийских орудий на судах. В клане Мито в Ханадзаки под руководством Тани Дзэн-сиро в 1840 г. были построены чугунолитейный завод и оружейная мастерская голландского образца. В 1855 г., преодолев большие затруднения, связанные с приобретением необходимых материалов и не зная о том, что на юге Японии уже введены в строй отражательные печи, этот клан построил свою отражательную печь, руководствуясь голландскими учебниками.

В 1855 г. бакуфу приступило к строительству чугунолитейного завода. В 1861 г. строительство этого завода было закончено. В 1857 г. правительство построило первый пароход, а в 1865 г. оно с помощью французов основало ставшие впоследствии известными металлургический и судостроительный заводы в Ёкосука[14]. Таким образом, столкнувшись с необходимостью развития военных отраслей промышленности, бакуфу ввело машинное производство в отраслях промышленности, имеющих стратегическое значение (правда, пока еще в небольшом масштабе).

Правительство Мэйдзи должно было решить ряд проблем, оставшихся ему в наследство от токугавского режима. Оно должно было прежде всего закончить проведение тех военных мероприятий, которые были начаты еще при правлении Токугава. Именно поэтому машинное производство в Японии было введено сначала в отраслях промышленности, имевших стратегическое значение, так как военные задачи играли в тот период первостепенную роль. В этот период техника находилась еще на очень низком уровне развития, предпринимательские тенденции среди капиталистического класса были развиты еще крайне слабо, уровень накопления капитала был чрезвычайно низок. В силу этих причин, а также по стратегическим соображениям государство вынуждено было само взяться за централизацию и дальнейшее развитие важнейших отраслей промышленности. Правительство Мэйдзи конфисковало военные предприятия бакуфу и выступило в качестве главного предпринимателя в области горнодобывающей и тяжелой промышленности. Так, например, токийский арсенал, основанный бакуфу и носивший название арсенала Сэкигути, перешел в руки нового правительства в 1870 г. Для того чтобы в кратчайшие сроки поднять технический уро-

вень рабочих этого арсенала, привлекались иностранные специалисты. Кроме того, были основаны такие учреждения, как дзюхо кёйкудзё, для обучения технике производства вооружения. В 1870 г. был основан осакский арсенал, оснащенный оборудованием, взятым из нагасакского чугунолитейного завода, прежде принадлежавшего сёгунату. Иностранные специалисты на судостроительном заводе в Ёкосука использовались еще при правительстве бакуфу, но когда этот знаменитый судостроительный завод был конфискован правительством Мэйдзи, число их было значительно увеличено. В 1881 г. судостроительный завод в Ёкосука являлся одним из крупнейших заводов Японии; на нем было занято 1861 человек японских рабочих и служащих. Другие крупные судостроительные заводы страны также перешли к правительству; нагасакский завод перешел к правительству Мэйдзи в 1871 г. и затем был продан компании Мицубиси; судостроительный завод Исикавадзима, построенный кланом Мито в 1854 г., был сначала приобретен бакуфу, затем конфискован правительством Мэйдзи и позже, как и нагасакский судостроительный завод, был пущен в продажу. Были созданы машиностроительные, технические и военно-морские школы, куда привлекались иностранные преподаватели. Наряду с этим наиболее способных студентов посылали за границу для овладения техническими знаниями, необходимыми в ключевых отраслях промышленности.

Точно так же поступило правительство и с горнодобывающей промышленностью. Все шахты и рудники, которые ранее принадлежали правительству бакуфу и клановым властям, были конфискованы и затем проданы представителям тех финансовых кругов, которые стояли близко к правительству. Эта правительственная политика была следующим образом изложена одним японским специалистом: «В то время (во время реставрации) десять крупнейших предприятий горнодобывающей промышленности, а именно: Садо, Миикэ, Икуно, Такасима, Ани, Иннай, Камаиси, Накакосака, Окацура и Коска, управлялись самим правительством в целях их быстреего развития; но после того как они были введены в строй, их передали в руки частных лиц. В настоящее время все предприятия горнодобывающей промышленности, за исключением нескольких рудников и шахт специального назначения, принадлежат частным лицам»[15]. С целью увеличения производительности этих предприятий правительство привлекало самых лучших иностранных специалистов[16].

Транспорт и связь развивались бурными темпами благодаря неутомимой энергии правительства Мэйдзи. По истории железнодорожного строительства в Японии написано очень много книг. Главной задачей железнодорожного транспорта являлось

расширение внутреннего рынка. Хотя частный капитал и привлекался для строительства железных дорог, первые железнодорожные линии в Японии были построены правительством при помощи займа на сумму 913 тыс. фунтов стерлингов, полученного в Лондоне. К концу столетия частный капитал в железнодорожном транспорте стал превалировать над правительственным, но в 1906 г. все железные дороги страны, кроме узкоколейных, были национализированы. Анализируя этот шаг правительства с военно-политической точки зрения, мы должны отметить, что железные дороги всегда рассматривались правительством как одно из самых мощных средств для объединения страны, а стратегическое значение транспорта никогда не упускали из виду военные лидеры Мэйдзи. Так, например, одновременно с законом о железнодорожном строительстве 1892 г., установившим принцип государственной собственности на железные дороги, был создан наблюдательный совет. Этот совет назывался «тэцудо кайги» и состоял из двадцати человек, среди которых было несколько военных. Насколько военно-стратегические соображения превалировали над коммерческими, когда речь заходила о железнодорожном строительстве, показывает дискуссия, развернувшаяся по вопросу о строительстве железнодорожной линии Накасэндэ, пересекающей гористую малонаселенную местность. Трудности и затраты, связанные с сооружением этой дороги, казались настолько большими, что план строительства был временно отложен. Но, как утверждает специалист по японским железным дорогам виконт Иноуэ, «против этого (то есть против отказа строить эту дорогу) выступили с протестом военные, которые настаивали на стратегических преимуществах маршрута Накасэндэ». Стратегические соображения с самого начала играли первостепенную роль при осуществлении задач по строительству железных дорог, а также телефонной и телеграфной сети.

Для иллюстрации того, какое огромное внимание правительство уделяло стратегическому значению телеграфной и телефонной сети, достаточно сослаться на один или два правительственных документа. Так, например, в связи с возбуждением ходатайства о передаче телефонных линий в собственность частным лицам 2 августа 1872 г. в дадзёкан (государственный совет) поступило предложение, требовавшее отклонить вышеупомянутое ходатайство. В этом предложении, в частности, указывалось: «На Западе имеются страны, где существуют частные линии связи; однако частные линии часто представляют большие неудобства в отношении сохранения государственной тайны. Кроме того, связь играет большую роль в наших взаимоотношениях с другими странами; поэтому желательно, чтобы с этого времени был

положен конец существованию частных линий и чтобы в будущем все линии связи перешли в распоряжение правительства». Это предложение было принято. Правительство Мэйдзи очень скоро оценило значение телеграфа для ведения современной войны, что подтверждается эффективным использованием этого средства связи правительственными войсками при подавлении сацумских мятежников в 1877 г.

Требование о передаче телефонной связи в собственность частным предпринимателям было также отвергнуто. «Но в то время 1889 г.) правительство было не в состоянии предоставить телефонную связь для массового пользования. Поэтому была сделана попытка основать частную телефонную службу. Однако правительство приняло решение сделать телефон, как и телеграф, государственным предприятием, и в 1890 г. вступило в силу так называемое Положение о телефонной службе».

Эти цитаты из официальных или полуофициальных источников приведены не для того, чтобы показать главные цели модернизации страны, осуществлявшейся главным образом путем создания новых отраслей промышленности, железных дорог, телеграфной и телефонной связи, а для того, чтобы подчеркнуть то особое внимание, которое с самого начала уделялось стратегическому значению промышленности, транспорта и связи.

Военный аспект промышленного развития Японии

Одним из результатов особой заботы правительства о военных отраслях промышленности явилось то, что порядок возникновения промышленности и последующих стадий развития капиталистического производства в Японии оказался обратным[17]. При классическом типе капиталистического развития исходным пунктом обычно является производство потребительских товаров, выпускаемых главным образом предприятиями легкой промышленности, как, например, текстильными фабриками Ланкашира, которые начали приобретать большое значение в первой четверти XVIII столетия. И только когда легкая промышленность достигает определенного уровня развития, производство товаров тяжелой промышленности становится довольно значительным. Вплоть до изобретения токарного станка в конце XVIII в. тяжелая промышленность в Англии была развита гораздо слабее, чем легкая промышленность. Этот нормальный порядок развития промышленности — от легкой промышленности к тяжелой — в Японии был нарушен^{43}. Здесь механические заводы и арсеналы были построены еще до введения в Японии хлопчатобумажных

прядильных машин, которые появились в стране только в 1866 г. [18], и даже до того, как стали ввозиться иностранные ткани. Уже в 1844 г. в клане Мито отливались пушки[19], в 1856 г. на юге Японии были построены механические заводы, как было показано выше, для военных и военно-морских целей. В 50-х годах были построены отражательные печи, арсеналы, чугунолитейные и судостроительные заводы в кланах Сацума, Сага, Тёсю, а также в имениях бакуфу. Первые фабрики по выработке шелковых изделий, оборудованные современными машинами, были построены только в 1870 г., в частности шелкомотальная фабрика Маэбаси, построенная по итальянскому образцу, фабрика Томиока, построенная по французскому образцу в 1872 г. под руководством итальянских и французских специалистов[20].

Этот обратный порядок промышленного развития вызвал известную ненормальность и в техническом развитии Японии, Правительство с самого начала уделяло огромное внимание развитию военно-стратегических отраслей промышленности, и поэтому в техническом отношении эти отрасли скоро достигли уровня развития промышленности наиболее развитых западных стран. Мы уже отмечали, что вначале арсеналы в Нагасаки находились под руководством голландцев, судостроительный и чугунолитейный заводы в Ёкосука — под руководством французов, а другие судостроительные заводы — под руководством англичан. Эти иностранные специалисты обучали японцев, и со временем японские рабочие в техническом отношении догнали своих иностранных учителей. Иностранные управляющие и помощники управляющих использовались также и в текстильной промышленности: английские специалисты — на прядильном заводе в Кагосима, французские — на заводе в Томиока и Фукуока, швейцарские и итальянские специалисты — на шелкомотальной фабрике Маэбаси. Для обучения технике машиностроения правительство основало технические школы с привлечением иностранных преподавателей, а наиболее способных японских студентов посылало за границу для овладения новейшей техникой, с тем чтобы по возвращении на родину они могли заменить иностранных специалистов[21]. Таким образом, ключевые отрасли промышленности были технически развитыми, тогда как те отрасли промышленности, которые не имели стратегического значения или же не производили продукции, конкурирующей с иностранными товарами на внешнем или внутреннем рынках, оставались на примитивном уровне развития.

Промышленная политика правительства Мэйдзи заключалась в следующем: поставить под государственный контроль военные арсеналы, чугунолитейные и судостроительные заводы и шахты,

ранее принадлежавшие различным кланам или бакуфу, затем централизовать их и довести до высокого уровня развития; в то же время создавать и другие предприятия стратегического значения, такие, как химические заводы (заводы серной кислоты, стекольные и цементные заводы). Только после этого правительство намеревалось продать большую часть этих заводов кучке пользующихся его доверием финансовых магнатов^{44}. Однако контроль над самыми важными в стратегическом отношении предприятиями, такими, как военные арсеналы, судостроительные заводы и некоторые предприятия горной промышленности, оставался в руках правительства.

Изменение политики в области промышленности и закон о передаче правительственных заводов частным предпринимателям

Это своеобразие ранней японской индустриализации — государственный контроль над промышленным предпринимательством — сказалось и на том, каким образом правительство, сохраняя и усиливая контроль над ключевыми отраслями промышленности, освобождалось от периферийных или менее важных в стратегическом отношении предприятий путем продажи их частным лицам. Это изменение промышленной политики правительства, выразившееся в переходе от прямого контроля к покровительству, было ознаменовано изданием положения или закона «о передаче заводов» (кодзё харай-сагэ гайсоку) от 5 ноября 1880 г. В преамбуле этого закона правительство следующим образом объясняет причины изменения своей политики: «Заводы, созданные для поощрения промышленности, в настоящее время хорошо организованы и работают на полную мощность; поэтому правительство отказывается от своих прав собственности на заводы, которые должны управляться народом».

Не следует, однако, думать, что новая политика, введенная законом о продаже заводов, разделила японскую промышленность на две резко разграниченные группы — на группу предприятий военных отраслей промышленности, где сохранялся государственный контроль, и на другую группу, охватывающую все остальные предприятия, не имеющие стратегического значения, которые вдруг оказались подверженными всем превратностям свободного предпринимательства. В 1880 г. появилась лишь новая форма покровительства. Правительство и после продажи своих заводов продолжало покровительствовать как военным, так и

невоенным отраслям промышленности в форме, соответствующей каждой из этих отраслей. Носёмусё (министерство сельского хозяйства и торговли), созданное в апреле 1881 г., являлось правительственным органом, предназначенным для осуществления этой новой политики[22].

Как уже отмечалось выше, первыми были переданы частным предпринимателям предприятия невоенных отраслей промышленности. Образцовые прядильные фабрики, построенные правительством в 1881 г. в Хиросима и Айти, оснащенные новейшими английскими станками, были проданы префектуре Хиросима (1882 г.) и компании Синода (1886 г.). Стекольный завод Синагава был передан компании Исимура в 1885 г., а прядильная фабрика Симмати была передана компании Мицуи в 1887 г. Этой же компании была передана и шелкомотальная фабрика в Фукуока в 1883 г.; цементный завод Фукагава был сдан в аренду компании Асано в 1883 г. и затем продан в следующем году.

Что касается железнодорожного строительства, то правительство в 1880 г. передало часть железнодорожных линий частным предпринимателям, и в следующем году была создана Японская железнодорожная компания, получавшая щедрые правительственные кредиты и субсидии в течение наиболее бурного периода железнодорожного строительства. Особенно большую роль сыграли правительственные субсидии в развитии морского транспорта. Еще задолго до принятия закона о продаже заводов правительство отдало бесплатно основателю компании Мицубиси — Ивасаки Ятаро тринадцать судов, использовавшихся в военной экспедиции на Формозу в 1874 г. Вслед затем компания снова повезло — она приобрела полу-правительственную судоходную компанию Мицубиси Юбин дзёкисэн кайся за 320 тыс. иен. Стремясь создать сильный торговый флот, правительство с самого начала оказывало покровительство этой компании, выдавая ей ежегодно субсидию в размере 250 тыс. иен в течение пятнадцати лет, начиная с 1875 г. Для укрепления монопольного положения этой компании правительство издало в 1876 г. гайкокусэн норикоми кисоку (правила пользования иностранными судами), нанеся этим уничтожающий удар по компании Пенинсула энд Ориэнтал, надеявшейся монополизировать вновь открытую линию между Ёкогамой и Шанхаем.

После введения закона о продаже заводов правительство временно отказалось от своей политики покровительства только компании Мицубиси и, стремясь поднять морской транспорт при помощи конкуренции, создало в 1883 г., соперничающую линию — Кёдо уню кайся, что предопределило острую борьбу этой компании с Мицубиси. Мобилизовав все свои финансовые ресурсы, а

также широко разветвленную сеть политической агентуры и союзников, компании Мицубиси удалось добиться слияния с Кёдо уню кайся в 1885 г. и создать известную всему миру компанию Ниппон юсэн кайся. С этого времени правительство оказывало всемерную поддержку этой крупной монополевой компании, предоставляя ей ежегодно субсидию в размере 880 тыс. иен^{45}.

Продав некоторые из своих образцовых заводов в невоенных отраслях промышленности, правительство начало постепенно передавать частным лицам также предприятия горной промышленности и судостроительные заводы. Подтверждением этого может служить сдача в аренду (в 1884 г.), а спустя несколько лет и продажа компании Мицубиси крупного судостроительного завода в Нагасаки. В 1896 г. эта же компания приобрела серебряный рудник Икуно и золотой рудник Садо. Компания Мицуи приобрела значительную часть предприятий, конфискованных у баку фу и кланов, включая текстильные фабрики и знаменитые угольные копи Миикэ. Компания Фурукава купила у правительства золотой рудник Ани в 1880 г. и золотой рудник Иннай в 1894 г.[23].

Можно было бы продолжить описание этого процесса передачи огромного числа правительственных предприятий в руки финансовой олигархии. Среди японских ученых существуют значительные расхождения относительно подлинных мотивов правительства, которыми оно руководствовалось, продавая свои предприятия. Однако нет никакого сомнения, что эта политика правительства значительно усилила мощь финансовой олигархии, в особенности если учесть смехотворно низкие цены, по которым правительство продавало свои образцовые заводы[24]. Небольшое число семейств, таких, как Мицуи, Мицубиси, Сумитомо, Ясуда, а также другие менее значительные семейства, как Кавасаки, Фурукава, Танака и Асано, используя свое привилегированное положение в качестве финансовых кредиторов нового режима, усиливали свои позиции посредством таких мероприятий, как покупка по низким ценам прекрасно организованных правительственных предприятий. Однако наиболее влиятельное положение занимал ограниченный круг финансовой олигархии — дзайбацу, куда входили первые четыре компании, перечисленные выше. Используя колоссальные возможности, которые давал им контроль над банками, с одной стороны, и промышленностью и торговлей — с другой, они сумели проглотить более мелкие промышленные концерны.

Как отмечалось выше, передача некоторых предприятий покровительствуемым финансистам дала правительству возможность сконцентрировать свое внимание на военных отраслях промышленности, которые продолжали оставаться под таким же

строгим правительственным контролем, как и прежде. После подавления Сацумского восстания правительство решительно встало на путь расширения промышленности по производству вооружения^{46}. Несмотря на сокращения расходов по другим статьям государственного бюджета в этот период (1881–1887 гг.), произошло резкое увеличение военных расходов (свыше 60 %) и военно-морских расходов (200 %) за периоде 1881 по 1891 г., как показано в следующих таблицах:

Годы	Военные расходы (в иенах)		
	обычные расходы	чрезвычайные расходы	всего
1878	6 409 005	220 739	6 629 744
1881	8 179 712	559 060	8 738 772
1884	10 764 593	771 190	11 535 783
1887	11 842 619	565 917	12 408 536

Военно-морские расходы (включая обычные и специальные расходы)	
1871	886 856 иен
1881	3 108 516 »
1891	9 501 692 »

Подобные планы требовали ввоза дорогостоящего готового военного оборудования и полуфабрикатов. В этой области производства прибыль или убыток не принимались в расчет, здесь имели значение только стратегические соображения. Однако огромное расширение производства вооружения вызвало движение за экономическую самостоятельность японской промышленности^{47}. Предприятия военной промышленности послужили в этом отношении примером для японской тяжелой промышленности.

Рассмотрим вкратце, какое же влияние оказал этот своеобразный государственный контроль над ключевыми отраслями промышленности на положение японской бюрократии.

Ключевые отрасли промышленности и бюрократия

Низкий уровень накопления капитала в период Токугава, техническая отсталость японской промышленности, бедность Японии в отношении сырья и таможенное неравноправие крайне затруднили бы конкуренцию японского частного капитала с иностранным капиталом на внутреннем, а позже и на внешнем рынке, если бы он с самого начала не получал щедрой государственной помощи в виде субсидий.

К концу столетия, когда другие страны переходили от свободного предпринимательства к монополиям, японское правительство значительно увеличило помощь частному капиталу, создавая тем самым условия, способствовавшие вмешательству государства в хозяйственную деятельность и сращиванию государственного и частного монополистического капитала. Слияние частного и государственного капитала, в особенности в тех отраслях промышленности, которые тесно связаны с военными отраслями промышленности, как, например, транспорт, металлургия, машиностроение, значительно усилило позиции бюрократии, поставив ее в политическом отношении в равное, если не более высокое положение по отношению к ее партнеру — частному монополистическому капиталу. Известно, что в ранний период Мэйдзи правительственные предприятия представляли широкое поле для использования деклассированного самурайства, из которого образовалась часть новой бюрократии — управляющие, директора и министерские чиновники. Начиная с середины эпохи Мэйдзи, когда большое количество государственных предприятий было передано частным корпорациям, а политические партии были еще очень незрелы, бюрократия пришла в упадок.

Итак, обстоятельства, обусловившие экономическую политику Мэйдзи, могут быть сформулированы следующим образом: во-первых, недостаточное накопление капитала создало необходимость в государственной инициативе в области экономики и способствовало концентрации капитала и экономической мощи в руках финансовой олигархии. Даже после того как государственные предприятия были частично переданы частным предпринимателям, правительство не только не прекратило выдачу субсидий, но в значительной степени усилило финансовую помощь предпринимателям. Эта политика была отчасти вызвана системой внешних договоров, так как после первого торгового договора 1858 г. были установлены очень низкие тарифы, которые были еще более снижены согласно тарифной конвенции 1866 г. Лишь в 1899 г. Япония добилась тарифной автономии при помощи общего пересмотра системы договоров; прежние договоры потеряли силу только в 1910 г. Во-вторых, военное значение индустриализации, обусловленное международным и внутренним положением, способствовало тому, что ряд отраслей промышленности, которые тесно связаны с обороной, даже до настоящего времени находятся под строгим государственным контролем. И, наконец, мы отмечаем, что политика передачи некоторых отраслей промышленности узкому кругу крупных банковских домов укрепила их позиции, в результате чего они продолжают господствовать в промышленности Японии вплоть до настоящего времени.

В техническом развитии Японии в период индустриализации отчетливо выступают две тенденции. Во-первых, наблюдается рост тех отраслей народного хозяйства, которые более тесно связаны с военными предприятиями — машиностроения, судостроения, горного дела, железных дорог и т. п., где государство осуществляло строгий контроль, опираясь на поддержку покровительствуемых финансовых домов, пользовавшихся доверием правительства.

Эти отрасли промышленности, будучи наиболее высоко развитыми в техническом отношении, созданные по новейшим западным образцам, являлись гордостью государственной бюрократии, которая ревностно оберегала их даже после того, как значительная часть предприятий была передана частным предпринимателям. Во-вторых, мы наблюдаем развитие «заброшенных» отраслей промышленности, производящих типично японские виды продукции как для внутреннего, так и для внешнего рынка, где преобладает капитал мелких торговцев и ростовщиков; эти отрасли производства находятся на примитивной стадии технического развития и в значительной степени используют домашний и женский труд.

Глава IV

Аграрная реформа и ее социальные последствия

Аграрная реформа раннего периода Мэйдзи является основой для понимания как современного положения японского сельского хозяйства, так и положения японского общества в целом. Она представляет собой тему для целого тома, а не отдельной главы; поэтому рассмотрение этого вопроса здесь будет крайне сжатым и, возможно, субъективным.

Современное сельское хозяйство Японии с его своеобразными отношениями между помещиком и арендатором, с его мелким крестьянским хозяйством и примитивной сельскохозяйственной техникой окончательно сложилось в первые годы периода Мэйдзи. Аграрная реформа вызывает глубокий интерес не только сама по себе; она привлекает внимание исследователя еще и потому, что именно аграрная реформа определила собой характер таких социальных явлений, как образование избыточного населения в его своеобразной японской форме и образование на этой основе рынка труда, создание внутреннего рынка для японской промышленности, рост рабочего движения и т. д.

Мы остановимся здесь только на двух или трех указанных выше социальных явлениях, в особенности на образовании армии свободных рабочих (что является последней из трех перечисленных в предыдущей главе предпосылок, необходимых для индустриализации страны), на характере перенаселения Японии и значении кустарной или домашней промышленности.

Но прежде всего мы должны рассмотреть центральную проблему — земельную реформу раннего периода Мэйдзи.

Тенденция к установлению частной собственности на землю

Присвоение земли новым классом помещиков негласным путем происходило еще при феодальном режиме; после же реставрации Мэйдзи оно было узаконено. В результате освобождения от феодальной зависимости крестьяне номинально стали свободными владельцами земли. Однако это освобождение фактически открыло путь к обезземеливанию крестьян, потому что отмена запрета на продажу и раздел земельной собственности означала

узаконение таких способов захвата земли, как принудительная продажа, ипотека и т. п. Если в начале эпохи Мэйдзи большинство крестьян было самостоятельными земледельцами, то (по не совсем точным цифровым данным) вскоре после реставрации арендованная земля составляла уже 30 % всей обрабатываемой площади[1].

Отмена в 1872 г. запрета на продажу земли явилась важнейшим шагом по пути к установлению современного поземельного налога, как это видно из отчета окура-сё (министерства финансов), представленного дадзёкан (Государственному совету) в сентябре 1871 г. «Теперь, когда политическая власть полностью возвращена императорскому двору, — говорится в этом отчете, — и когда различные государственные дела унифицированы, необходимо ввести единый закон о налоговом обложении, что является важным государственным делом... Одновременно с отменой древних законов и разрешением купли и продажи недвижимой собственности было бы желательно ввести поземельный налог, основанный на унифицированной системе земельной ренты. Однако больше всего следует опасаться поспешного введения этого закона; прежде всего следовало бы разрешить отчуждение земельной собственности и уже после этого издать упрощенный закон для взимания налога»[2]. Чтобы показать то огромное значение, какое придавалось праву свободного отчуждения земли в связи с реформой поземельного налога, приведем еще одну цитату. В своей докладной записке, составленной в 1871 г., один из главных деятелей реформы поземельного налога, Канда Кохэй, писал: «Некоторые выступают против изменения поземельного налога; они говорят, что «в старое время люди наделялись землею в соответствии с размером их семьи (или согласно переписи) и это предотвращало отчуждение земли и сглаживало пропасть между богатыми и бедными. Если мы вдруг разрешим куплю и продажу земли, то это будет противоречить установленному закону и принесет большой вред». На это можно ответить следующим образом: имеются благоразумные и глупые люди, и, кроме того, имеются прилежные и праздные люди. Тот, кто умен и бережлив, становится богатым, а тот, кто ленив и расточителен, становится бедным; если мы запретим приобретение земли и попытаемся уравнивать богатого с бедным, то это будет означать ограничение богатого в угоду бедному и это постепенно примет такие размеры, что подорвет положение благоразумных и бережливых людей и создаст благоприятные условия для праздных и расточительных». Здесь перед нами все та же вечная притча о ленивых бедных и прилежных богатых, используемая как аргумент для обоснования положения о том, что феодальная «опека»

и общинная ответственность должны теперь уступить место неограниченному праву частной собственности на землю. Колесо истории неумолимо двигалось в направлении узаконения частной собственности на землю, и в каждой стране в соответствующую эпоху маленький человек, будь то арендатор, держатель земли или крестьянин-собственник, оказывался раздавленным этим колесом. Япония в этом отношении не представляла исключения.

Пересмотр поземельного налога в 1873 г.

Так как реформа поземельного налога в 1873 г. установила раз и навсегда те рамки, в которые заключены современные аграрные отношения Японии, стоит посвятить несколько страниц исследованию формы и содержания этой реформы.

Прежде чем ввести единый поземельный налог, исчисляемый в зависимости от стоимости земли, а не в соответствии с феодальной системой распределения продукции между феодалом и крестьянином, необходимо было, чтобы каждый клочок земли, обрабатываемый арендатором или самостоятельным земледельцем, имел признанного собственника. Другими словами, проектируемый поземельный налог предполагал наиболее полное признание права частной собственности на землю. Мы уже указывали на некоторые меры, которые логически вели к изменению поземельного налога, а теперь они были дополнены новым мероприятием. Владельцы земли получили удостоверения на право владения землей, известные под названием «тикэн». Первая партия этих удостоверений была выдана в январе 1872 г., вторая — в феврале и, наконец, третья партия была вручена собственникам земли в июле того же года[3]. Система тикэн послужила отправным пунктом движения за уничтожение старой феодальной аграрной системы и явилась началом признания права частной собственности на землю. Система тикэн в то же время давала возможность производить оценку земли согласно ее продажной стоимости еще до того, как была произведена землемерная съемка по всей стране (1875–1881 гг.). В действительности сделки по купле и продаже земли служили главным основанием для выдачи тикэн. Эти удостоверения, или тикэн, оставались в качестве единственного доказательства права собственности на землю вплоть до издания закона 22 марта 1889 г., после чего правительство отобрало все тикэн и с этого времени доказательством права собственности на землю стала служить регистрация в дайте (регистрах), которые хранились в кусайбансё (окружных судах) и удостоверялись тиан сайбансё (судами по делам общественного

порядка, впоследствии выступающими под другим названием).

Пересмотр поземельного налога не был поспешным или временным мероприятием, а представлял собой реформу, над которой в течение долгого периода времени трудились лучшие умы в правительстве. Наиболее известными в этом отношении являются имена Иноуэ Каору, Окума Сигэнобу, Като Кодзо, Канда Кохэй и Мацуката Масаёси. После внимательного и детального изучения относящегося к этому вопросу материала и после целого ряда обсуждений на комиссиях и совещаниях закон об изменении поземельного налога наконец был опубликован в начале 1873 г. Авторы этого закона понимали, что самым важным мероприятием для обеспечения устойчивого государственного дохода является введение единой системы налогообложения. Они стремились установить такой налог, который было бы легко взимать и которого никто не мог бы избежать. Кроме того, новый налог не должен был зависеть от урожая. Канда Кохэй хорошо изложил недостаток старой налоговой системы в своей докладной записке от 1870 г., составленной в связи с изменением закона о поземельном налоге: «Если мы будем придерживаться прежнего законодательства в отношении налогов, то, во-первых, это причинит нам множество хлопот; во-вторых, это может привести к снижению бюджетных поступлений, поскольку оно допускает мошенничество и уклонения от уплаты налогов; более того, прежнее законодательство совершенно не учитывает интересов государства и содержит лазейки, которые могут причинить ущерб государственным финансам». Вопрос об изменении закона о поземельном налоге обсуждался на специально созванном совещании чиновников префектур в 1873 г. На этом совещании были рассмотрены три точки зрения. В конце концов была принята та из них, которая предусматривала полное изменение поземельного налога, а не просто исправление старой системы. Под руководством заместителя министра финансов Окума Сигэнобу (который возглавлял это министерство во время поездки Окубо в Европу) это решение было проведено в жизнь. Натуральный налог был заменен денежным налогом, взимаемым согласно стоимости земли, оценка которой должна была быть произведена в общенациональном масштабе[4].

Поземельный налог устанавливался на основе следующих трех принципов: 1) если прежде критерием для взимания налога являлся урожай, то теперь таким критерием должна была стать стоимость земли; 2) норма налогообложения устанавливалась в размере 3 % стоимости земли (в 1876 г. эта норма была на некоторое время снижена до 2,5 %), причем в отличие от прежнего порядка обложения размеры урожая в расчет не принимались;

3) налог должен был вноситься деньгами, а не натурой, как это было прежде. Трехпроцентный налог был фактически ниже прежнего феодального налога, если не считать местного налога в размере одного процента[5]. Однако в данном случае дело обстояло гораздо сложнее: этот налог отличался от феодального налога и качественно и количественно.

Разница между прежним и новым налогами заключалась в следующем: во-первых, различные виды налогов, которыми облагалось население как произвольно, так и по традиции клановыми властями и бакуфу, теперь были унифицированы и подлежали ведению центрального правительства. Во-вторых, прежде налогоплательщиками были непосредственные производители, независимо от того, были ли они арендаторами или самостоятельными земледельцами; теперь же поземельный налог платили только землевладельцы, являлись ли они непосредственными производителями или помещиками. В-третьих, при старом режиме налог устанавливался в зависимости от размеров собранного урожая или же от плодородия почвы; после реформы он начислялся по единой налоговой ставке — 3 % от стоимости земли независимо от качества урожая. Наконец, прежний налог, уплачиваемый натурой, главным образом рисом, теперь был заменен денежным налогом^{48}.

Правительство Мэйдзи сочло необходимым сделать этот шаг для того, чтобы избавиться от неустойчивости бюджетных поступлений, вызывавшейся изменениями в размерах урожая, а также колебанием цен на рис и другие сельскохозяйственные продукты, которыми выплачивался натуральный налог. Другими словами, обеспечив постоянный источник доходов, правительство создавало условия для введения современной бюджетно-финансовой системы.

В такой стране, как Япония, которая была еще сельскохозяйственной страной и не имела таможенной автономии, покрытие огромных расходов на военные нужды, на строительство образцовых предприятий и содержание огромного штата чиновников, естественно, зависело от поземельного налога. Вот почему было очень важно, чтобы бюджетные поступления государства были постоянными. Мы видели, как отмена запрета на отчуждение земли — мера, на которую рано или поздно нужно было пойти, — логически предшествовала и прокладывала путь новой налоговой системе, поскольку для этой системы было абсолютно необходимо, чтобы налоговые поступления с земли перестали зависеть от платежеспособности каждого земледельца. Другими словами, нужно было, чтобы тот, кого закон считает собственником земли, нес ответственность за уплату налога с каждого клочка

земли, независимо от того, кто ее обрабатывает. Было еще одно коренное отличие этого налога от старого: в период феодализма при определении суммы налога руководствовались принципом взимать как можно больше, оставляя производителю такое количество урожая, которое было едва достаточным для поддержания его существования, или, применяя распространенное в то время выражение, стремились «сделать так, чтобы крестьянину осталось только на жизнь, но не больше». Кроме того, прежняя система взимания налога была основана на коллективной ответственности села, разделенного для удобства управления на пятидворки. Эта круговая порука еще более ухудшала и без того крайне тяжелое положение крестьян. При новом правительстве обязанности уплаты налога были перенесены с производителя на землевладельца. Крестьяне теперь были освобождены от оков феодализма и в то же время избавлены от мелочной опеки своего господина, который раньше был обязан следить за тем, чтобы «они не могли ни жить, ни умереть». В новом обществе они были свободны определить свою участь — жить или умереть, оставаться на земле или продать ее и уйти в город. Таким образом, большинство сельского населения, хотя и было освобождено от оков феодализма, тем не менее не могло рассчитывать на защиту своих интересов со стороны государства, видевшего свою задачу в охране интересов помещичьего класса, которому оно гарантировало право частной собственности на землю.

Положение мелкого землевладельца, обрабатывающего свой клочок земли, было крайне непрочным. Он был подвержен превратностям природы (неурожай, ураганы, сельскохозяйственные вредители); кроме того, он находился в зависимости от различных явлений общественного порядка (колебание цен на рис) и, несмотря на все это, он ежегодно должен был платить правительству определенную сумму денег в виде налога. Для того чтобы во-время уплатить налог, крестьянин-собственник должен был или вовсе отказаться от своего крошечного клочка земли, продав его, или же прибегнуть к помощи сельского ростовщика и таким образом встать на длинный и трудный путь уплаты долгов, что могло в любое время закончиться лишением права выкупа закладной из-за просрочки платежей. Более того, при низком уровне капиталистического развития в деревне необходимость быстро превратить в деньги 25–30 % урожая для уплаты поземельного налога [6] накладывала тяжелое бремя на мелкого земледельца, живущего за счет своего карликового хозяйства, не вовлеченного еще в широкую сферу национального рынка. Будучи переведенным из положения сравнительной экономической самостоятельности на положение зависимости от рынка, крестьянин вы-

нужден был продавать свой рис сразу же после уборки урожая и, таким образом, подвергаться всем превратностям, вытекающим из колебания цен на рис. Следует отметить, что колебание цен не влияло в такой степени на положение крупного помещика, поскольку он имел возможность попридержать на время свой рис в зернохранилищах[7]. Мы здесь говорим о мелком производителе, который владел землей и поэтому платил земельный налог сам. Что касается арендатора, то он продолжал платить помещику арендную плату главным образом натурой. Помещик после вычета суммы, необходимой для передачи правительству в виде поземельного налога, всю остающуюся часть в виде чистой прибыли присваивал себе. Таким образом, реформа поземельного налога явилась средством, ускорившим начавшийся процесс обезземливания крестьян и связанный с ним процесс концентрации земли в руках помещичьего класса. Теперь рассмотрим вкратце размах и темп этого процесса.

Экспроприация крестьянства

За период с 1883 по 1890 г. 367 744 крестьянина лишились земли; их наделы подверглись принудительной продаже за недоимки по уплате поземельного налога. Из этого числа 77 % крестьян не имели возможности уплатить поземельный налог вследствие бедности. Общая сумма недоимок составляла 114 178 иен, или в среднем 31 сену на человека. Площадь земли, проданной с торгов или конфискованной, составляла 47 281 тёбу (46335,38 га) общей стоимостью в 4 944 393 иены. Стоимость конфискованной и проданной земли в 27 раз превышала общую сумму недоимок[8]. Головокружительный темп экспроприации крестьян подтверждается некоторыми данными об ипотеке и принудительных продажах, взятыми из исследования П. Майе. Так как статистические данные по этому вопросу, относящиеся к раннему периоду Мэйдзи, мало доступны, мы здесь приведем некоторые из них. Для провинции Окаяма мы имеем следующую таблицу:

Годы	Завладение на дома и землю		Принудительные продажи		Банкротства	
	иены	количество лиц	иены	количество лиц	иены	количество лиц
1879 . .	2 881 300	63 577	105	9	5 699	52
1880 . .	4 123 940	78 023	259	24	2 916	54
1881 . .	5 322 164	86 470	1 798	40	5 132	84
1882 . .	6 097 271	107 574	7 481	106	22 342	109
1883 . .	7 072 120	137 008	21 414	520	58 811	493

Эти цифры дают нам некоторое представление о быстром темпе экспроприации крестьян в одной префектуре, и если бы мы обратились к исследованиям в масштабе всей страны, то получили бы потрясающую картину.

«В официальном отчете по ипотекам по всей Японии в 14-ом году Мэйдзи 1881) насчитывается около 2 млн. ипотек на сумму 141 млн. иен при оценочной стоимости имущества только в 123 млн. иен. Средняя сумма ипотечного кредита поэтому составляет около 72 иен, что показывает огромную потребность в Японии в ипотечном кредите в малых суммах, которые не могут быть удовлетворены каким-либо крупным центральным кредитным учреждением»[9].

Эти цифры говорят о господствующем положении ростовщического капитала в японской деревне и о той роли, которую он играл в процессе обезземеливания крестьян[10]. О роли ростовщического капитала много писалось в манифестах и политических листовках, которые распространялись в Идзу партией должников — сяккинто (наименование местных политических организаций крестьян-бедняков, созданных для борьбы против массового сгона крестьян с земли). В этих листовках говорилось, что ссуда из 13 % годовых считалась филантропической, а продление срока погашения кредита с 3 до 5 лет считалось великодушным поступком.

Десятилетие с 1880 по 1890 г., когда новый поземельный налог полностью вступил в силу, было периодом наиболее значительных перемен в землевладении Японии, и самые быстрые темпы этого социального переворота наблюдались в 1884–1886 гг. Так, например, Мазельер пишет по этому поводу: «В старой Японии (включая и города) стоимость проданного крестьянского имущества в 1884 г. достигла 4,8 % от общей стоимости всей их собственности, а в 1886 г. — 5,1 %... При таких темпах в течение двадцати лет вся эта собственность перейдет в другие руки. И это будет происходить по мере того, как прежние собственники будут лишаться своих владений. С экономической и социальной точек зрения это будет более тяжелое испытание по сравнению с тем, которое пережила Франция во время революции».

Если взять цифры об уменьшении числа лиц, пользующихся активным избирательным правом на выборах в префектуральные собрания (то есть лиц, которые платили поземельный налог в размере 5 иен и больше), а также лиц, имеющих право быть избранными на должности (то есть уплачивавших 10 и более иен налога в год), то хотя эти цифры и не дают нам представления о росте числа арендаторов, они свидетельствуют о неуклонном ухудшении положения мелких и средних крестьян-собственни-

ков, подготовившем почву для экспроприации крестьян. Эти сведения дают нам таблицы на стр. 160.

Годы	Количество лиц, имеющих право голоса и уплачивающих налог в размере 5 и более иен	Сравнительное уменьшение (1881 г. возн. за 100)
1881	1 809 610	100
1882	1 784 041	94
1883	1 718 020	94
1884	1 682 419	93
1885	1 637 137	90
1886	1 531 952	84
1887	1 488 107	82
1888	1 505 183	83
1889	1 462 183	81
1890	1 400 510	78
1891	1 175 045	64
1892	1 120 643	62
1893	1 118 508	61
1894	1 083 697	59

Годы	Число лиц, пользовавшихся пассивным избирательным правом при выборах в префектуральные собрания, уплачивающих налог в размере 10 и более иен	Сравнительное уменьшение (1881 г. возн. за 100)
1881	879 347	100
1882	878 840	99
1883	871 762	99
1884	849 244	97
1885	840 955	96
1886	809 880	92
1887	802 975	91
1888	803 795	91
1889	814 032	93
1890	755 412	86
1891	621 382	71
1892	593 273	67
1893	589 803	67
1894	574 289	65

К 1892 г. в собственно Японии, включая Хоккайдо, площадь земли, обрабатываемой арендаторами, достигла 2 031 958,5 тёбу (2011639 га), или 39,99 % всей обрабатываемой площади[11]. Данные о числе арендаторских хозяйств не особенно показательны вследствие того, что большое количество арендаторов являлось частично арендаторами, частично собственниками. Однако в данном случае эти цифры красноречиво говорят о том, что происходил процесс превращения крестьян-собственников в арендаторов и полу арендаторов[12].

Экспроприация крестьянства и ее последствия (сравнение Японии с Англией)

Подобный же процесс экспроприации крестьянства происходил и в английской деревне при переходе к капитализму, а именно, в период широкого движения за огораживание земель под пастбища в XVI в., а также в период еще более широкого движения за огораживание земель под сельскохозяйственные культуры в XVIII в.

Под действием экономических сил того времени происходило резкое падение числа мелких собственников, не имевших ни капитала, ни в достаточном количестве земли для того, чтобы организовать свое хозяйство на основе более усовершенствованных методов производства продуктов на рынок. Кроме того, их домашняя промышленность была разрушена новыми механизированными фабриками Ланкашира, и поэтому мелкие собственники были вынуждены покинуть землю и мигрировать в города. В Англии это движение сопровождалось не только концентрацией земли в руках небольшого числа людей, но также громадным увеличением масштаба сельскохозяйственного производства. В Японии этот процесс был крайне сложен и, в отличие от огораживаний в Англии в XVIII в., не вызвал массового бегства крестьян в города в годы, непосредственно следовавшие за реформой поземельного налога. Наоборот, в Японии не было абсолютного падения числа сельскохозяйственных хонкэ (дворов), занятых обработкой земли[13]. Явное противоречие между тем, что крестьянство подвергалось экспроприации в большом масштабе, как описано выше, и тем, что оно все же оставалось на земле в качестве арендаторов или полуарендаторов, нельзя объяснить просто ссылкой на общеизвестный факт, что в самом начале и в ходе преобразований Мэйдзи в Японии еще не было высокоразвитой промышленности, которая могла бы поглотить экспропрированное крестьянство. Такое объяснение было бы неверно, поскольку даже после индустриализации Японии число крестьянских хозяйств все же оставалось постоянным или даже неуклонно возрастало. Объяснение этого факта следует искать скорее в своеобразии отношений, сложившихся в Японии между арендаторами и помещиками. Высокая арендная плата, являющаяся характерной чертой японского помещичьего землевладения, привела к тому, что помещик, сам не обрабатывающий землю, был заинтересован исключительно в получении земельной ренты[14], и это удерживало его от использования своего капитала для ведения сельского хозяйства на капиталистических началах[15]. В Англии же завершение капиталистического развития в сельском хозяйстве привело к концентрации земли в руках небольшого числа лиц, которые, согнав прежних владельцев земли при помощи парламентского акта об огораживании, увеличили

площадь обрабатываемой земли с целью получения прибыли, то есть превратили бывшие феодальные владения в капиталистические предприятия. Прежний полуфеодальный держатель, согнанный с земли, был вынужден вместе со своей семьей искать работы в быстро развивающейся городской промышленности. В Японии же вследствие чрезвычайно высокой арендной платы помещик или ростовщик не стремились согнать с земли арендаторов и прежних крестьян-собственников, чтобы самим заняться обработкой земли.

Они предпочитали оставить крестьян на месте, предоставив им возможность обрабатывать маленькие клочки земли за непомерно высокую арендную плату. С разрушением старой домашней промышленности и ростом перенаселенности деревни, последовавшим за отменой феодальных ограничений на рождаемость^{49}, а также с ростом современной фабрично-заводской промышленности, младшие члены семьи, в особенности женщины, покидали деревню и уходили в города в надежде пополнить своим заработком скудный доход семьи. Необходимо отметить, что увеличение численности сельской семьи, ее безвыходное финансовое положение, обостренное разрушением домашней промышленности, совпало с ростом текстильной промышленности, которая стала стержнем первой японской промышленной революции и являлась важнейшей отраслью японской промышленности, так как она производила продукцию для экспортной торговли. Такое положение позволило предпринимателям использовать на производстве труд женщин, пришедших из перенаселенной деревни, что в свою очередь вызвало снижение стоимости рабочей силы в текстильной промышленности. Это привело к созданию промышленного рабочего класса, большую часть которого составляли женщины. Следующая таблица показывает процент занятости женщин в промышленности[16]:

Годы	Общее количество рабочих	Количество женщин-работниц	% женщин-работниц в промышленности
1882	51 189	35 535	69
1895—1899	425 602	252 651	59
В среднем за пятилетие			
1900—1904	472 965	291 237	62
1905—1909	637 043	391 003	61
1910—1914	828 942	592 320	71

(Эти цифры относятся только к фабрикам с числом рабочих свыше 10 человек и не включают правительственных предприятий.)

В отличие от Англии в Японии миграция сельского населения в города носила временный характер. В города уходили, как пра-

вило, не целые семьи, а лишь младшие сыновья или дочери, и то не навсегда. Спустя некоторое время они возвращались в деревню или вследствие безработицы, или для того, чтобы вступить в брак или помочь своей семье во время уборки урожая. Разрушение старого натурального крестьянского хозяйства в Англии гнало всю семью крестьянина в город, и при наступлении застоя в промышленности они были вынуждены скитаться без дела в городах, так как их старое крестьянское хозяйство в деревне давно исчезло. Японские же рабочие, когда они оказывались безработными, возвращались в свою родную деревню. Такое решение проблемы безработицы, хотя оно и было стихийным, а непреднамеренным результатом аграрной реформы, является одной из причин, объясняющей совпадение интересов помещиков с интересами промышленников, в противовес той борьбе между ними, которая имела место, например, в Англии в период борьбы за отмену хлебных законов. Причина этого совпадения интересов промышленников и помещиков заключается в том, что тяжесть содержания безработных в значительной степени снимается с государства и предпринимателей, поскольку безработные уходят в деревню, а вызванная этим перенаселенность деревни способствует повышению арендной платы.

Мелкое крестьянское хозяйство в Японии

Причины и последствия его возникновения

Экспроприация крестьянства в Японии, в отличие от Англии, не привела к закреплению или увеличению среднего надела обрабатываемой земли. Наоборот (несмотря на незначительное увеличение размера среднего надела обрабатываемой земли) распространение аренды сопровождалось непрерывным распылением участков земли, обрабатываемых крестьянскими семьями. Приведем некоторые сравнительные цифры, относящиеся к началу периода Мэйдзи.

В 1874 г. обследование трех фу (то есть трех крупнейших городских районов Токио, Осака и Кёто) и 27 префектур (за исключением Хоккайдо) показало, что средний размер земельного надела (как орошаемых, так и неорошаемых полей, взятых вместе) на крестьянский двор составлял 9 тан 6 сэ 16 бу (0,95 га), а 35 лет спустя размер земельного надела, тоже не считая Хоккайдо, был, по существу, такой же, составляя 9 тан 7 сэ 10 бу (0,96 га)[17].

Таким образом, чрезвычайная раздробленность земли, характерная для японского сельского хозяйства, сохранилась даже после установления частной собственности на землю и быстрого

расширения аренды земли. Раздробленность земельных участков явилась следствием необычайно высокой арендной платы, которая, как мы видели, для рисовых полей достигала 60 % всего урожая[18]. Этот вопрос является настолько важным для понимания аграрных отношений в Японии, что мы должны подвергнуть его дальнейшему анализу, рискуя даже допустить некоторые повторения. Поскольку лица, владевшие капиталом и землей, то есть купцы, ростовщики или богатые крестьяне, могли получать столь высокую прибыль на вложенный в землю капитал в виде арендной платы, у них не было никакого стимула к тому, чтобы из помещиков-паразитов превратиться в сельскохозяйственных предпринимателей, которые вели бы хозяйство с целью производства сельскохозяйственных продуктов на рынок, применяя труд наемных рабочих. При существовавших в Японии аграрных отношениях помещик, уверенный в получении столь высокой прибыли на вложенный капитал, поступил бы весьма неблагоприятно, если бы рискнул организовать капиталистическое производство с целью получения прибыли, которая к тому же могла оказаться гораздо ниже той, которую приносила ему арендная плата. Другими словами, чрезмерно высокая арендная плата уничтожала стимул к получению предпринимательской прибыли. В результате этого земля сохранилась в таком же положении, в каком она была в период феодализма — разделенной на крошечные участки, обрабатываемые крестьянами, растущая численность которых приводила к повышению спроса на землю и конкуренции в области аренды, обеспечивая таким образом высокий уровень арендной платы. А это в свою очередь вело к раздроблению арендуемых участков земли. К этому следует прибавить сильную привязанность крестьянина к земле, которая освящена для него трудом его многочисленных предков. В борьбе за то, чтобы остаться на земле в качестве собственника или полусобственника, крестьянин продавал время от времени несколько цубо земли, для того чтобы погасить задолженность по земельному налогу, уплатить долги сельскому ростовщику или чтобы пережить тяжелый год, справиться с трудностями, вызванными недородом, падежом тяглогового скота или стихийными бедствиями. Он расставался с каждым клочком своей земли помимо своей воли, подобно тому, как армия, окруженная с флангов, ведет безнадежные, но решительные арьергардные бои. В результате этого мелкий собственник еще больше сокращал масштаб своих работ на оставшемся у него участке земли. Это, конечно, только образный пример, но он отчасти иллюстрирует влияние высокой арендной платы, действовавшей в качестве препятствия развитию чисто капиталистических отношений в сельском хозяйстве,

тогда как крайняя перенаселенность деревни вела к сохранению, а в некоторых случаях даже к уменьшению и без того незначительных земельных участков, оставшихся от феодального периода. Как сказал один японский специалист по этому вопросу, «Крестьянин сам понимает, насколько неудобна и невыгодна такая система сельского хозяйства, но часто значительное улучшение существующего положения в течение короткого периода времени не представлялось возможным вследствие установившихся отношений собственности или аренды». И далее: «В период крушения феодализма появились мелкие землевладельцы; масштаб сельскохозяйственного производства оставался таким же мелким, каким он был прежде; по-прежнему имелся излишек рабочей силы в семье; никаких существенных изменений в деревне не произошло. Японское сельское хозяйство все еще сохраняет свою старую форму». Таким образом, крестьянин, желая обеспечить прожиточный уровень семьи, усиливал интенсификацию своего хозяйства путем максимального использования каждого клочка земли, находившегося в его распоряжении. Раздробление земли и своеобразие условий, сложившихся в результате аграрной реформы Мэйдзи, когда исключительно высокая арендная плата выплачивалась натурой, а тяжелый земельный налог выплачивался деньгами, а главное, высокая арендная плата, уничтожавшая стимул у владельцев капитала заниматься производством сельскохозяйственных продуктов в качестве предпринимателей, наложили глубокий отпечаток на аграрные отношения в Японии. Этот вопрос может быть лучше всего рассмотрен путем изучения социального положения японского крестьянина-арендатора.

Социальное положение японского крестьянина-арендатора

Японский крестьянин-арендатор не является капиталистическим предпринимателем, как в других странах. Но его нельзя считать также и сельскохозяйственным наемным рабочим, который получает заработную плату деньгами от землевладельца, берущего на себя предпринимательский риск. Японский арендатор представляет собой смешение того и другого; он является земледельцем и в то же время отдает большую часть своей продукции помещику. Он напоминает английского крестьянина-арендатора, поскольку он берет на себя весь риск сельскохозяйственного предприятия; но так как доход с его предприятия отбирает землевладелец, то японский арендатор напоминает сельскохозяйственного поденного рабочего. Заработная плата этого сель-

скохозяйственного полупролетария выражена не в деньгах, а в виде вознаграждения натурой и зависит от размера собранного урожая и колебания цен на сельскохозяйственные продукты. В урожайный год доля арендатора несколько повышается, но так как спрос на сельскохозяйственные продукты остается сравнительно неизменным, то в урожайные годы цены на продукты катастрофически падают, в особенности во время уборки урожая. Таким образом, вполне может случиться так, что денежный доход арендатора сократится, несмотря на хороший урожай. С другой стороны, цены на промышленные товары, которые арендаторы вынуждены покупать, зависят не от урожая, а от других факторов, в частности от состояния внешнего рынка. В неурожайные же годы цены на зерно повышаются, но у арендатора, обрабатывающего небольшой клочок земли, едва ли может остаться что-либо для продажи. Больше того, в эти годы он нередко вынужден покупать им же выращенное и проданное зерно. Таким образом, японский крестьянин-арендатор является олицетворением двойственности: в нем имеются черты предпринимателя-арендатора (который принимает на себя предпринимательский риск) и сельскохозяйственного пролетария (поскольку помещик вследствие высокой арендной платы отбирает большую часть дохода этого предприятия). Одна черта настолько тесно переплетена с другой, что было бы неправильно рассматривать японского арендатора только как предпринимателя или только как пролетария.

Вопрос о хронической перенаселенности и образование рынка рабочей силы

Из этого анализа следует, что процесс роста помещичьего землевладения, с одной стороны, и обезземеливание крестьян-собственников — с другой, нельзя рассматривать как следствие развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве^{50}, тогда как в Англии в XVIII в. именно развитие капитализма явилось движущей силой процесса огораживания.

Процесс экспроприации японского крестьянства, равно как и отделение промышленности от сельского хозяйства (то есть разрушение кустарной промышленности), происходил быстрее, чем рост капиталистических предприятий в сельском хозяйстве или развитие городской промышленности. То, что описанный выше процесс экспроприации крестьян происходил значительно быстрее, чем развитие капитализма как в сельском хозяйстве, так и в промышленности, подтверждается тем фактом, что спустя четверть столетия после реформы поземельного налога лишенные земли крестьяне не превратились в более или менее значитель-

ном количестве в сельскохозяйственный или промышленный пролетариат, а сделались арендаторами, полуарендаторами или же собственниками чрезвычайно мелких участков земли; причем для поддержания своего полуголодного существования они должны были заниматься каким-нибудь видом домашней промышленности, как, например, прядением, ткачеством или шелководством. Эта огромная армия мелких крестьян-собственников, арендаторов и полуарендаторов, обрабатывающих мельчайшие участки земли, число которых вследствие дробления непрерывно увеличивалось, исторически явилась источником хронической перенаселенности[19]. Раздробленные, мельчайшие участки земли не могли обеспечить крестьянину получения дохода, необходимого для поддержания даже полуголодного существования семьи. Поэтому женщины в семье вынуждены были заниматься каким-нибудь видом домашней промышленности, а мужчины — искать дополнительную работу в качестве кули на дорогах, железнодорожном строительстве и т. п. Та часть постоянного избыточного населения, которая не имела возможности остаться в семье, была вынуждена искать себе средства к существованию в городах. Те, кто не мог поступить на фабрики, становились рикшами, грузчиками, кули — словом, низшим слоем неквалифицированных рабочих. В города уходили также и ремесленники, которые были вытеснены из мелкой кустарной промышленности в результате введения новой машинной техники, а также те рабочие, чей труд оказался излишним вследствие применения женского и детского труда. Это постоянное избыточное население в лучшем случае являлось полубезработным, а условия его жизни характеризовались нерегулярным заработком, неуверенностью в завтрашнем дне, а в случае получения работы — крайне продолжительным рабочим днем и низкой заработной платой. Это постоянное избыточное население стремилось в конце концов уйти из городов обратно в родные села, что приводило к еще большей перенаселенности деревни и действовало в качестве фактора, снижающего жизненный уровень крестьянства. Сильное давление перенаселения деревни на аграрные отношения не позволяло многим из крестьян снова стать земледельцами, и поэтому они вынуждены были искать средства к существованию в какой-нибудь отрасли кустарной промышленности, а с упадком последней невыносимые условия существования заставляли крестьян посылать своих дочерей в города на текстильные фабрики в надежде при помощи их заработка предотвратить полное разорение семьи. Часть населения, выброшенная из процесса производства в сельском хозяйстве и не сумевшая перейти в ряды промышленного пролетариата, превращалась в текучий

резерв рабочей силы. И точно так же как вода стремится занять наиболее низкий уровень, так и это текучее избыточное население вынуждено было идти на самую низкооплачиваемую работу, снижая тем самым общий уровень заработной платы рабочих. В такой стране, как Япония, где развитие городской промышленности хотя и являлось бурным по своим темпам, но не было широко распространенным, большая часть избыточного населения не могла быть поглощена промышленностью.

Более того, поскольку заграничный рынок рабочей силы, представляющий собой отдушину, которая помогла разрешить проблему избыточного населения в некоторых европейских странах в конце XIX в., оказался отрезанным для японских рабочих вследствие запрещения иммиграции, этому избыточному населению Японии ничего не оставалось делать, как только ждать дальнейшего развития индустриализации или искать новых возможностей для поддержания своего существования в домашней промышленности. С полным основанием можно сказать, что существование этого огромного источника хронического или потенциального избытка рабочей силы привлекло внимание к сельскому хозяйству мелких промышленников. Поскольку перенаселение в сельской местности не дает возможности большей части этого избыточного населения заниматься сельскохозяйственным производством, единственным средством существования для нее остается промышленность, городская или домашняя.

Однако крупная городская промышленность не достигла такого уровня развития, чтобы поглотить весь этот резерв рабочей силы, отчасти вследствие особенностей развития японской промышленности, а в значительной степени из-за наличия резерва хронического избытка населения, образовавшегося еще в предшествующий период. В результате этого многие японские предприниматели получили возможность обходиться без дорогостоящего фабричного оборудования, распределяя штучную работу между семьями тех, которые живут в этом преддверии ада — между сельским хозяйством, которое уже не может обеспечить им работу, и между городской промышленностью, двери которой еще не открылись для них. Благодаря этому японские предприниматели получили возможность маневрировать фондами заработной платы, выжидая спорадического увеличения или падения рыночного спроса на промышленные товары, не подвергаясь риску порчи или устарения запасов продукции и фабричного оборудования в периоды затишья. Это еще раз подтверждает высказанное выше положение о совпадении интересов промышленников и крупных землевладельцев.

Следовательно, другим важным результатом аграрной реформы Мэйдзи явилось создание рынка рабочей силы — третьего условия, необходимого для развития капитализма.

Образование рынка рабочей силы в Японии характеризуется появлением источника хронического избытка труда, образованного главным образом за счет экспроприированного крестьянства, поглощение которого промышленностью задерживалось вследствие медленного темпа развития крупного промышленного производства. Нельзя отрицать, что некоторое поглощение избытка рабочей силы имело место. Однако огромное количество избыточного населения, оседающего в деревнях и городах и не находящего применения своему труду, являлось важным фактором, снижающим жизненный уровень и заработную плату японских рабочих.

Прежде чем покончить с этим вопросом, следует отметить, что в Японии происходило постоянное перемещение части сельскохозяйственного избыточного населения в промышленность, а также медленно, но неуклонно росло промышленное население. За период с 1894 г., когда процесс экспроприации крестьянства почти закончился и промышленный переворот достиг высшей точки своего развития, вплоть до кануна мировой войны (1913 г.) общее количество самодеятельного населения, живущего на заработок, увеличилось с 24 428 109 до 30 026 403 (то есть на 23 %), тогда как за этот же период количество промышленных рабочих увеличилось с 381 390 до 916 252 (или на 140 %)[20].

Хотя за период с 1887 по 1913 г. сельское население абсолютно увеличилось, относительно оно уменьшилось. Если в 1887 г. число семей, занятых в сельском хозяйстве во всей Японии, составляло 71 %, то в 1913 г. оно сократилось до 58 %, а отношение населения, занятого в сельском хозяйстве к индустриальным рабочим снизилось с 11,1:1 до 6,4:1.

Образование внутреннего рынка и его ограниченность

Экспроприация крестьян, последовавшая за реформой поземельного налога, и постепенное образование рынка рабочей силы, описанное выше, — оба эти процесса привели к глубоким социальным последствиям. Наиболее значительным из них явилось образование внутреннего рынка для японской промышленности в результате отделения крестьянства от средств производства, поставившего крестьян в зависимость от рынка. Первым этапом расширения этого внутреннего рынка являлось превращение риса и других сельскохозяйственных продуктов в предмет

торговли.

Рис всегда являлся наиболее важным сельскохозяйственным продуктом; во время реставрации выращиванием риса было занято по крайней мере 80 % населения. Еще при режиме Токугава он стал предметом торговли, правда, в ограниченной степени (рис, принадлежавший крупным феодалам, превращался в деньги с помощью рисовых маклеров), но поскольку продажа риса приносила лишь незначительные денежные доходы крестьянину, это еще не означало создания широкого внутреннего рынка. Положение коренным образом изменилось после реставрации, когда правительство посредством реформы поземельного налога стабилизировало свои доходы. Крестьянин-собственник и помещик теперь вынуждены были превращать свой рис в деньги, для того чтобы уплатить новый налог, в результате чего ускорялся процесс превращения риса в предмет торговли. За реформой налога последовал правительственный акт об отмене запрещения экспорта риса, а также об освобождении риса от экспортных пошлин[21].

Благодаря правительственной политике сохранения довольно высоких цен на рис и разрешению на его экспорт производство риса получило новый стимул и крестьянство все более и более вовлекалось в водоворот денежного хозяйства[22].

Одновременно с процессом превращения сельскохозяйственных продуктов в предмет торговли происходило разрушение кустарной старой промышленности, в особенности хлопкопрядения. Хотя в течение первых нескольких десятилетий после реставрации Мэйдзи огромное число лишенных земли крестьян было вынуждено либо искать себе работу в городах, либо оставаться без дела в деревне, отделение сельского хозяйства от промышленности (что является одной из предпосылок для образования внутреннего рынка для промышленных товаров) не могло быть осуществлено полностью и в широком масштабе только вследствие изменений, происшедших в землевладении или в результате увеличения аграрного перенаселения.

Действительным толчком для развития внутреннего рынка явился ввоз дешевых, произведенных машинным способом товаров из передовых капиталистических стран, что нанесло непосредственный удар кустарной текстильной промышленности в деревне. Из предметов импорта, которые имеют прямое отношение к рассматриваемому вопросу, наиболее важными являлись хлопчатобумажные ткани и хлопчатобумажная пряжа, которые поступали в Японию во все увеличивающихся размерах, как показано в таблице на стр. 173 (1 кин равняется 0,54 кг).

Годы	Количество введенных хлопчатобумажных тканей (в тыс. кин)	Количество введенной хлопчатобумажной ткани (в тыс. кин)	% стоимости хлопчатобумажной ткани по всему импорту	% стоимости хлопчатобумажной ткани по всему импорту	Общий % введенных тканей в привнесении по всему импорту
1868—1872	3 631	3 607	16,02	15,91	31,93
1873—1877	5 092	3 853	19,53	14,49	34,02
1878—1882	5 125	6 982	15,71	20,79	36,50
1883—1887	2 771	6 129	8,48	18,69	27,17

Едва ли за границей известно, насколько распространенным было производство хлопка в Японии в период позднего феодализма и в начале периода Мэйдзи. В одном из трудов по истории японской промышленности говорится: «В течение периода Бунроку (1592–1595 гг.) южные варвары (испанцы и португальцы) ввезли семена хлопка в Японию, и сразу же хлопок стали выращивать в различных провинциях. Начиная с периода Кэйтё (1596–1614 гг.) не было такой провинции, где бы не вырабатывалась хлопчатобумажная ткань для внутреннего пользования; но особенно славились этим провинции Кавати, Сэтцу, Кию, Исэ, Микава, Мусаси, Ава и Симотцукэ». Крестьянские семьи выращивали хлопок, делали из него пряжу и вырабатывали для себя ткани. Крестьянское натуральное хозяйство пало не под ударом отечественной механизированной текстильной промышленности, а под ударами импорта хлопчатобумажных изделий из других стран. Как мы видели выше, ввоз хлопчатобумажных тканей за период с 1868 по 1872 г. составлял 16,02 % общей стоимости ввоза, а за период с 1873 по 1877 г. — 19,53 % и затем резко упал, когда начала расти и процветать японская текстильная промышленность. Однако последствия ввоза хлопчатобумажной ткани не были столь катастрофическими для крестьянского хозяйства, как ввоз хлопчатобумажной пряжи.

Поскольку ткань предназначена для непосредственного потребления, ее ввоз не влияет на процесс производства так непосредственно, как ввоз хлопчатобумажной пряжи, которая является одним из средств производства. Хотя отечественное, в данном случае домашнее, производство хлопчатобумажной ткани и вступало в известной степени в конкуренцию с импортными товарами, произведенными машинным способом, тем не менее ткани, вырабатываемые крестьянами, были предназначены, главным образом, для собственного потребления. Ввоз же пряжи оказал решающее влияние на отечественную прядильную промышленность, которая вырабатывала пряжу не только для потребления внутри крестьянских семейств, но и для городских ткацких фабрик. Следующая таблица показывает, какое катастрофическое влияние оказал импорт пряжи (в отличие от импорта ткани) на

производство пряжи в Японии.

Годы	Цена 100 сан японской хлопчатобумажной пряжи, в пиках	Цена 100 сан импортной хлопчатобумажной пряжи, в пиках
1874	42,70	29,66
1875	43,54	29,94
1876	40,79	27,42
1877	40,41	26,86

Хотя в течение первых трех или четырех лет после реставрации ввоз хлопчатобумажной пряжи был несколько ниже ввоза хлопчатобумажной ткани, однако ввоз пряжи быстро увеличился в течение двух десятилетий после реставрации, а за период с 1878 по 1882 г. он значительно превзошел ввоз хлопчатобумажной ткани. Это увеличение ввоза было отчасти вызвано появлением японской текстильной промышленности, которая, как и вообще промышленное производство в Японии, стимулировалась инфляцией, начавшейся вслед за подавлением Сацумского восстания. Оживление промышленной деятельности, особенно в области текстильного производства, означало, что японские фабрики могут переработать в ткань большее количество хлопчатобумажной пряжи. Старый метод прядения вручную уже не мог обеспечить выпуск стандартной продукции и удовлетворить требования новой текстильной промышленности, оборудованной новейшими станками. Следовательно, японская текстильная промышленность нанесла окончательный удар по огромному сектору местной кустарной промышленности — хлопкопрядению (а позже и ткачеству), которому до этого было нанесено смертельное ранение импортом иностранных товаров[23].

Попутно можно привести и другие примеры разрушения кустарной промышленности. В начале периода Мэйдзи второе место в импорте после хлопка (включая пряжу и ткани) занимал сахар, и это катастрофически сказалось на производстве сахара в самой Японии. Площадь, использовавшаяся под сахарный тростник (главным образом в Сануки и Эхимэ) за период с 1877 по 1882 г.[24], сократилась на 75 %. Ввоз дешевого керосина, применявшегося для освещения, в значительной степени подорвал выращивание культуры воскового дерева и производство рапсового масла, которое прежде вырабатывала кустарная промышленность. Появление огромного количества газет и журналов в период после Сацумского восстания потребовало производства специальной бумаги, вырабатываемой из древесины, и, таким образом, серьезно подорвало старую кустарную бумажную промышленность.

Другим бедствием для крестьян и крестьянского натурального или полунатурального хозяйства было резкое сокращение после реставрации площади общинных земель. Во время токугавского

режима власти разрешали крестьянам пользоваться лугами и лесами для выпаса скота, собирания корма для скота, удобрений, топлива, а также для получения строевого леса за уплату «благодарственных денег» (ундзё или мёгакин). Теперь же большая часть этой земли стала государственной собственностью. Точнее, после «возвращения» императору в 1869 г. прав феодалов на землю и упразднения в 1872 г. феодальных владений те земли, собственник которых не был точно установлен, в особенности земли, принадлежавшие дому Токугава, теперь стали государственной собственностью. Лишение крестьян права пользования этими угодьями, на которых они добывали корм, удобрения, топливо и лес для изготовления сельскохозяйственного инвентаря, не только еще больше подорвало разлагавшееся натуральное хозяйство, но, кроме того, вынуждало крестьян покупать на рынке то, что раньше они могли добыть на этих общинных землях. По мере интенсификации сельскохозяйственного производства, вызванной острым недостатком земли, крестьяне вынуждены были покупать еще один важный предмет — фосфатное удобрение (производство которого было начато в 1887 г.), несмотря на то, что крестьяне продолжали употреблять в качестве удобрения нечистоты, вывезенные из соседних городов и сел[25].

Из этого сжатого очерка о разрушении старой кустарной промышленности не следует делать вывода о полном упадке всех отраслей кустарной промышленности, как это было, например, в Англии в XVIII в. Это изложение имело целью показать, как сначала иностранные товары, а позже японское машинное производство, вместе с такими факторами, как захват общинных земель, заставили крестьян отказаться от прежних отраслей кустарной промышленности и перейти к новым. Такой новой отраслью домашней промышленности явилось шелководство. Эта отрасль домашней промышленности не встречала конкуренции со стороны иностранных товаров и вполне соответствовала экономическому развитию Японии. По мере роста избыточного населения развитие такой дополнительной домашней промышленности становилось делом жизни и смерти для большей части крестьянства и количество крестьянских хозяйств, занятых шелководством, непрерывно увеличивалось по крайней мере до конца первой мировой войны[26].

Распад старой кустарной промышленности и последовавшее затем отделение промышленности от сельского хозяйства, наряду с превращением сельскохозяйственных продуктов в товар, сыграли колоссальную роль в расширении внутреннего рынка для реализации промышленных товаров. Создание же внутреннего рынка в свою очередь сильно подстегнуло развитие япон-

ской промышленности, и тем не менее следует отметить, что исключительно высокая арендная плата и поземельный налог, после уплаты которых у крестьян, как арендаторов, так и собственников, оставались лишь небольшие излишки, замедленный процесс отделения промышленности от сельского хозяйства, наличие огромного избытка населения, ведущего нищенское существование, — все это, вместе взятое, препятствовало расширению внутреннего рынка. Это ярко обнаружилось во время экономического кризиса, разразившегося в 1890 г., когда стало очевидным, что исключительно низкая стоимость рабочей силы, явившаяся важнейшим фактором бурного роста японской текстильной промышленности, превратилась бы в сдерживающий фактор (среди других только что упомянутых факторов) дальнейшего развития промышленности в Японии, если бы она ориентировалась только на внутренний рынок. Вследствие этого вновь созданная текстильная промышленность, явившаяся стержнем промышленного переворота конца 80-х годов, почувствовала на себе полную силу удара этого первого экономического кризиса, разразившегося в Японии.

Наиболее типичным детищем промышленной революции явилась Нихон босэки ренго-кай (Японская ассоциация текстильных фабрикантов), созданная в 1882 г. под руководством Окада Рэйко, бывшего управляющего правительственной прядильной фабрики в Айти. В 1890 г., в год экономического кризиса, эта Ассоциация, находившаяся под бдительным и умелым руководством, потребовала от парламента отмены таможенных пошлин на экспорт и импорт хлопка и хлопчатобумажных изделий[27]. В ноябре того же года было достигнуто соглашение с пароходной компанией Ниппон юсэн кайся, по которому ассоциация взяла на себя обязательство, независимо от прибыли или убытка, вывозить в течение пяти лет подряд не менее 30 тыс. тюков хлопчатобумажных товаров в год, а Ниппон юсэн кайся, за предоставление ей исключительного права перевоза этого товара, согласилась снизить стоимость фрахта из Японии в Шанхай с пяти до трех иен за тонну. Таким образом, пробивая себе путь на внешний, главным образом на китайский рынок, промышленники создавали условия для предотвращения перепроизводства и накопления товаров внутри страны[28].

Глава V

Политические партии Японии

Поскольку в пределах данной главы совершенно невозможно дать даже краткое изложение политической и конституционной истории Японии конца XIX и начала XX в., мы попытаемся осветить здесь лишь некоторые стороны политической жизни Японии, которые часто являются предметом спора и даже источником заблуждений для обозревателей Запада. Автор не льстит себя надеждой, что ему удастся дать вполне законченный ответ на все вопросы и разрешить все существующие сомнения. Он только надеется, что, концентрируя свое внимание на изложении таких вопросов, как происхождение и характер японского либерализма, его отношение к другим политическим партиям и бюрократии, его позиции по вопросам внешней политики, автору, может быть, удастся пролить некоторый свет на одну из малоисследованных сторон японской политической истории.

Аграрное движение (1877–1883 гг.); появление либеральной партии (дзюто)

Бурная политическая жизнь Японии первых лет периода Мэйдзи вплоть до 1877 г. является типичной для переходного периода любой страны. Исчезновение старых феодальных классов и выход на историческую арену новых социальных сил происходили в условиях беспорядков и острых столкновений, в условиях, когда возникали новые, большей частью напрасные надежды. В этот переходный период не было еще отчетливой расстановки политических сил, а лишь едва намечались те тенденции, которые впоследствии привели к образованию вполне сложившихся политических партий с определенными программами. Во второй главе мы стремились показать, какое положение занимали и к чему стремились различные классы японского общества: купечество, старые феодальные классы (самурай и даймё) и крестьянство. В той же главе мы подчеркивали, что в течение первых шести или семи лет после реставрации крестьянское движение достигло наивысшего подъема и затем начало постепенно спадать. В начале периода Мэйдзи крестьянское движение являлось стержнем всей политической жизни в самом широком смысле слова.

Когда во главе его становились недовольные самураи, оно было направлено на возвращение к старому строю, когда же крестьянство выступало против ростовщичества, высокой арендной платы и чрезмерных налогов, это движение выражало смутное стремление крестьянства к более демократическому режиму[1]. Крестьянские восстания первого типа — реакционные по своему характеру, проходившие под руководством недовольных элементов феодального класса и направленные против нового режима^{51}, были постепенно ликвидированы, а после подавления Сацумского восстания 1877 г.) они перестали вообще иметь какое-либо значение. С этого времени аграрное движение в Японии развивается в трех направлениях. Во-первых, вспыхивают волнения арендаторов, требующих снижения арендной платы. Во-вторых, происходит борьба мелких земельных собственников, которым угрожала потеря земли, против ростовщиков и усиливающегося класса помещиков. И, в-третьих, наблюдается движение всех землевладельцев против правительственной политики покровительства по отношению к крупным торговым и финансовым домам, которую правительство проводило за счет сельского населения. Примеров аграрного движения первых двух видов можно привести огромное количество, так как борьба за снижение арендной платы и против ростовщичества является характерной для любого общества, в котором имеются арендаторы, обязанные платить высокую арендную плату, и мелкие собственники, живущие под постоянной угрозой потери своей земли за долги местным ростовщикам. Причины, порождавшие такого рода аграрное движение в ранний период Мэйдзи, были кратко изложены Майе в его письме на имя графа Ямагата. «Положение сельского населения, — писал Майе, — за последнее время стало в высшей степени неудовлетворительным. Доказательством этому могут служить восстания крестьян, вражда между должниками и кредиторами, банкротства и принудительная продажа сотен крестьянских хозяйств в ряде провинций, а также петиции правительству, составленные на собраниях земледельцев, где последние просят об освобождении их от поземельного налога или о его сокращении».

Примером первых двух видов аграрного движения может служить активная деятельность партии должников (сяккинто) в различных префектурах, и в особенности в Идзу, Ибараки, Гумма и др. Еще более показательным примером этого рода движения является восстание в Титибу (префектура Сайтама) в ноябре 1884 г., которое охватило Нагано и Гумма, причем восставшие ставили своей целью добиться снижения арендной платы и ростовщического процента[2].

Однако в этот период 1877–1885 гг.) аграрное движение первого и второго вида не имело большого политического значения. Третий вид, который может быть охарактеризован как протест землевладельцев против привилегированного положения финансовой олигархии, имеет огромное историческое значение, поскольку именно из среды землевладельцев наиболее громко раздавался клич «Свобода и народные права!». Так как эти землевладельцы впоследствии стали знаменосцами конституционного движения и так как они составили основу либеральной партии (дзюто), мы более подробно остановимся на характерных чертах этого третьего вида аграрного движения.

На первый взгляд может показаться странным, что именно землевладельцы составили ядро либерального движения. Слово «землевладелец» сразу же вызывает в памяти европейского читателя представление об английском сквайре (помещике), с его укоренившимся консерватизмом в социальных и политических вопросах. Для того чтобы объяснить мировоззрение японского землевладельца, мы должны вернуться к анализу отношений, существовавших между японскими арендаторами и помещиками, о чем мы говорили в предыдущей главе.

Мы видели, что японский помещик взимал арендную плату, а арендатор хотя и принимал на себя предпринимательский риск, не распоряжался своим доходом. Помещик был заинтересован главным образом в превращении риса или других сельскохозяйственных продуктов, собранных в виде арендной платы, в деньги по максимально высоким ценам. Следовательно, его беспокоила прежде всего существующая цена на рис. Заинтересованность помещика в превращении сельскохозяйственных продуктов в товары превращает его самого в мелкого капиталиста-предпринимателя, который вкладывает свои деньги в землю или в местную кустарную промышленность, связанную с землей (как, например, изготовление мисо, производство сакэ) или же становится рисовым маклером, мелким торговцем искусственными удобрениями и т. п.[3]. Один иностранец, несколько лет тому назад посетивший Японию, писал о японской деревне: «Когда я обратил внимание на то, что там (то есть в одной из деревень, в префектуре Нагано) производством сакэ и сёю часто занимаются землевладельцы, мне объяснили, что прежде эти отрасли промышленности находились исключительно в их руках». В другом месте записок этот же автор пишет: «Прежде чем покинуть этот город, я имел беседу с одним землевладельцем, который превращал в сакэ рис, полученный от его арендаторов в виде арендной платы. Он принадлежал уже к пятому поколению винокуров». И далее: «Все лавочники, по-видимому, имеют свои собственные дома и

все они, за исключением трех, владеют землей»[4]. Таким образом японский землевладелец, взимающий непомерно высокую арендную плату, является полуфеодалным помещиком, но, кроме того, ему присуща и другая черта — черта торговца-капиталиста. И именно эта черта втягивала японского землевладельца в политическую борьбу в период, о котором идет речь. Это подтверждается той активной ролью, которую играли помещики-предприниматели в образовании либеральной партии, дзюто. В 1880 г. был образован совет предпринимателей, занимающихся производством сакэ (сакая кайги), под руководством некоего Кодзима Минору, который быстро вовлек в ряды новой организации огромное число производителей сакэ по всей стране. Правительство, обсуждавшее в это время программу расширения военно-морского флота, которая неизбежно требовала увеличения налогов, предложило, наряду с другими мероприятиями по увеличению бюджетных поступлений, повысить налог на дзосэки (плиточные дрожжи, применяемые для выработки сакэ). В ответ на это сакая кайги на первой же конференции партии дзюто в 1881 г. выступил против этого налога и выдвинул лозунг «свобода предпринимательства» в духе чистейших манчестерских либералов XIX в. Большая популярность этой организации среди сельской и городской знати вызвала тревогу у правительства, вследствие чего в декабре 1881 г. совет был распущен по приказу губернатора города Осака. Несмотря на запрещение, винокуры открыли свою сессию в лодке на реке Ёдогава. Деятельность совета предпринимателей привлекла большое число помещиков-предпринимателей и мелких помещиков, связанных с торговой деятельностью, в ряды дзюто, в результате чего помещики составили ядро этой партии.

Другим вопросом, волновавшим землевладельческий класс в целом, являлся вопрос о снижении поземельного налога. Правительство снизило этот налог с 3 до 2,5 %, для того чтобы успокоить землевладельцев и парализовать сочувствие, которое у них могло возникнуть к самурайским мятежам, вылившимся, наконец, в крупное Сацумское восстание 1877 г. Правительство хотело предупредить это восстание снижением налога, но не достигло успеха. Несмотря на этот примирительный жест, землевладельцы считали, что поземельный налог слишком тяжел для них. В период с 1875 по 1879 г. земельный налог составлял 80,5 % бюджетных поступлений, в период с 1880 по 1884 г. — 65,6 %, а с 1885 по 1889 г. — 69,4 %. Больше того, землевладельцы считали, что правительственная политика ликвидации неконвертируемых банкнот, а также его промышленная политика, явились причиной катастрофического падения цен на рис, что сильно задевало ин-

тересы помещиков. В то время как близкие к правительству финансовые и промышленные круги получали субсидии, щедрое правительственные контракты и права монопольной торговли, землевладельческий класс испытывал на себе результаты неуклонного падения цен на рис. Так, индекс цен на рис упал с 221 пункта в 1881 г. до 105 в 1888 г. (принимая 1873 г. за 100), после чего цены на рис начали медленно расти, достигнув в 1893 г. 154 пунктов. Словом, землевладельцы видели, что финансовая и промышленная олигархия пользуется исключительными привилегиями и протекцией правительства, тогда как землевладельцы лишь оплачивали счета расходов на индустриализацию страны. Настроения землевладельческого класса были хорошо изложены предшественником либеральной партии — обществом риссися (общество свободомыслящих) в докладной записке, представленной императору в июне 1877 г., в которой предлагалось создать представительное собрание. «Налоги, взимаемые с фу (городов) и с кэн (префектур), отправляются непосредственно министерству финансов, окурасё. Это вызывает большой недостаток в деньгах в сельских местностях и подрывает их производственные возможности. Правительство проявляет большую активность, содействуя составлению планов развития сельскохозяйственных отраслей промышленности, колонизации Хоккайдо и создания промышленных предприятий, но государственные служащие, которым поручается ведение этих дел, совершенно не справляются со своими обязанностями и, кроме того, вмешиваются в законные права купцов. Сотни тысяч иен расходуются на оказание помощи некоторым компаниям или на организацию новых компаний, но такие благожелательные акты со стороны правительства распространяются только на узкий круг лиц или организаций и ни в какой мере не содействуют общему благу»[5].

Поэтому помещики, будучи одновременно мелкими торговцами-капиталистами, заинтересованными главным образом в спекуляции рисом, ростовщичестве и мелких местных инвестициях, выступая против бюрократических правящих кругов и их сторонников — крупных ростовщиков и банкиров, становились участниками либерального движения. Именно эта буржуазная черта, а не полуфеодально-консервативная помещичья черта сделала их активными борцами за «свободу и народные права» и «свободу предпринимательства»^{52}. Но консерватизм помещика не исчез даже в период расцвета либерализма, а продолжал существовать в скрытом состоянии, пока в более поздний период он полностью не взял верх над его «либерализмом». Мы хотели лишь отметить, что японский либерализм уходит своими корнями в деревню, в отличие от английского либерализма, который пред-

ставлял собой движение городов, в особенности городского купечества, направленное против консервативного землевладельческого дворянства.

Лидерами либерального движения в идеологическом отношении являлись бывшие самураи, главным образом из кланов Тоса и Хидзэн, которые в это время уже не пользовались таким влиянием в правительстве, как представители кланов Сацума и Тёсю. Не может быть сомнения в том, что многие из этих людей были вдохновляемы подлинно либеральными идеями. Их последующая деятельность и приносимые ими жертвы являются достаточным доказательством их целеустремленности. Однако, как указывают два японских автора, большая часть самураев была вовлечена в либеральное движение лишь потому, что оно носило антиправительственный характер, ибо одни из них были недовольны упразднением кланов, подорвавшим экономическую основу феодализма, другие же были озлоблены против правительства за неудавшийся поход в Корею. Следовательно, существенную роль при образовании либеральной партии сыграла зависть известной части самураев к кланам Сацума и Тёсю, а также погоня за должностями со стороны отдельных лиц. Эти бывшие самураи, находившиеся в оппозиции к правительству, стали признанными лидерами движения, которое требовало введения народного представительства. Они пользовались большим влиянием как члены класса сидзоку (военного дворянства) и прежде всего как лидеры реставрации 1868 г. На этом основании некоторые японские авторы называют их наследниками партии кинно или сонно (партия лойялистов, которые боролись против бакуфу) и подлинными борцами против феодализма.

Однако той силой, которая постоянно подталкивала либеральную оппозицию, являлась борьба огромной массы мелких крестьян, арендаторов и городской бедноты, которые примкнули к либеральному движению, требуя снижения налогов, введения представительных учреждений и даже своего представительства в либеральном движении. Однако крестьянам, живущим в отдаленных изолированных деревнях, было трудно принимать активное участие в политической борьбе^{53}. Поэтому вполне естественно, что наиболее активными элементами в политическом движении на местах были крупные землевладельцы, в то время как руководство политической борьбой в национальном масштабе сосредоточивалось в руках бывших самураев или небольшого числа крупных помещиков, которые одновременно являлись и купцами[6].

Это широко распространенное и внутренне слабо связанное движение мелких землевладельцев и крестьян, возглавляемое

бывшими самураями и крупными землевладельцами-купцами, в 1881 г. оформилось в партию дзюто (либеральная партия). Сам характер руководства этой партии неизбежно привел к тому, что политической философией дзюто стал довольно умеренный и соглашательский либерализм — такой либерализм, который добивался демократии, народных прав, свободы предпринимательства главным образом для имущих классов. Об этом свидетельствует ответ либеральных лидеров Соёджима, Гото и Итагаки (которые впоследствии стали наиболее активными членами дзюто) на возражение Като Хироюки против создания представительного правительства в Японии. «Теперь, если эта палата представителей будет создана, мы не предлагаем немедленно ввести всеобщее избирательное право. Мы бы предложили дать это право в первую очередь только самураям, богатым крестьянам и купцам, так как именно они дали лидеров революции 1868 г.»

Таким образом японский либерализм, представленный партией дзюто, с самого начала был умеренным, колеблющимся. Позже он превратился в свою противоположность — в непреклонный консерватизм, когда из осколков партии дзюто в 1900 г. была создана партия сэйюкай. Мы здесь не касаемся крайне левого крыла партии дзюто, которое позже приняло почти революционную окраску, а остаемся только на политической философии главных лидеров дзюто. Несмотря на неопределенность своей программы, дзюто до ее раскола на местные группы правого и левого течений, вследствие энергичной поддержки ее со стороны арендаторов, жаждавших получить землю, и задавленных долгами крестьян-собственников, располагала большими силами и даже имела революционные возможности. По этой причине, как мы увидим ниже, правительство, развернув кампанию подавления политических партий, самый мощный удар обрушило на партию дзюто[7].

Первые политические общества и партии

По мнению двух уже упоминавшихся выше японских авторов, японский либерализм представлял собой движение за просвещение и распространение абстрактной доктрины о природенных правах человека. Эти писатели пришли к такому выводу, познакомившись с деятельностью айкокукото (народное общество патриотов) — одного из первых политических обществ, которое ставило целью своей борьбы создание представительных учреждений. Здесь мы сделаем небольшое отступление, для того чтобы изложить программы и историю первых политических партий начиная с дзюто, предвестником которой было общество айко-

кукото. Последняя из названных организаций была создана в 1874 г. такими известными деятелями, как Итагаки Тайсукэ, Гото Сёдзиро, Юри Кимимаса, Огасавара Кан, Это Симпэй (казненный вскоре после этого за участие в восстании Сага) и Соёдзима Танэоми. Это общество ставило своей целью добиться того, чтобы общественное мнение поддержало их требование о созыве представительных учреждений. Его программа состояла из следующих трех пунктов: 1) содействие мировой цивилизации; общество считало, что для осуществления этой цели необходимо внушить всему народу уважение к прирожденным правам человека; 2) добиться единения императора с народом и таким образом создать действительное процветание в стране; это, в свою очередь, могло быть достигнуто путем независимого и неограниченного развития прав личности; 3) члены общества давали присягу в том, что они согласны выносить любые испытания и трудности, которые встретятся на пути осуществления этой программы. Как указывают упомянутые авторы, эта программа возбудила общий интерес среди интеллигенции того времени, которая проявляла горячее стремление к изучению западных политических учений. Однако это общество не могло служить основой для организаций подлинной политической партии, и вследствие этого оно вскоре умерло естественной смертью. Существовало другое аналогичное политическое общество — риссися (общество свободомыслящих), созданное интеллигенцией бывшего клана Тоса (нынешняя префектура Коти), которая находилась под сильным влиянием французской политической мысли. Лидерами этого общества были Катаока Кэнкити (председатель общества) и Итагаки Тайсукэ. Это общество также вело разговоры о благосостоянии народа и правах личности и сумело привлечь на свою сторону много молодых людей из бывших самураев и демобилизовавшихся чинов императорской гвардии. Фактически устав этого общества открывал доступ в его ряды только дворянству и совершенно исключал возможность какого-либо участия простого народа в его организациях. Члены этого политического общества, вместе с членами айкокуся (общество патриотов, которое явилось преемником прежнего общества айкокукото), были предшественниками и основателями партии дзюто, которая была организована как политическая партия в национальном масштабе в 1881 г. Председателем ее был Итагаки Тайсукэ, а заместителем председателя — Накадзима Нобуюки. Программа этой партии состояла из следующих пунктов: 1) расширять свободы, защищать права народа, содействовать процветанию и преобразованию общества; 2) направлять свои усилия на создание прочной конституционной системы управления; 3) для осуществления своих задач сотрудни-

чать с другими партиями в стране, которые добиваются тех же целей. Содержание программы этой партии почти ничем не отличается от туманных и абстрактных положений ранних политических обществ, таких, как айкокукото или риссися. Однако значение партии дзюто, созданной в 1881 г., заключается в том, что она способствовала победе идеи о праве организованной в национальном масштабе политической партии принимать законное участие в политической жизни страны.

Другой партией, созданной в это же время, являлась риккэн кайсинто, или просто кайсинто (партия реформ), которую возглавлял Окума Сигэнобу. В нее входили чиновники старого типа, группировавшиеся вокруг Коно Бинкэн, Маэдзима Мицу, Китабатакэ Харуфуса, Яно Фумио; интеллигенты школы Кэйо — Фудзита Сигэкици, Симада Сабуро, Инукай Цуеси, Одзаки Юкио; кроме того, в эту партию входили менее известные лица двух групп — отокай (программа которой частично совпадала с программой первой группы) и тоё гисэйкай, куда примыкали некоторые представители столичной интеллигенции. Главной опорой этой партии было чиновничество, оставшееся вне службы, городская интеллигенция и некоторые крупные купцы и промышленники и в первую очередь компания Мицубиси. Принципы этой партии в значительной степени основывались на английском либерализме и утилитаризме того времени. Программа этой партии была настолько умеренной, что по сравнению с ней платформа дзюто казалась прямо революционной. Сущность политической философии партии кайсинто наиболее ярко выражена в ее лозунге «онкэн тякудзицу», который можно перефразировать примерно следующим образом: «умеренно, но прочно; медленно, но верно».

Третьей политической партией была риккэн тэйсэйто (конституционная императорская партия), организованная в 1882 г. Она была создана как правительственная партия с целью парализовать влияние двух других партий, и была консервативной до мозга костей. По мнению Осатакэ и Хаяси, подлинными заправилками этой партии являлись не ее открыто признанные лидеры — чиновники Фукути Гэнитиро, Маруяма Сакура и Мидзуно Торадзиро, а высшие придворные круги, группировавшиеся вокруг таких деятелей, как Ито Хиробуми, Иноуэ Каору и Ямада Акиёси, которые хотели использовать эту партию в качестве орудия для установления системы этатизма по немецкому образцу, а также в качестве противовеса другим политическим партиям. Однако эта партия оказалась слабее своих соперников как в организационном отношении, так и с точки зрения популярности в стране.

Каждая партия имела свой печатный орган и проводила открытые дискуссии, на которых наиболее горячие споры вызывал во-

прос о суверенитете[8]. Партия дзюто утверждала, что суверенитет принадлежит народу и что поэтому конституция должна быть составлена избранной народом ассамблеей. Партия тэйсэйто резко оспаривала эту точку зрения, утверждая, что суверенитет безраздельно принадлежит императору и в соответствии с этим он один мог бы дать народу конституцию в виде подарка. Партия кайсинто, следуя духу английского конституционализма, занимала компромиссную позицию между этими двумя точками зрения, утверждая, что суверенитет принадлежит одновременно и трону и народной ассамблее.

Политика правительства в отношении политических партий

Распространение либеральных идей и деятельность политических партий внушали опасения правительству. Когда требование о введении представительных учреждений впервые начало приобретать широкую популярность в годы, последовавшие за поражением лозунга сэйкан-рон 1874 г.), правительство решило сделать некоторые уступки в этом направлении. Не подвергая риску свои собственные абсолютистские права, оно разработало план созыва местных префектуральных собраний (фу-кэн кай), которые были созданы в 1878 г. Эти местные собрания были предшественниками национального собрания или парламента не только в хронологическом отношении, но и сточки зрения конституционных прав. Японское общество проявляло по отношению к ним очень мало интереса, так как вся реальная власть в этих собраниях находилась в руках правящей бюрократии. По мнению некоторых авторов, цель правительства, создавшего эти собрания, заключалась в том, чтобы ослабить усиливающееся движение за введение представительных учреждений и в то же время при помощи этих префектуральных собраний приучить к дисциплине местную бюрократию, на которую центральная олигархия надеялась распространить свою власть[9]. Независимо от того, какую роль отводило правительство этим собраниям, оно и здесь проводило характерную для него политику (которая должна была проявиться снова в критический момент), заключающуюся в том, чтобы, делая уступки одной рукой, отбирать их другой. В данном случае, однако, правительство изменило последовательность этих мероприятий и сначала предприняло меру, которая в значительной степени свела на нет последовавшую за ней уступку.

В июне 1875 г., еще до образования местных собраний с их высоким имущественным цензом для избирателей, правительство приняло жесткий закон о печати, которым оно широко поль-

зовалось в течение нескольких лет для подавления любой критики правительственной политики[10]. Вскоре после создания этих местных собраний недовольство своевольными методами правительства начало опять нарастать. И когда из разбросанных и слабо связанных между собой местных групп партии должников и либеральных обществ были организованы политические партии в общенациональном масштабе (в особенности дзюто) и движение за создание представительных учреждений стало более мощным, правительство вновь решило пойти на уступку. В соответствии с этим в 1881 г. оно дало стране обещание созвать парламент к 1889 г.

Однако императорский рескрипт от 12 октября 1881 г., в котором содержалось обещание учредить национальное собрание, не положил конец требованиям о создании представительных учреждений, а только усилил демократическое движение в стране. За этим движением, нашедшим свое выражение в растущей популярности и силе политических партий, правительство следило с большой тревогой. Оно приняло срочные меры, развернув наступление на эти две оппозиционные либеральные партии — кайсинто и дзюто. Сначала правительство развернуло против них репрессии, а затем прибегло к расколу либерального движения, завоевав на свою сторону некоторые фракции оппозиции. Дав обещание открыть парламент через девять лет, правительство в 1882 г. приняло новый закон о собраниях и организациях, который был значительно суровее и более строго проводился в жизнь, чем предыдущий закон[11]. Но к самым сильным репрессиям правительство прибегло лишь после того, как ему удалось ослабить политическое движение в стране путем привлечения на свою сторону некоторых лидеров этого движения, а также путем срамливания партий кайсинто и дзюто, в результате чего ему удалось устранить некоторых наиболее способных политических лидеров от участия в демократическом движении.

Как раз в то время, когда движение за народные права и представительные учреждения, казалось, охватывает всю страну, предвещая решающую схватку с правительством в ближайшем будущем, члены партии дзюто, к своему великому удивлению, узнали в конце 1882 г. о том, что их наиболее испытанные лидеры Итагаки Тайсукэ и Гото Сёдзиро отправились в Европу, чтобы непосредственно ознакомиться с политическими учреждениями Запада. Слухи, исходившие из кайсинто и распространявшиеся газетой «Майнити Симбун» в Токио и Ёкогаме, настойчиво утверждали, что деньги на эту поездку были ассигнованы правительством. Хотя многие члены партии дзюто решительно отвергали обвинение в том, что их лидеры были подкуплены правитель-

ством, некоторые из них, включая Баба Тацуи, Оиси Масами и Тагути Укити, вскоре вышли из партии в знак протеста. На самом деле деньги на дорожные расходы были выданы компанией Мицуи при посредничестве Гото и Иноуэ Каору. Этот подозрительный инцидент и его последствия побудили партию дзюто выступить с резкими контробвинениями против кайсинто; лидер этой партии Окума был обвинен в том, что он выступает в качестве политического агента компании Мицубиси и занимается перекачиванием очень щедрых субсидий и подарков в сейфы этой компании. Это обвинение вызвало клич «Гито бокумэцу» («Долой фальшивые партии!») и «Уми-бодзу тайдзи» («Покорим морских чудовищ!» — то есть компанию Мицубиси).

Воспользовавшись этими нападками на компанию Мицубиси, правительство создало существовавшую непродолжительное время компанию Кёдо уню кайся, под руководством Синагава Ядзиро. Компания Мицубиси преодолела эту бурю путем слияния с Кёдо уню кайся, в результате чего образовалась судоходная компания Ниппон юсэн кайся; она установила еще более тесные связи с правительственными кругами, в особенности когда в правительстве находились Окума или его компаньоны.

Таким образом, две оппозиционные партии, вместо того чтобы объединить свои силы для борьбы против общего врага — абсолютистского кланового правительства, попались в ловушку, составленную для них правительством, ввязались в острые споры друг с другом и растратили свою энергию на то, чтобы дискредитировать себя и усилить тем самым позиции правительства. После этого ловкого маневра натравливания одной оппозиционной партии на другую правительство завершило свою кампанию похода против политических партий суровыми полицейскими репрессиями, о чем упоминалось выше. Очутившись перед альтернативой продолжения борьбы нелегальными методами или капитуляции перед силой правительства, большинство лидеров либерального движения избрало второй путь. В октябре 1884 г. партия дзюто приняла решение о самороспуске[12], а кайсинто опередила ее на год, приняв решение о роспуске еще в сентябре 1883 г.^{54}

Новые сдвиги в аграрном движении после роспуска дзюто в 1884 г.

Еще до роспуска политических партий, в условиях, когда правительству удалось наложить ограничения на печать и провести ряд мер, направленных на подавление всякой политической деятельности, местные организации политических партий энергич-

но выступали против правительственных репрессий и даже прибегали к вооруженным выступлениям как средству для достижения своей цели — свержения деспотического правительства[13]. Многие из менее влиятельных лидеров дзюто, раздраженные и недовольные поведением главных руководителей партии, действия которых они считали отступничеством, часто поддерживали эти обреченные на неудачу выступления. Эти местные инциденты представляют собой исторический интерес с точки зрения политических и экономических требований, которые выдвигались рядовыми членами либерального движения, а также той решимости (хотя она и не была направлена в нужном направлении), с какой они отстаивали эти требования в противоположность отступничеству лидеров. Один из наиболее проникательных наблюдателей японской национальной жизни, Фукудзава Юкити, еще в 1881 г. предвидел, что рядовые члены либерального движения будут резко выступать против правительственной политики. В своем письме на имя Окума он писал: «Движение минкэн рон (защита народных прав) видимо, все более и более переходит на путь прямых действий. Если оно и впредь будет развиваться в этом направлении, антагонизм между правительством и народом будет все больше обостряться, и в конце концов я боюсь, как бы оно не привело к печальному кровопролитию».

Предчувствие Фукудзава сбылось с поразительной точностью. Первое восстание вспыхнуло в 1882 г. в префектуре Фукусима. Искрой, от которой вспыхнуло восстание в этом районе, явилось возмущение произвольным поступком губернатора префектуры Мисима Цуё, не пожелавшего считаться с решением префектурального собрания. Руководителем этого восстания был Коно Хиронака, человек радикальных взглядов и решительного характера. После подавления восстания он и его товарищи были арестованы и приговорены к тюремному заключению. Почти в это же время вспыхнуло восстание в Такада в префектуре Ниигата, лидеры которого обвинялись в организации покушений на руководителей правительства. В 1884 г. произошло восстание в Титибу (префектура Сайтама), в котором руководящую роль играли сяккинто, или местная партия должников, и радикальная группа местной организации дзюто. Некоторые утверждали, что деятельность политических лидеров этого восстания способствовала тому, что среди крестьян и деревенской бедноты вспыхнуло сильное недовольство против местных помещиков, и когда на место прибыла полиция, крестьяне оказали ей сопротивление. Мы упоминаем об этом восстании в другой связи; в данном же случае восстание в Титибу представляет для нашей темы особый интерес, поскольку оно послужило рубежом в истории дзюто или

либеральной партии. Мы уже отмечали, что руководство этой партии находилось в руках землевладельцев, которые были одновременно также купцами или предпринимателями; именно эта принадлежность к торговым и промышленным кругам и вовлекла их в политическую борьбу. Однако по мере того, как правительство усиливало репрессии, стремясь подавить растущие требования о расширении демократии, местные организации этой партии, которые часто возглавлялись более радикальными элементами, чем руководство центральной организации партии, организовали мощное движение среди народа не только за введение представительных учреждений, но также и за снижение арендной платы, что испугало многих более осторожных лидеров. Поэтому роспуск партии не был для них таким неприятным делом, как это могло быть при иных условиях. Одно из авторитетных лиц пишет по этому поводу: «Дзюто и кайсинто были более или менее непосредственно связаны с вооруженными выступлениями, происходившими в этих провинциях, хотя вряд ли лидеры той и другой партии поощряли эти действия. Для того, чтобы рассеять подозрение в подстрекательстве к восстанию, партия дзюто на общем съезде, состоявшемся 20 октября 1884 г. в Осака, приняла решение о своем роспуске в ожидании лучших времен, когда будут созданы условия для ее восстановления».

После роспуска дзюто местные восстания, подобно описанным выше, происходившие обычно под руководством радикальных последователей партии дзюто или примыкавших к ней организаций, приняли крайне ожесточенный и кровопролитный характер. Не вдаваясь в подробности этих восстаний, мы ограничимся перечислением наиболее известных из них: в 1884 г. вспыхнул ряд восстаний в Нагоя, в которых руководящую роль играла местная организация партии дзюто; в 1885 г. произошло восстание в Кабасан (префектура Ибараки); в этом же году произошли события в Иида (префектура Айти); в 1886 г. вспыхнуло восстание в Сидзуока. Самым любопытным из всех тайных заговоров и вооруженных восстаний этого периода являлся заговор Ои Кэнтаро и его сообщников, главным образом из партии дзюто, которые находились под сильным влиянием французских революционных идей[14]. Потерпев неудачу в своей политической деятельности вследствие правительственных репрессий, они разработали план поездки в Корею, намереваясь распространить свою политическую доктрину и создать демократический строй на этом полуострове, для того чтобы оттуда вести либеральную агитацию в Японии. Они уже были готовы отплыть из Осака с оружием и боеприпасами, но 23 ноября 1885 г. были схвачены полицией.

На этом закончилась первая глава в истории японского либерализма. Следует отметить, что коренная слабость японского либерализма заключалась в том, что это движение опиралось на сельское население. В других странах победоносный либерализм — будь то движение независимых, или, точнее, лондонских пресвитерианцев, в период правления Кромвеля или либерализм революционного Парижа — был главным образом городским движением, опиравшимся на колоссальную финансовую мощь городского купечества и централизованную политическую организацию городских масс. Хотя английский и французский либерализм и возглавлялся богатыми купцами, адвокатами или даже сельской знатью, наличие в столицах многочисленного и более или менее отчетливо сложившегося городского населения определяло характер этого движения. Конечно, это в равной мере относится также и к английскому либерализму XIX в., развернувшему свою деятельность после реформы избирательной системы 1832 г., когда либеральная партия черпала свою силу почти исключительно из городских классов. Однако в Японии либерализм опирался на сельское население, живущее в изолированных деревнях, где местные проблемы часто поглощали все внимание местного населения, где условия одной местности в значительной степени отличались от другой, что неизбежно приводило к внутренним столкновениям и в конечном счете к неудаче этого движения. Более того, противоречия между помещичьим руководством дзюто и рядовыми членами партии из крестьянства неизбежно должны были привести к расколу партии. Мы видели, как руководство дзюто очень легко отступило перед лицом правительственных репрессий, последовавших после грозных событий, описанных выше, когда крестьяне среди других лозунгов выставили требование о снижении арендной платы.

Лишенные центрального руководства, местные организации дзюто, выступавшие под различными наименованиями и по различным вопросам местного характера, часто прибегали к насильственным действиям для того, чтобы ослабить жестокость правительственных репрессий. Эти выступления были слишком разбросанными и спорадическими, слишком местными по своему характеру как в географическом, так и в политическом отношении, для того чтобы увенчаться хотя бы частичным успехом. Правительство одержало полную победу благодаря единству правящей бюрократии и ее деспотическим методам борьбы, с одной стороны, и разобщенности и беспорядочности в рядах оппозиции — с другой.

Партия дзюто была восстановлена одновременно с открытием парламента в 1890 г. То обстоятельство, что в результате цело-

го ряда расколов наиболее радикальные группы, существовавшие внутри этой партии, постепенно отошли от движения, а также исключительно высокий имущественный ценз для избирателей в парламент (уплата не менее 15 иен прямых государственных налогов) определили характер реорганизованной дзюто как крайне умеренной партии. Ее постепенное превращение через различные промежуточные стадии в партию сэйюкай 1900 г.) — партию помещиков, свидетельствует о полной победе полуфеодалской помещичьей черты, характерной для руководства прежней партии дзюто.

Укрепление государства; конституция 1889 г.

Либерализм не сошел со сцены вместе с роспуском политических партий в 1883–1884 гг., но после первых вспышек политического энтузиазма и бесплодных усилий он стал еще более умеренным и соглашательским движением. Мы здесь не будем рассматривать многочисленные, сменявшие друг друга коалиции различных либеральных клик, возглавляемых Итагаки и Окума[15]. Отметим только, что пока фракции занимались интригами, стремясь захватить руководящие посты в государстве, правительство спокойно продолжало укреплять свои позиции, готовясь к той буре, которая пронеслась по стране в 1880–1884 гг.^{55}.

Кроме того, правительство провело крайне необходимые административные реформы, создав более гибкие и более действенные органы управления. Наибольшую энергию в этой правительственной деятельности проявил Ито Хиробуми, который, прежде чем приступить к доставлению японской конституции, был послан в Европу в 1882 г. для изучения конституций западных стран. Его первым шагом после возвращения в Японию в августе 1883 г. явилась реабилитация знати (июль 1884 г.) путем введения титулов — князя, маркиза, графа, виконта и барона. Новая знать была создана из прежних кугэ (придворная знать), даймё (феодалская знать) и тех, кто отличился безупречной службой во время или после реставрации. Этот шаг обеспечил политике Ито сильную поддержку со стороны аристократических и чиновных слоев. Его следующим мероприятием была реформа кабинета министров (декабрь 1885 г.), в результате которой в новом кабинете (найкакү), в отличие от старого Государственного совета (дадзёкан), устанавливалось четкое распределение обязанностей министров, деятельность которых координировалась председателем совета министров (найкакү сори дайджин), который по своим полномочиям очень напоминал канцлера бывшей германской империи.

В то же время был проведен ряд реформ в системе образования, что было очень симптоматично, так как это свидетельствовало о перемене политических взглядов правительства^{56}. В 1880 г. был установлен строгий государственный контроль над школами первой и второй ступени. В следующем году главный центр высшего образования в Японии — Токийский университет (позже названный Токийским императорским университетом) — был реорганизован и превращен в учебное заведение для подготовки будущих чиновников. В результате этой реформы весь штат университета был поставлен под правительственный контроль; университетскому персоналу были отведены места в бюрократической иерархии наравне с другими чиновниками. Прежняя неопределенная и довольно самостоятельная организация факультетов теперь была заменена системой жесткого централизованного контроля, находившегося в руках ректора, отвечавшего за свою деятельность только перед министром просвещения, который в свою очередь непосредственно подчинялся императору. Таким образом профессора университета больше не являлись преимущественно учеными, а стали правительственными чиновниками, и в этой своей должности они должны были принимать присягу правительству. Эти реформы были проведены в значительной мере под руководством яркого поборника абсолютизма — Като Хироюки, который в это время был вновь назначен ректором университета. Вполне понятно, что обучение и вообще научная атмосфера в Токийском университете с этого времени точно соответствовали идеалам правящей олигархии.

Тем временем, для того чтобы обезопасить себя от выступлений политических партий, которые в это время стали обнаруживать признаки возрождения, и чтобы предотвратить малейшие попытки критики его мероприятий, направленных на пересмотр системы договоров, правительство 25 декабря 1887 г. приняло закон об охране порядка (хоан дзёрэй), который некоторые историки считают самым репрессивным мероприятием со времени реставрации.

Но самым важным нововведением этого периода являлось создание конституции. Ито занимался разработкой этой конституции с 1884 г., когда было создано сэйдо торисирабэ кёку (бюро по изучению конституционных систем) во главе с Ито, в состав которого входили маркиз (позже князь) Токудайдзи, Иноуэ Цуёси, Канэко Кэнтаро и Ито Миёдзи. Это бюро было подчинено непосредственно министерству императорского двора, и, таким образом, оно было совершенно изолировано от какого бы то ни было внешнего влияния. Один японский автор выразил удивление, почему именно это министерство было избрано для разработки

конституции, а не сенат (гэнро-ин), (который был главным законодательным органом правительства в то время) или же министерство юстиции. Этот же автор следующим образом отвечает на свой собственный вопрос: «Дело, видимо, заключается в том, чтобы оградить работу по составлению конституции от какого бы то ни было влияния со стороны общественного мнения»[16].

В 1888 г. был создан тайный совет по инициативе Ито Хиробуми, который был его первым председателем. Функция тайного совета заключалась в том, чтобы разработать критические замечания по конституции, составление которой в то время подходило к концу. Однако после введения конституции в 1889 г. тайный совет продолжал свою деятельность в качестве сторожевого пса абсолютистского правления. Как его состав, так и его полномочия разрешать конфликты, которые могли возникнуть между различными правительственными органами в отношении толкования конституции, сделали этот орган оплотом консерватизма.

По мнению Ито, конституция была подарком императора своему народу, а не уступкой народу, требовавшему введения конституции. Только императору принадлежала инициатива внесения поправок к конституции, которые должны были быть одобрены верхней и нижней палатой, а право толкования конституции принадлежало судам страны и, в конечном счете, тайному совету.

Поскольку любая попытка улучшить конституцию путем народного голосования, решения суда или голосования той или иной палаты или обеих палат поставила бы инициатора такой попытки вне закона, то никто и не задавался такой целью. Наиболее ожесточенная конституционная борьба в Японии развернулась по вопросу об избирательном праве, который был умышленно исключен Ито из конституции и, таким образом, мог быть разрешен законодательным путем. Поэтому многие группы и партии, иногда не представленные в парламенте, чаще всего партии, связанные с рабочим движением, принимали активное участие в кампании за расширение избирательного права.

По первому избирательному закону 1890 г. право голоса предоставлялось только тем лицам, которые уплачивали государству прямой налог (поземельный, предпринимательский или подоходный) в размере не менее 15 иен в течение по крайней мере одного года, предшествовавшего составлению избирательных списков. В это время количество избирателей составляло 460 тыс. человек. В 1900 г. была проведена избирательная реформа, согласно которой имущественный ценз для избирателей был снижен до 10 иен прямого налога (в 1899 г. он был снижен до 5 иен, но затем в 1900 г. был снова увеличен до 10 иен). Число избирателей в результате этого увеличилось приблизительно в три раза по

сравнению с первоначальной цифрой. Инициаторами этой реформы выступили политические партии, так как эта реформа, расширив круг избирателей, укрепляла парламентскую систему и усиливала позиции политических партий. Однако дальнейшее расширение избирательного права и распространение его на неимущих членов общества являлось слишком рискованным шагом. За это выступали обычно лишь немногие радикально настроенные члены парламента или лидеры некоторых рабочих групп вне парламента. Инициатором движений за всеобщее избирательное право был Ои Кэнтаро, один из первых радикально настроенных членов партии дзюто. Позже он возглавил левое крыло, отколовшееся от либеральной партии, оформившееся в партию тоё дзюто. Это внепарламентское движение за всеобщее избирательное право неразрывно связано с именами тех, кто принимал наиболее активное участие в рабочем и социалистическом движении, как, например, Накамура Тахатири, Киносита Наое, Катаяма Сэн и Абэ Исо. Борьба за всеобщее избирательное право стала наиболее острой к концу периода Мэйдзи. Народные возмущения, имевшие место во время третьего и последнего правительства Кацура (зима 1912–1913 г.) и полицейские репрессии показали всю остроту разногласий, существующих между правительством и народом по этому вопросу. Однако только после первой мировой войны и после того как знаменитые рисовые бунты^{57} (1918 г.) сильно подорвали престиж кабинета Тэраути, появились условия для проведения следующей реформы избирательного права. В 1920 г. имущественный ценз для избирателей был снижен с 10 до 3 иен, в результате чего количество избирателей превысило 3 млн. человек. Следует отметить, что неимущие классы по-прежнему были лишены права голоса. Последний избирательней реформа 1925 г. (первые выборы происходили в 1928 г.), предоставившая всеобщее избирательное право мужчинам, ознаменовала собой наивысшую точку в развитии парламентской демократии, какой когда-либо достигала Япония^{58}.

Политические партии и парламент

Что касается политических партий, существовавших в конце XIX столетия, то следует отметить, что с открытием парламента в 1890 г. партии дзюто и кайсинто стали играть более пассивную, чем прежде, роль в политической жизни страны. Проведение в жизнь плана Ито, то есть создание нового правительственного аппарата, включая парламент, законодательные и финансовые полномочия которого были очень ограничены, поставило эти оппозиционные партии в такое положение, что они могли лишь

причинять неприятности правительству, для того чтобы добиться некоторой доли участия в управлении государством или получить выгодные должности. Вместо того чтобы выступать единым фронтом против правительства, которое по своим методам управления было всеми признано деспотическим, оппозиционные партии были заняты борьбой друг с другом и тем самым позволили господствующей бюрократии вбить клин между ними. Таким образом, несмотря на то, что оппозиция к правительству в парламенте по численности составляла большинство, она состояла из разрозненных враждующих групп и поэтому не могла быть эффективной. Хотя по целому ряду вопросов оппозиционные партии резко нападали на правительство и оказывали ему такое противодействие, что оно вынуждено было неоднократно распустить палату представителей, тем не менее по вопросам коренного для правительства значения, таким, как, например, план увеличения военных и военно-морских сил, эти партии не оказывали серьезного противодействия. Это выявилось уже на первой же сессии парламента, во время которой была создана почва для будущих компромиссов. Один из японских авторов следующим образом описывает этот эпизод: «На первой сессии парламента 1890 г.) оппозиционные партии требовали сокращения расходов по государственному бюджету, намечавшемуся в сумме 80 млн. иен, приблизительно на 10 %, причем в качестве причины такого сокращения выставлялась необходимость восстановить финансовую платежеспособность страны. Министр сельского хозяйства и торговли, Муцу Мунэмицу, которому было поручено произвести соответствующую расстановку сил в парламенте, заключил «компромисс» с Итагаки и путем привлечения на свою сторону одной части из группы дзюто в палате представителей добился принятия бюджета с сокращением лишь на 6 500 тыс. иен, к великому облегчению бюрократических вельмож, находившихся у власти. Этот компромисс был самым зловещим в истории конституционного правительства в Японии, так как он положил начало коррупции и падению политических партий в последующие годы.

Следующее правительство, возглавляемое Мацуката, считая тактику предыдущего кабинета Ямагата слишком умеренной по отношению к ненавистным политическим партиям, решило проводить непримиримую политику по отношению к ним. Поэтому, когда парламент стал настаивать на сокращении бюджета на 7 900 тыс. иен, правительство распустило его. Последовавшие выборы проходили в условиях жесточайшего террора, еще невиданного во всей политической истории Японии. Министр внутренних дел Синагава Ядзиро приказал полиции принять все необходимые меры для того, чтобы враждебные кандидаты потерпели

поражение. По всей стране вспыхнули бунты, при подавлении которых 25 человек было убито и 388 человек ранено. Это вызвало негодование народа, который требовал положить конец методам запугивания, применявшимся Синагава, в результате чего он был вынужден уйти в отставку. Ито, который присоединил свой голос ко всеобщему обвинению правительства в насильственных действиях во время избирательной кампании, в 1892 г. принял предложение стать премьер-министром второй раз. Он столкнулся с той же проблемой, какая стояла перед его двумя предшественниками: а именно, с требованием парламента о снижении правительственных расходов. Для достижения своей цели он применил такой метод, который заглушил даже шопот оппозиции по такому важному вопросу, как увеличение военно-морских и военных расходов. Ито предложил императору обратиться с посланием к нижней палате парламента. Это послание не оставляло депутатам никакого выбора — они должны были отступить перед волей правительства. В своем послании император выразил недовольство партийными пререканиями, которые вызвали необходимость обратиться к трону, и призывал к гармоническому сотрудничеству между правительством и партиями в интересах страны. В послании говорилось, кроме того, о том, что император решил ежегодно в течение шести лет подряд отчислять из ассигнований на содержание императорского дома 300 тыс. иен на расширение военно-морского флота и приказывал всем государственным служащим отчислить 10 % своей заработной платы для этой же цели. «Повинуясь этому наказу, палата представителей, получив заверение правительства о том, что оно приведет в порядок свои дела и сократит текущие расходы до следующей сессии, приняла бюджет с такими ограничениями, с которыми правительство охотно согласилось»^{59}.

После этого компромисса бюрократии с оппозиционными партиями, из которых наиболее сильной была партия дзюто, было выдвинуто обвинение в коррупции против одного из наиболее стойких членов партии дзюто, занимавшего пост председателя нижней палаты, Хоси Тору; его признали виновным и исключили из партии. После этого дзюто раскололась на две части. Одна из отколовшихся групп выразила желание примкнуть к правительственному лагерю, в результате чего Итагаки^{60} в конце концов вошел в состав кабинета, заняв пост министра внутренних дел в апреле 1896 г. Всякая серьезная оппозиция правительству прекратилась к 1894 г., когда парламент единогласно одобрил государственный бюджет в сумме 150 млн. иен. Это свидетельствовало о полной победе бюрократии над оппозиционными партиями. Японо-китайская война 1894–1895 гг. сплотила все политические

партии, которые единодушно выступили в поддержку политики правительства. К 1898 г. лидеры политических партий стали настолько безопасны для правящей бюрократии, что она позволила Итагаки и Окума сформировать новое правительство, которое просуществовало несколько месяцев. Непосредственным поводом для отставки этого правительства послужила речь министра просвещения Одзаки Юкио, в которой он высказывал сожаление о том, что богатые люди оказывают большое влияние на политику страны. В лекции, прочитанной в императорской ассоциации просвещения, он сказал: «Представьте себе, что Япония уже ввела республиканскую систему правления; тогда представитель Мицуи или Мицубиси немедленно стал бы кандидатом в президенты». Его выступление было немедленно подвергнуто самой резкой критике лишь за одно предположение о том, что Япония может быть республикой. Правительство ушло в отставку.

После японо-китайской войны 1894–1895 гг. Ямагата значительно укрепил положение бюрократии и в то же время подорвал позиции политических партий, издав декреты о назначении на гражданскую государственную службу и об отставке, цель которых состояла в том, чтобы закрыть доступ в ряды государственных служащих партийным деятелям, которые не имели служебного опыта. Одновременно он укрепил положение военщины своим декретом от 1895 г., согласно которому посты военного и военно-морского министров могли занимать только генералы и адмиралы соответствующих рангов, находящиеся на действительной службе, а также посредством образования высшего военного консультативного совета в январе 1898 г. Усиление власти Ямагата и его клики встревожило Ито, который предпринял серьезные попытки восстановить свое прежнее господствующее положение в правительстве. Для этой цели он решил основать партию, которая должна была действовать в качестве противовеса влиянию Ямагата. Идя на это, Ито не переставал быть чиновником и не обнаружил ни малейшего желания провести коренные реформы. Его истинной целью, видимо, было проведение административных реформ, для того чтобы, наряду с другими целями, остановить дальнейшее усиление клики Ямагата. В поисках будущих членов своей партии он остановился на партии кэнсэйто, образованной в результате слияния элементов из дзюто и кайсинто, от которой отошел Окума, возглавивший свою собственную партию кэнсэйхонто. Из этих бесформенных элементов, непрочно группировавшихся вокруг кэнсэйто, состоявшей из отдельных групп старой дзюто, которая, несмотря на ее внутренний антагонизм, была наиболее активным поборником либерализма на заре политической жизни Японии, была создана

партия сэйюкай. Это было последнее превращение старой либеральной партии, которая стала партией крупных помещиков. Во главе ее встала программа была совершенно противоположна программе прежней дзюто. Это ясно показывает, как двойственный характер дзюто, состоявшей из помещиков и крестьян, привел к противоречию, разрешившемуся полной победой помещиков. В течение следующего десятилетия японская политическая жизнь характеризовалась закулисной борьбой ямагатовского крыла бюрократии, возглавляемого Кацура, против более умеренной группы, возглавляемой Саёндзи, который сменил Ито на посту лидера сэйюкай. Разногласия, которые разделяли эти два лагеря, были настолько незначительны, что период между русско-японской войной и мировой войной обычно называют периодом компромисса Кацура — Саёндзи, в котором Кацура олицетворял бюрократию, а партия сэйюкай представляла интересы землевладельцев и деловых кругов.

Словарь японских терминов и фраз

айкокукото — народное общество патриотов. Одна из первых политических организаций, ставивших своей целью создание представительного правительства.

айкокуся — общество патриотов. Возникло из вышеназванной организации и явилось базой для организации дзюто (либеральной партии).

бакуфу — дословно «полевая ставка». Термин, употреблявшийся для обозначения главной ставки армии в феодальный период, откуда и возникло название правительства сегуна.

босэки рэнго-кай — ассоциация владельцев прядильных предприятий (Японии), основанная в 1882 г.

букэдзи — термин для обозначения земельной собственности в Эдо, где представители воинского класса имели свои дома.

букэ-хатто — кодекс законов, регулировавших положение воинского сословия, изданный Токугава Иэясу и дополненный последующими сегунами.

буси — воинское, или самурайское, сословие.

гиин-кандзи — секретарь собрания.

гимин — народное собрание; составная часть х. ан-гиин (см.).

гимин-тё — председатель народного собрания.

гите — председатель собрания (или палаты). Этот термин вместе с вышеприведенными тремя терминами и термином «хангиин» употреблялся для обозначения органов клановой администрации в клане Тоба непосредственно перед реставрацией.

гоёкин — благотворительный или принудительный заем, обычно предоставлявшийся богатыми купцами феодальному правительству и правительству Мэйдзи в первые годы его существования.

гоёнин — см. ёнин.

гонин-гуми — группа из пяти дворов (пятидворка). Основная административная единица в деревне при феодальном режиме, по всей вероятности, первоначально заимствованная из Китая.

дадзёкан — Государственный совет, замененный в 1885 г. кабинетом (найкакү).

дайдо-данкэцу — слабо организованная, временная коалиция политических партий, созданная Гото Сёдзиро в октябре 1888 г.

дайдо-сёи — «единство по важным вопросам, расхождение по мелким». Лозунг Гото для его «дайдо-данкэцу».

даймё — феодальный князь, управлявший уделом или кланом (ханом).

дайтай — батальон.

дайтё — регистры, находившиеся в ку-сайбансё (окружной суд), в которых регистрировалось право собственности на землю, дзайбацу — финансовая олигархия, состоящая из наиболее крупных домов, таких, как Мицуи, Мицубиси, Сумитомо, Ясуда.

дзиюто — первая либеральная партия в Японии, основанная в 1881 г. Итагаки и другими. дзокуронто — консервативная фракция в клане Тёсю, побежденная партией каймэйто.

дзосэки — плиточные дрожжи, употребляемые для производства сакэ,

дзуйхицу — жанр письма, дословно: следовать за кистью; этим термином обозначаются случайные записки, очерки, комментарии.

ёнин — управляющий двором, или советник, обычно по финансовым делам, находившийся на службе у даймё или хатамото.

ерики — слуги, состоявшие при важных персонах бакуфу.

кабу накама — федерация ремесленных гильдий (период Токугава).

кавасэ кайся — «Обменная компания». Эти компании играли важную роль в обменных и кредитных операциях в течение первых лет эры Мэйдзи.

кадзоку — сословие аристократов, состоявшее, главным образом, из бывших даймё и кугэ, установленное, согласно иерархической системе, в 1884 г.

кати — название, которое в период Токугава давалось лицам, возглавлявшим процессию в качестве телохранителей.

каймэйто — радикальная партия, существовавшая в клане Тёсю в годы, предшествовавшие реставрации, которая нанесла поражение консервативной партии дзокуронто.

кайсинто (или риккэн кайсинто) — прогрессивная партия, соперница более радикальной партии дзиюто, основанная Окума в 1882 г.

какэя — финансовые агенты даймё, главным образом в Осака.

кама домэ — термин, употреблявшийся наравне с термином ториката но кинси (см.).

каммэ (или кваммэ) — см. кан.

кан — мера веса, равная 3,75 кг.

кандзё-бугё — чиновник, который управлял финансами феодального правительства.

каро — главный слуга; министр при даймё.

катори (катаку-ори) — плотно сотканная ткань.

кип — мера веса, равная 600 г.

кинкоку-суйтосё — ведомство государственных доходов раннего правительства Мэйдзи.

кинно — «почтение к императору». Термин, применявшийся лоялистами или сторонниками реставрации.

кирисутэ-гомэн — «разрешение зарубить и бросить». Право представителей воинского сословия, носивших меч в токугавской Японии, безнаказанно убивать мечом простолюдина.

кихэйтай — «ударные войска» — наименование военной организации в клане Тёсю, находившейся под руководством Такасуги Синсаку.

кован — золотая монета, существовавшая в период Токугава, равнявшаяся приблизительно одному рё (см.).

кобу-гаттай — союз императорского двора и воинов. Один из первых политических блоков, созданный представителями даймё и кугэ с целью борьбы за реставрацию.

кобусё — министерство промышленности, упраздненное в 1885 г. коку — мера емкости, которая менялась в зависимости от периода и местности, но затем была закреплена в размере 1,8 гектолитра.

кокугакуся — термин, применявшийся к националистическим ученым эпохи Токугава.

косаку кабу но ториагэ — право помещика прекращать аренду по собственному усмотрению.

коте — единый термин, применявшийся после муниципальной и префектуральной реформ 1872 г. для обозначения должности сельского старосты или главы сельского магистрата (впоследствии называвшихся тё-тё).

кугэ — придворная знать (в противоположность феодальной знати — даймё), которая до реставрации находилась при императорском дворе в Кёто.

кунайсё — министерство императорского двора.

курамото — торговые агенты даймё, главным образом в Осака, находившиеся при кураясики (см.)

кураякунин — непосредственные представители даймё (обычно самураи), ведавшие складами.

кураясики — склад (главным образом в Осака), где хранился рис или другие источники дохода даймё или его вассалов впредь до превращения их в деньги при посредстве кураякунин.

кусайбансё — окружной суд.

кэн — префектура.

кэнсэйто — конституционная партия, образованная из фракций, отколовшихся от дзюто и кайсинто и в 1900 г. превращенная в партию сэйюкай, которую возглавлял Ито.

кэнсэйхонто — истинно конституционная партия. Одна из многих групп, отколовшихся от старой партии кайсинто, возглавляемая Окума.

«мабики» — дословно «прореживание»; разговорное выражение, означающее детоубийство.

мёгакин — налог или плата, не имевшая официально установленного размера, налагавшаяся феодальными властями на купечество за предоставление ему торговых привилегий (ср. с гоёкин и ундзё).

минкэн-рон — агитация за народные права.

минкэн-ундо — движение за народные права. Общий термин для демократического движения в начале периода Мэйдзи.

мисо — кушанье (род массы из бобов).

моммэ — мера веса, которая в настоящее время равняется 3,7565 г. До периода Мэйдзи применялась в качестве денежной меры — 60 серебряных моммэ составляли один золотой рё.

Мэйдзи дзидай — эра Мэйдзи, продолжавшаяся с 1868 по 1912 г.

Мэйдзи исин — реставрация Мэйдзи, 1867–1868 гг. Формально эта реставрация ознаменовалась признанием со стороны последнего сегуна Токугава Кэйки того положения, что император является де-факто, так же как и де-юре, правителем страны.

мэцукэ — цензоры, чиновники правительства Токугава, ведавшие шпионажем и наблюдением за нравами.

найкаку — кабинет министров, созданный в 1885 г. вместо дадзёкан (см.).

найкаку сори дайджин — министр, председатель кабинета министров.

нануси — один из многих терминов, существовавших до реставрации Мэйдзи для обозначения сельских старост, применявшийся в восточной Японии (Канто), тогда как в западной Японии (Кансай) сельский староста назывался сёя.

окурасё — казначейство или министерство финансов в правительстве Мэйдзи.

«онкэн тякудзицу» — приблизительно: «осторожно, но прочно, медленно, но верно» — девиз партии кайсинто.

отокай — политическое общество, находившееся под руководством Оно Адзуса, Токада Санаэ и др., которое наряду с другими вошло в кайсинто.

расоцу — «патрули». Наименование полиции в Токио после ее реорганизации в 1871 г.

рё — денежная единица, существовавшая до революции Мэйдзи в Японии. В 1871 г. была приравнена к одной иене.

рёгаэя — биржевые маклеры; мелкие менялы денег и ростовщики в городах и селах дореволюционной Японии.

риккэн тэйсэйто (или просто тэйсэйто) — конституционно-императорская партия, основанная в 1882 г. как правительственная партия.

риссия — общество свободомыслящих. Первая либеральная организация, состоявшая главным образом из людей клана Тоса и вошедшая затем в либеральную партию (дзююто).

родзю — член правительства бакуфу.

ронин — странствующий или бродячий воин, самурай, который по экономическим, политическим или личным мотивам прекращал свою вассальную верность феодалу.

рэнтай — полк.

сакая кайги — совет производителей сакэ, созданный в 1800 г. по инициативе Кадзима Минору и принимавший активное участие в партии дзююто.

сакэ — рисовая водка. самбу цу-кайсё — наименование кланового органа, ведавшего монополией в области производства главных предметов торговли.

самурай — феодальный воин или рыцарь, находившийся в вассальной зависимости от даймё и получавший от своего господина рисовую стипендию.

санкин-котай — «поочередное присутствие» даймё при дворце сегуна. Согласно этой системе, даймё вынужден был проводить несколько месяцев в году в Эдо, причем возвращаясь в свое имение, оставлял в Эдо свою жену и семью в качестве заложников.

сегун — главнокомандующий, или командующий. Этот титул, являющийся сокращением названия «сэй-и-тай-сёгун», принадлежал военному диктатору феодальной Японии.

сётай — взвод, эскадрон, батарея.

сёхоси — первое название коммерческого бюро, созданного в 1868 г., и замененного затем названием «цусёси».

сея — одно из дореволюционных названий сельского старосты.

сею — соевый соус.

си-гакко — военные, или самурайские, школы. Название, применявшееся к учебным пунктам для самураев клана Сацума, организованным Сайго Такамори.

сидзоку — воинское сословие или дворянство. Общий термин, применявшийся к семьям бывших самураев после реставрации.

сики — дословно «услуги». Термин, которым обозначались феодальные доходы и права, связанные с феодальными привилегиями.

си-ко року-мин — дословно «четыре части господину, шесть народу». Эта фраза употреблялась для выражения существовавшего тогда распределения риса между крестьянами и феодальным правителем. В поздний феодальный период доля, поступавшая господину, была значительно выше.

симпурэн — «отряд священного ветра». Наименование тайного общества недовольных самураев, которое организовало восста-

ние в Кумамото в 1876 г.

симпэйтай — императорская лейб-гвардия. Этот термин применялся в начале эры Мэйдзи, до введения всеобщей воинской повинности, и обозначал регулярную армию правительства.

синдзинуси — новые помещики. Термин, применявшийся в отношении класса купцов или ростовщиков, которые стали землевладельцами в последний период правления Токугава.

ситидзи-косаку — арендованная земля, находящаяся в закладе у ростовщика.

ситю торисимари — городская полиция. Первоначальное название городской полиции 1868 г.), замененное в 1869 г. термином «фухэй».

сонно-дзеи — «Возвышайте императора, изгоняйте варваров!» Боевой клич антифеодалных сил в годы, предшествовавшие реставрации.

соцу — рядовой. Название самураев низших рангов вскоре после реставрации.

сукэго — одна из наиболее обременительных форм барщины; по этой системе крестьяне поставляли лошадей и людей для курьерской и почтовой службы в период Токугава.

сэ — единица измерения земли, равная 0,01 те (см.).

сэйдо торисирабэ кёку — бюро по изучению конституционных систем, занимавшееся разработкой японской конституции под руководством князя Ито Хиробуми.

сэй-и-тай-сёгун — «покоряющий варваров главнокомандующий». Полный титул сегуна.

сэйкан рон — агитация за поход в Корею.

сэйюкай — Общество политических друзей. Партия консервативного направления, образованная в 1900 г. Ито Хиробуми из групп, отколовшихся от прежних политических партий, и впоследствии возглавляемая маркизом (позже князем), Саёндзи.

сяккинто — партия должников. Местная политическая организация, созданная в начале эры Мэйдзи для защиты интересов мелких арендаторов и крестьян.

тай — отряд войск.

тан — единица измерения земли, равная 0,1 те (см.).

тати гэкари — то же, что и термин тори ката-но кинси (см.).

те — единица измерения земельной площади, равная 0,99 га.

тёбу — то же, что и те.

тёдзи — светские земли; земельная собственность в Эдо, где строили свои дома представители тёнин.

тёнин — простой народ, в отличие от воинского сословия — буси.

Этот термин обычно применялся к купеческому сословию в период Токугава.

тикэн — удостоверения о землевладении, которые выдавались землевладельцам правительством в переходный период, связанный с проведением реформы земельного налога.

тодзама — дословно «сторонний феодал»; даймё, находившийся в номинальной, а не в наследственной (фудай) вассальной зависимости от дома Токугава. Именно эти сильные, полуавтономные феодалы объединили свои силы для свержения правления Токугава.

тоё гисэйкай — название политического общества, находившегося под руководством Я но Фумио, Инукаи Цуёси и других, которое образовало партию кайсинто.

тоё дзюто — восточная либеральная партия. Название радикальной группы, отколовшейся от партии дзюто; находилась под руководством Ои Кэнтаро.

тоё сякайто — восточная социальная партия. Одна из первых партий левого крыла, созданная в 1882 г. по инициативе Таруи Токити и Акамацу Тайсукэ.

Токугава — феодальный род, который господствовал в Японии сначала XVII в. до реставрации 1868 г. Глава этого рода в качестве сегуна управлял из Эдо.

токуми донья (или донья) — десять объединенных тонъя, или крупные монопольные гильдии оптовой торговли, существовавшие в Эдо в период Токугава,

тондэн-хэй — милиция, или, точнее, военные поселенцы в пограничных районах или незаселенных районах.

тонъя (или тон-я) — база оптовой торговли.

тори ката но кинси — фраза, означающая право помещика запрещать арендатору, не выполняющему своих обязательств, убирать свой урожай.

тосиёри — старший, отсюда советник; а также одно из многих дореволюционных названий сельского старосты,

тэдзукури дзинуси — обрабатывающие землю помещики, то есть помещики, которые постоянно проживали в деревне.

тацудо кайги — железнодорожный совет, учрежденный правительством Мэйдзи для руководства железнодорожным строительством.

тютай — пехотная рота, кавалерийский эскадрон, артиллерийская батарея.

удзи — родовая единица в древней Японии, которую не следует смешивать с термином «хан» — удел или клан, означающим, территориальную единицу.

укиё-соси — общедоступный вид романа периода Токугава, описывающий простой народ, а чаще всего жизнь полусвета.

укиё-э — жанр живописи, существовавший в период Токугава, изображавший современную повседневную жизнь.

ундзё — один из многочисленных видов «благодарственных денег», выплачиваемых по определенной ставке купцами феодальным властям в период Токугава как своего рода предпринимательский налог.

ути-коваси — «разгром домов», городские восстания во время феодализма, направленные обычно против высокой цены на рис и против торговых монополий в кланах.

ути харай рай — декрет бакуфу, принятый в 1825 г., повелевавший атаковать и преследовать иностранные суда, приближающиеся к берегам Японии.

фу — городская префектура, которых было три в Японии: Токио, Осака и Кёто.

фудайдаймё — феодальный князь, находящийся в наследственной вассальной зависимости от дома Токугава, в противоположность полуавтономным тодзама.

фудасаси — рисовые маклеры Эдо, находившиеся на службе у хатамото и напоминавшие осакских какэя.

фу коку кёхэй — «Богатая страна и сильная оборона». Лозунг, существовавший в начале периода Мэйдзи.

фуку-котё — помощник сельского старосты; см. коте.

фу-кэн кай — префектуральное собрание. фухэй — «городская охрана». Термин, применявшийся для токийской префектуральной полиции, которая была создана в 1869 г. и затем переименована в «расоцу».

хадзэ — японское восковое дерево, *rhus succedanea* (лат.).

хайхан-тикэн — упразднение феодальных владений и образование префектур 1871 г.).

хан — феодальное владение или клан, территориальная единица, управляемая даймё или феодальным князем

хан-гиин — собрание феодального клана (клана Тоба).

хансэки-хокан — возвращение феодальных прав даймё императору в 1869 г.

хатамото — «образцовые воины», непосредственные военные вассалы Токугава.

хоандзёрэй — закон или акт об охране безопасности. Один из наиболее жестких законов подобного рода был принят в 1887 г.

хонкэ — главная или основная ветвь рода в противоположность боковой или младшей ветви.

хэймин — в начале эры Мэйдзи — простой народ, плебеи; более точно, население, не принадлежавшее к прежнему воинскому

или аристократическому сословию.

цусё кайся — коммерческие компании, созданные в первые годы эры Мэйдзи по инициативе правительства для поощрения внешней торговли.

иусёси — коммерческое бюро, созданное в 1869 г. вместо существовавшего до него сёхоси.

Эдо (или Иэдо) — современный Токио. Этот город был столицей в токугавской Японии.

Эдзо (или Иэдзо) — прежнее название острова Хоккайдо.

эй-косаку — вечная аренда. Одна из форм крестьянской аренды земли,

эта — широко распространенный термин для обозначения японской касты «отверженных».

ГЕРБЕРТ НОРМАН

СТАНОВЛЕНИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ЯПОНИИ

Экономические и политические проблемы периода Мэйдзи

Сокращенный перевод с английского

П. П. ТОПЕХА

Редакция и предисловие чл — корр. АН СССР Е. М. ЖУКОВА и *

л

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва — 1952

E. HERBERT NORMAN

JAPAN'S EMERGENCE AS A MODERN STATE

NEW YORK 1940

Редактор Я. Я. НАЙДЕНОВА

Переплет художника А. Я. Завьяловой

Технический редактор В. Я. Шаповалов

Корректор Н. Я. Мильчина

Сдано в производство 29/VII 1952 г.

Подписано к печати 13/X 1952 г.

A 06977, Бумага 84XЮ81/32=3,6 бум. л.

11,8 печ. л. Уч. — издат. л. 13,9.

Изд. М 6/1606.

Цена 9 р. 85 к. (по прейск. 1952 г.)

Зак. 451.

16-я типография Главполиграфиздата при Совете Министров СССР.

Москва, Трехпрудный пер., 9.

Комментарии

1

«За прочный мир, за народную демократию!», № 47 159) от 23 ноября 1951 г.

2

«За прочный мир, за народную демократию!», № 47 159) от 23 ноября 1951 г.

3

Ряд конкретных замечаний к отдельным местам работы Нормана сделан в редакционных примечаниях. Эти примечания к русскому изданию, составленные Д. В. Петровым, даются сносками к тексту в отличие от примечаний автора, которые даны в конце каждой главы.

4

К. М а р к с, Капитал, т. I, стр. 722, сноска 192. Госполитиздат, 1949 г.

5

В. И. Л е н и н, Соч., т. 20, стр. 371, изд. 4-ое.

6

Г. Маленков, Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б), Госполитиздат, 1952, стр. 31.

7

Здесь и ниже на протяжении всей книги автор употребляет для определения революционных событий, имевших место в Японии

в 1867–1872 гг., термин «реставрация Мэйдзи», принятый в буржуазной историографии. Пытаясь свести события 1867–1868 гг. к акту якобы «добровольной передачи» власти сёгуном-узурпатором «законному правителю» — императору, буржуазные историки выхолащивают революционное содержание этих событий. В действительности же свержение власти феодальной династии Токугава в 1867–1868 гг. и последовавшие затем преобразования являлись не чем иным, как незавершенной буржуазной революцией, главной движущей силой которой было революционное крестьянство. (См. предисловие.)

Мэйдзи — официальное наименование годов правления 1868–1912) японского императора Муцухито.

8

См. словарь японских терминов в конце книги.

9

Процесс отделения самураев («служилых людей» — от глагола «самурау», служить) от земледельцев завершился в XVI в., но уже значительно раньше часть крестьян, порывая с сельским хозяйством, становилась постоянными дружинниками феодалов, получая за свою службу определенное жалованье.

10

В феодальном обществе существует два основных антагонистических класса — феодалов-эксплуататоров и крестьян-эксплуатируемых. В Японии и даймё, и самураи, и придворная аристократия — кутэ представляли определенные группы внутри одного и того же класса феодалов. Что касается сословий, то они являются одной из форм классовых различий, характерных и для рабовладельческого и для феодального общества. В период, о котором говорит автор в данном случае, в Японии существовало 4 законодательно оформленных сословия: самураев (си или букэ — военные дома), крестьян (но), ремесленников (ко) и торговцев (сё). Сословие самураев подразделялось на даймё — владетельных князей и собственно самураев — их вассалов, составлявших военное служилое дворянство. Самураи в свою очередь также делились на ряд групп. Ремесленники и торговцы вместе именуется

иногда также тёнин— горожане. Под «тёнин» автор понимает, главным образом, купечество.

11

Крестьяне не были собственниками земли. Она принадлежала феодалу и крестьяне пользовались ею на правах «вечной аренды» — то есть имели право на наследственную аренду, но не могли продавать или закладывать землю. Однако по мере расслоения деревни и разорения основной массы крестьянства арендованные участки переходили в распоряжение местной деревенской верхушки, купцов и ростовщиков.

12

Барщина (отработочная рента) не получила в Японии широкого распространения в связи со специфической формой землепользования — повсеместным преобладанием аренды. Она не являлась формой непосредственного производства сельскохозяйственной продукции, а играла подчиненную роль, выражаясь в основном в принудительном привлечении крестьян к работам по ремонту жилых помещений и служб феодала, оград и мелиоративных сооружений, заготовке топлива и т. п. или к выполнению ряда работ, порученных правительством сёгуна данному феодалу (строительство и ремонт дорог, мостов и водоемов, гужевая повинность и т. д.). Барщина усугубляла и без того невыносимое положение японского крестьянства, для которого выполнение этих повинностей оказывалось часто совершенно непосильным.

13

Автор неверно характеризует «кобу-гаттай» как «сознательное политическое движение против сёгуната». Под названием «кобу-гаттай» известна политика временного соглашения между сёгуном и антисёгунской оппозицией, проводившаяся в 1861–1863 гг. Провозглашение этой политики было обусловлено двумя основными причинами. Первая из них заключалась в относительной слабости обеих враждующих группировок. С одной стороны, экономическая разруха, развал финансовой системы, разложение государственного аппарата в условиях угрозы иностранной интервенции — все это говорило о том, что бакуфу уже не могло

управлять по-старому и силой подавлять оппозицию. С другой стороны, императорский двор и стоявшие за его спиной юго-западные и южные княжества, выражавшие интересы буржуазии и связанных с нею групп внутри феодального класса, еще не были настолько сильны, чтобы поставить вопрос о немедленном захвате власти и свержении сёгуната.

Вторая причина провозглашения лозунга «кобу-гаттай» заключалась в том, что борьба за власть между обеими группировками отступала временно на задний план перед лицом развернувшегося в эти годы широкого крестьянского движения, одинаково опасного как для феодалов, так и для буржуазии.

Однако внутренние противоречия были столь сильны, что уже с конца 1863 г. обе стороны отказались от политики «кобу-гаттай».

14

Основной причиной крестьянских восстаний, количество и размах которых непрерывно росли в течение первой половины XIX в., была исключительно высокая степень эксплуатации японского крестьянства феодалами, которая вела к разорению основной массы земледельцев. Стихийные бедствия еще больше ухудшали и без того тяжелое положение японского крестьянства.

15

Джемс Биддль — командующий американской Ост-Индской эскадрой, предпринявший в 1846 г. попытку заключить торговый договор с Японией. Выполняя инструкции правительства США, Биддль 20 июля 1846 г. вошел с двумя военными кораблями в залив Эдо (ныне — Токийский залив) и попытался установить связь с японскими властями. Однако все предложения Биддля были отклонены, и ему пришлось ни с чем покинуть японские воды.

Коммодор Пэрри — командующий американской военно-морской эскадрой. В 1854 г., угрожая оружием, заставил Японию подписать первый неравноправный договор.

16

По римским легендам, островная земля на крайнем севере Европы; здесь же имеется в виду островная территория, расположенная к востоку от азиатского материка.

17

В письме к военно-морскому министру Пэрри писал, что Соединенные Штаты должны во что бы то ни стало захватить острова Рюкю, занимающие исключительно важное военно-стратегическое положение. В качестве практических шагов по осуществлению этого предложения Пэрри предпринял детальное исследование ряда островов из этой группы и приступил к предварительным переговорам с местным правителем. Коммодор Пэрри попытался также присоединить к США Бонинские о-ва, подняв флаг на важнейшем из них — о-ве Пиль. Возвратившись в США, Пэрри составил подробный план колонизации этих о-вов. Кроме того, Пэрри настойчиво предлагал своему правительству захватить о-в Тайвань (Формозу) и «распространить национальную дружбу и покровительство Соединенных Штатов» на Сиам, Кохинхину, Камбоджу, часть Борнео и Суматру. Столь же агрессивные замыслы вынашивали и другие американские представители на Дальнем Востоке. Американский комиссар в Китае Паркер, например, разработал даже подробный план установления американского протектората над о-вом Тайвань. Следует отметить также, что в 1857 г. на Тайвань была направлена американская военная эскадра под командованием Армстронга, которая водрузила на острове американский флаг. Соединенные Штаты стали усиленно готовиться к провозглашению здесь «независимого государства». Осуществлению этих агрессивных планов американского правительства помешало противодействие как других капиталистических государств, так и начавшаяся в США гражданская война, временно прервавшая американскую агрессию на Дальнем Востоке.

18

В 50-х годах XIX в. Соединенные Штаты развернули широкую экспансию на Тихом океане. В качестве одного из этапов этой экспансии американский капитал планировал захват ключевых политических и экономических позиций в Японии. В 1854 г. японские представители под жерлами орудий 9 американских кораблей были вынуждены подписать в Канагава японо-американский договор, положивший конец изоляции страны. Это со-

бытие и имеет в виду автор, когда в данном случае говорит об «открытии» Японии.

19

Четыре года спустя после «открытия» Японии, в 1858 г., американский генеральный консул в Японии Таунсенд Гаррис путем угроз, шантажа и военных демонстраций заставил японское правительство пойти на подписание нового торгового договора. Значение этого соглашения не столько в том, что вслед за его подписанием «должно было последовать установление постоянных дипломатических отношений с внешним миром», как пишет автор, сколько в том, что он содержал ряд статей экономического и политического характера, которые широко открывали двери Японии для иностранного капитала и ставили Японию в правовом отношении в положение полукolonии. Этот договор оставался в силе до 1899 г. и вместе с аналогичными договорами между Японией и европейскими капиталистическими странами тормозил развитие японской экономики.

20

Ии Наосукэ (1815–1860) — видный политический деятель феодальной Японии. С 1858 по 1860 г. занимал пост главы правительства сёгуна. Под давлением иностранных государств, угрожавших вооруженной интервенцией, Ии Наосукэ подписал в 1858–1860 гг. с США, а затем и с другими капиталистическими государствами ряд неравноправных торговых договоров. В 1860 г. Ии Наосукэ был убит фанатически настроенными самураями, обвинявшими его в «открытии» страны для «варваров» и считавшими его главным виновником своего тяжелого экономического положения.

21

Убийство английского купца Ричардсона в районе деревни Намамуги, о котором пишет автор, было в известной степени спровоцировано самими англичанами. Виновность англичан, третировавших японцев, как «азиатов» и «варваров», был вынужден признать даже американский посланник в Японии Прайн, который писал в депеше государственному секретарю США Стюарду: «Известно, что незадолго до нападения г. Маршалл воскликнул:

«Ради бога, Ричардсон, не впутывайте нас в беду!» На что г. Ричардсон ответил: «Оставьте меня, я прожил в Китае 14 лет и знаю, как обращаться с этим народом». Ответственность за убийство Ричардсона была безоговорочно возложена Англией на японскую сторону. Этот инцидент англичане использовали в качестве предлога для проведения карательной экспедиции, главной целью которой было запугать японцев и вырвать у них согласие на предоставление англичанам новых привилегий. Несмотря на то, что японское правительство полностью выплатило требуемую сумму компенсации в 100000 ф. ст., английское правительство дало указание подвергнуть обстрелу столицу княжества Сацума г. Кагосима. В августе 1863 г. большая английская эскадра из 7 военных кораблей вошла в залив Кагосима, предъявив местным властям требование о немедленном розыске и наказании виновных. Японцы выразили готовность вести переговоры, но командующий эскадрой вице-адмирал Купер отклонил все их предложения и подверг г. Кагосима зверской бомбардировке. Сообщая английскому послу в Японии Нилу об обстреле дворца князя Сацума и незащищенного города, Купер с исключительным цинизмом писал: «Наши операции сопровождалась полнейшим успехом: есть все основания предполагать, что дворец был разрушен, так как были видны разрывы в нем крупных снарядов: огонь, который все еще бушует, дает веские основания быть уверенным в том, что весь город Кагосима представляет сейчас груды развалин». Сами англичане признавали, что в результате бомбардировки города было убито, ранено или пострадало от ожогов 1500 человек.

Таковы были методы, которыми капиталистические хищники прокладывали путь к закабалению Японии.

22

Автор допускает здесь ошибку. Обстрел Симоносеки был проведен не в 1863 г., а в сентябре 1864 г. В этой карательной экспедиции, в качестве предлога для которой был использован обстрел иностранных военных судов японскими батареями, участвовали 17 кораблей Англии, Франции, США и Голландии. После трехдневной бомбардировки и высадки сводного отряда иностранных моряков на берег японские власти были вынуждены капитулировать. Правительству сёгуна пришлось согласиться на выплату 3 млн. долл. контрибуции и пойти на удовлетворение ряда других требований капиталистических государств.

23

В данном случае автор называет «лидерами Мэйдзи» руководителей антисёгунского феодально-буржуазного блока, захватившего власть в стране в результате незавершенной буржуазной революции 1867–1868 гг.

24

Автор слишком переоценивает, во-первых, роль «лидеров Мэйдзи» и, во-вторых, преувеличивает способность Японии к обороне. В течение первого десятилетия после революции 1867–1868 гг. Япония была еще слишком слаба, чтобы отразить интервенцию капиталистических держав, если бы она началась. Крупные капиталистические государства не пошли на это главным образом потому, что они были заняты грабежом значительно более богатого Китая. С другой стороны, захвату господствующих позиций в Японии той или иной державе мешали все более и более обостряющиеся противоречия между основными империалистическими хищниками.

25

Автор выступает здесь, как и в ряде других мест ниже, с идеалистических позиций, делая выводы, противоречащие приводимым им же самим фактам. Развитие товарно-денежных отношений в Японии и постепенный переход феодалов к торговому предпринимательству, а также развитие кустарного и затем мануфактурного производства было закономерным историческим процессом, развивавшимся стихийно, вне зависимости от воли феодалов. Одна из особенностей производства заключается в том, — учит товарищ Сталин, — что «возникновение новых производительных сил и соответствующих им производственных отношений происходит... не в результате преднамеренной, сознательной деятельности людей, а стихийно, бессознательно, независимо от воли людей». (И. В. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11, Госполитиздат, 1947, стр. 559).

26

Речь идет, конечно, о мануфактурах, а не о капиталистическом машинном производстве, зачатки которого возникли в Японии лишь в 60-х годах XIX в.

27

Ошибочный термин «торговый капитализм» применяется здесь автором для обозначения системы поощрительных мер, установленных рядом феодалов в своих владениях для представителей купечества с целью накопления денег в данном княжестве.

28

Автор дает неправильное объяснение причин изменения политического курса правящей группировки клана Тёсю. Быстрое изменение позиций в отношении иностранцев объясняется прежде всего тем, что лозунг изгнания «варваров» лидеры антисёгунского блока использовали в демагогических целях. Это был лишь тактический прием, который на данном этапе уже не отвечал задачам борьбы против сёгуната и поэтому должен был быть заменен другим. Вторая причина изменения тактики антисёгунского блока была связана с трезвой оценкой сил иностранных капиталистических государств и стремлением лидеров княжества Тёсю (а также и Сацума) использовать их поддержку в борьбе против Токугава. С 1864 г. представители этих княжеств установили тесный контакт с английским посольством, которое оказало им материальную поддержку, рассчитывая на установление преобладающего влияния Англии в Японии после свержения власти дома Токугава.

29

Частично.

30

В Японии в этот период правящим классом был класс феодалов. В него входили как даймё, так и самураи. Следовательно, самураи,

защищая даймё от восставших крестьян, защищали в то же время и самих себя, свое привилегированное положение, от которого они ни в коем случае не собирались отказываться.

Следует, однако, отметить, что в ряде крестьянских восстаний участвовали деклассированные, разорившиеся самураи, ронины и даже отдельные представители состоявших еще на службе самураев. Это не противоречит сказанному выше и представляет собой исторически закономерное явление. «... В те периоды, когда классовая борьба приближается к развязке, — указывали Маркс и Энгельс, — процесс разложения внутри господствующего класса, внутри всего старого общества принимает такой бурный, такой резкий характер, что небольшая часть господствующего класса отрывается от него и примыкает к революционному классу, к тому классу, которому принадлежит будущее». (К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест коммунистической партии. «Избранные произведения», М., 1948, том I, стр. 18.)

31

Японская буржуазия с самого начала приспособлялась к абсолютной монархии и ее идеологии. Это было обусловлено специфическим характером японской буржуазии, слабой, нерешительной, тесно связанной с феодальными элементами.

32

В тексте ошибка. Получается несколько более 1 %.

33

Проведения экспансионистской политики требовали реакционные самурайские круги, готовые ввязаться в любую авантюру, чтобы укрепить свое положение и обеспечить за феодально-реакционными силами перевес в правительстве, созданном после революции 1867–1868 гг. Самурайство надеялось, что в условиях войны его роль значительно возрастет и буржуазные элементы будут вынуждены считаться с его требованиями.

Появление агрессивных тенденций в японской внешней политике непосредственно после революции вытекало из самого характера незавершенной буржуазной революции, из чрезвычайного обострения классовых противоречий в стране и стремления

японских правящих кругов найти выход из создавшегося положения на путях войны. Колониальный грабеж господствующие классы рассматривали как средство ускорения процесса капиталистического накопления. В самой природе капиталистического развития Японии были заложены основы ее усиленного стремления к внешним захватам.

Однако в тот период, о котором говорит здесь автор, среди правящей верхушки Японии не существовало единства по вопросу о сроках выхода на путь агрессии. Наиболее авантюристически настроенные лидеры самурайства требовали немедленного похода на Корею, а затем — и на Китай, а более осторожные представители буржуазии считали, что Япония пока слишком слаба для этого и что необходимо прежде всего создать материально-техническую базу для ведения войны. Тем не менее они готовы были санкционировать агрессию в тех случаях, когда она казалась сравнительно легко осуществимой. Так состоялось присоединение к Японии островов Рюкю в 1872 г., была сделана попытка захватить остров Тайвань в 1874 г. и началось проникновение Японии в Корею. Автор неправильно утверждает, что все эти агрессивные действия Японии были совершены самурайскими элементами на свой страх и риск вопреки воле Окубо, Кидо, Ивакура и других влиятельнейших людей в правительстве.

34

Уже в первые годы после революции 1867–1868 гг. реакционные самурайские элементы стали требовать похода на Корею, завоевание которой они рассматривали как этап для дальнейших авантур в Азии и в частности для наступления на Китай. Правительство буржуазно-феодалного блока фактически поддерживало их притязания.

В качестве повода для выступления Япония использовала «неуважение к японскому флагу», которое было якобы проявлено корейской пограничной охраной, обстрелявшей японскую канонерку, появившуюся у берегов Кореи в 1871 г. с разведывательными целями. Военный министр Сайго Такамори, выражавший интересы самурайства, потребовал в связи с этим объявления войны Корею, грозя в противном случае уйти в отставку. Однако представители буржуазно-помещичьих элементов в правительстве считали, что Япония не готова еще к этой войне, но тем не менее и они были непротив сделать попытку захватить господствующие позиции в Корею. В 1875 г. правительство направило в Корею военно-морскую экспедицию под предлогом передачи спа-

сенных корейских моряков, потерпевших кораблекрушение. Одновременно было сделано представление Китаю с требованием предложить корейскому правительству заключить требуемое соглашение с Японией (Корея формально считалась вассалом Китая).

В начале 1876 г. на корейском острове Канхоа, близ Сеула, высадились японская миссия, прибывшая на двух военных судах в сопровождении трех транспортов с войсками. Под давлением военной угрозы корейское правительство было вынуждено подписать в 1876 г. первый неравноправный договор с иностранной державой.

Согласно этому договору, устанавливалась система экстерриториальности для японских подданных, Корея обязывалась открыть 3 порта для торговли с Японией и т. п. Так Япония, еще опутанная сама неравноправными договорами, навязала Корее неравноправный договор при помощи таких же агрессивных методов, какими действовали американцы двадцатью годами раньше, когда они заставили Японию подписать договор 1854 г.

35

Речь идет о чрезвычайном посольстве, возглавлявшемся Ивакура Томоми, которое было направлено в США и Европу в конце 1871 г. с целью добиться пересмотра неравноправных договоров, навязанных Японии иностранными государствами в 1854–1862 гг.

Предложения Ивакура о пересмотре договоров встретили, однако, решительный отказ со стороны правительств крупных капиталистических держав, и ему пришлось ни с чем вернуться в Японию. Возвратившись на родину, Ивакура выступил против плана похода в Корею, трезво оценивая силы Японии и считая, что это может вызвать ряд весьма нежелательных для нее международных осложнений. 14 января 1874 г. Ивакура был ранен в результате покушения, совершенного самураями, которые были недовольны занятой им позицией.

36

Речь идет о попытке захватить китайский остров Тайвань (Формозу), которая была предпринята в 1874 г. Японией, опиравшейся на прямую поддержку США.

В течение 50–70 гг. XIX в. Соединенные Штаты неоднократно предпринимали попытки закрепить на этом богатом острове,

занимающем важное стратегическое положение у берегов Китая. Подробные планы аннексии Тайваня разрабатывали американские представители на Дальнем Востоке — Перри и др. В 1870–1873 гг. американский консул в Амое, генерал Лежандр, сделал попытку силой захватить ряд портов на острове при помощи наемных отрядов. Однако эти попытки не увенчались успехом. В 1874 г. Лежандр прибыл в Японию, где был назначен советником японского правительства по военно-морским делам. Он принял активное участие в организации японской экспедиции на Тайвань, стремясь добиться с помощью чужих рук укрепления и расширения американских позиций на этом острове. Лежандр обеспечил закупку Японией американского вооружения и зафрахтовал для перевозки японских солдат судно «Нью-Йорк». В руководстве операциями по высадке экспедиции на остров Тайвань приняли участие американские офицеры.

В качестве предлога для экспедиции на Тайвань Япония использовала убийство племенем фань группы рыбаков с островов Рюкю, которое произошло за три года до этого — в 1871 г.

Несмотря на поддержку американцев, японские войска, высадившиеся на Тайвань, не смогли овладеть островом. Они понесли ряд поражений от китайской армии и вскоре были вынуждены эвакуироваться. В результате японо-китайских переговоров, в которых от японской стороны принимал участие генерал Лежандр, было заключено соглашение, по которому Япония признала права Китая на остров Тайвань. Однако цинское правительство было вынуждено дать согласие на открытие Тайваня для иностранной торговли и уплатить Японии контрибуцию в размере 500 тыс. таэлей.

37

Автор имеет в виду нарождавшуюся японскую буржуазию.

38

Автор неправильно утверждает, что клятва императора выражала якобы «чаяния народных масс Японии». В действительности она явилась плодом компромисса между самурайскими низами и буржуазией, с одной стороны, и консервативной оппозицией феодалов — с другой. Эту клятву следует рассматривать как попытку отвлечь внимание народных масс Японии от борьбы против помещичье-буржуазного блока, захватившего всю власть

в стране после незавершенной буржуазной революции 1867–1868 гг.

39

Решающим ударом (франц.).

40

Здесь и ниже автор постоянно смешивает домашнюю промышленность с капиталистической работой на дому. «Домашней промышленностью мы называем, — указывал В. И. Ленин, — переработку сырых материалов в том самом хозяйстве (крестьянской семье), которое их добывает». (В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 285.) Домашние промыслы являются необходимой принадлежностью натурального хозяйства. Что касается капиталистической работы на дому, то она появляется в период разложения натурального хозяйства и знаменует собой начало зарождения капиталистического уклада в экономике страны. Под капиталистической работой на дому понимается «домашняя переработка за сдельную плату материала, полученного от предпринимателя». (В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 386.)

В данном случае, говоря о контроле торгового капитала над «домашней промышленностью», автор имеет в виду именно капиталистическую работу на дому, которая получила в Японии исключительно широкое распространение в период зарождения и развития капитализма. Это объяснялось, прежде всего, привязанностью крестьянина к арендуемому им участку земли, известной ограниченностью его передвижения, сословной замкнутостью крестьянской общины в Японии и исключительно сильным развитием торгово-ростовщического капитала, опутывавшего сеть финансовой зависимости все деревенские промыслы. Как известно, капиталистическая работа на дому, поскольку она связана с обилием посредников между капиталистом и работником, с системой оплаты труда необходимыми крестьянину продуктами и отрывом производителя от рынка, а также в связи с широким применением женского и детского труда, является одной из наиболее тяжелых форм эксплуатации.

41

Большой удельный вес торгово-ростовщического капитала являлся одной из особенностей экономики Японии. Купцы и ростовщики, концентрировавшие в своих руках громадные богатства, получали исключительно высокий процент от своих финансовых операций и не желали вкладывать капитал в производство. Таким образом, несмотря на наличие одной из предпосылок развития капиталистического производства — накопления крупных капиталов в руках купцов и ростовщиков, превращение этой предпосылки в действительность было затруднено исторически сложившимися в стране условиями. К. Маркс указывал, что «...самостоятельное развитие купеческого капитала находится в обратном отношении к степени развития капиталистического производства...» (К. Маркс, Капитал, Госполитиздат, 1949, том III, стр. 340–341.)

42

Необходимое условие (лат.).

43

Утверждение автора о том, что в Японии развитие промышленности шло от тяжелой к легкой, не соответствует действительности. Об этом свидетельствует, прежде всего, сравнение числа вновь созданных предприятий в легкой и тяжелой промышленности. По данным японского прогрессивного историка Ямада Сэйтaro, за 14 лет до революции 1854–1867 гг.) в Японии было построено новых предприятий с числом рабочих более 10, из которых 69 — в прядильно-ткацкой, гончарной и спиртоводочной отраслях промышленности. В области судостроения, производства инструмента, горного дела и т. п. было создано всего 15–20 предприятий (главным образом мануфактурного типа). Аналогичная картина наблюдается и в первое десятилетие после революции. В 1868–1877 гг. в шелкомотальной, ткацкой, гончарной и спиртоводочной промышленности было создано 436 предприятий, а в машиностроительной, судостроительной и инструментальной — всего 42 (Ямада Сэйтaro, Когё-ни окэру сихонсюги-но тансё-тэки кэйтай манюфакча канай когё (Начальные формы капитализма в промышленности— мануфактура и работа на дому), Токио, 1932, стр. 6–7).

Удельный вес предприятий тяжелой промышленности в общем объеме промышленного производства также никогда не был

высок. Таким образом, нет никаких оснований говорить о прева-
лировании тяжелой промышленности в Японии над легкой в
течение 50—80-х годов XIX в. ни по темпам развития, ни по удель-
ному весу в общем балансе производства.

Развитие капиталистической промышленности в Японии шло,
следовательно, не по особому, а по обычному для капиталистиче-
ских государств пути. «В капиталистических странах, — указывает
И. В. Сталин, — индустриализация обычно начинается с лёгкой
промышленности. Так как в лёгкой промышленности требуется
меньше вложений и капитал оборачивается быстрее, причём по-
лучение прибыли является более лёгким делом, чем в тяжёлой
промышленности, то лёгкая промышленность становится там
первым объектом индустриализации. Только по истечении дли-
тельного срока, в течение которого лёгкая промышленность на-
копляет прибыли и сосредоточивает их в банках, только после
этого наступает очередь тяжёлой промышленности и начинается
постепенная перекачка накоплений в тяжёлую индустрию для
того, чтобы создать условия для её развёртывания». (И. В. Сталин,
Речи на предвыборных собраниях избирателей Сталинского из-
бирательного округа г. Москвы 11 декабря 1937 г. и 9 февраля
1946 г., Госполитиздат, 1949, стр, 24.)

44

Государственные предприятия в Японии создавались главным
образом, за счет средств, полученных в виде налогов с основного
производительного класса — крестьянства. Помещичье-буржуаз-
ное государство стремилось с помощью системы государствен-
ных предприятий переложить всю тяжесть создания тяжелой
промышленности на плечи трудящихся масс.

Другой стороной этого процесса была передача предприятий в
руки частных владельцев. Продавая их за бесценок, правитель-
ство действовало в интересах торговых и промышленных капи-
талистических компаний, освобождая их от громадных расходов,
которые оно взваливало на трудящихся. Монополистические
объединения в Японии были созданы, как и в других странах, на
крови и страданиях народных масс.

45

На примере создания этой компании можно особенно ясно
проследить, как правительство, действуя в интересах крупной

буржуазии, проводило политику поощрения частного капитала. Начало судоходной компании Мицубиси было положено после экспедиции на Тайвань в 1874 г., когда правительство передало в распоряжение Ивасаки Ятаро 13 океанских судов, купленных государством за границей за 1 570 000 долл. В 1875 г. за бесценок — 320 000 иен этрй компании были переданы 18 кораблей ликвидированной полу-правительственной компании Юбин дзёкисэн кайся, общая стоимость которых составляла 3 250 000 иен. В 1877 г. эта компания приобрела 10 кораблей за 1 080 000 ам. долл., причем две трети этой суммы—700 000 долл. — было внесено правительством. В течение длительного срока компания Мицубиси получала государственные субсидии. Наконец, в 1885 г. Мицубиси не без помощи правительства поглотила компанию Кёдо уню кайся и организовала Ниппон юсэн кайся, которой правительство гарантировало 8-процентный дивиденд на 15 лет и выплату государственных субсидий в сумме 880 000 иен ежегодно по истечении этого срока.

Все это служит ярким свидетельством направленности политики японского правительства, действовавшего в интересах крупного капитала. «Система протекционизма, — писал К. Маркс, — была искусственным средством фабриковать фабрикантов, экспроприировать независимых рабочих, капитализировать национальные средства производства и средства к жизни, насильственно сокращать переход от старого способа производства к современному». (К. Маркс, Капитал, Госполитиздат, 1949, том I, стр. 760.)

46

Увеличение расходов на вооружение было непосредственно связано с агрессивными планами правящих кругов Японии. Создание армии и флота осуществлялось, как и создание системы государственных предприятий, за счет дальнейшего усиления эксплуатации трудящихся масс и за счет снижения их жизненного уровня.

47

Автор здесь, по существу, идет на поводу японской реакционной историографии. Выражением «экономическая самостоятельность» японские правящие круги прикрывали агрессивные планы захвата богатейших сырьевых ресурсов Китая и других азиат-

ских государств.

48

Поземельный налог был в руках государства одним из самых мощных рычагов накопления капитала за счет грабежа беднейшего крестьянства. Поступления от этого налога составляли 80 % доходной части государственного бюджета и эти поступления правительство расходовало на создание капиталистических предприятий, которые оно затем продавало за бесценок частным предпринимателям. Если учесть, что кроме поземельного налога, уплату которого помещики перекладывали на крестьян-арендаторов, последние должны были еще отдавать 25–40 % урожая в качестве арендной платы, то станет понятным, что после реформы поземельного налога положение основной массы крестьянства не могло не ухудшиться. Новый поземельный налог, как и разрешение отчуждения земли, были выгодны лишь зажиточной деревенской верхушке и обусловили бурный процесс расслоения японской деревни в 70—80-х годах XIX в.

49

Автор исходит из мальтузианской теории «перенаселенности» японской деревни, вызванной якобы «отменой ограничений на рождаемость». В действительности аграрное перенаселение в Японии (относительный избыток рабочей силы в сельском хозяйстве) было результатом действия стихийных законов развития капитализма. Это было преимущественно скрытое перенаселение, охватившее огромный слой бедняцких хозяйств. Мелкие арендаторы номинально еще владевшие своими клочками земли, фактически не могли прожить на получаемые с них доходы и были вынуждены искать себе работу в городе или у местных землевладельцев. Однако арендная система землепользования препятствовала развитию капитализма в сельском хозяйстве Японии, мешала рассасыванию избыточной рабочей силы. Перенаселение японской деревни было, таким образом, относительным, а не абсолютным. Оно было вызвано развитием капитализма в стране, а отнюдь не чрезвычайно высокой рождаемостью в крестьянских семьях.

50

Вывод автора неправилен. Развитие помещичьего землевладения и обезземеливание крестьян являлось самым непосредственным показателем развития капиталистических отношений в деревне. При этом наличие феодальных пережитков в деревне лишь усугубляло эксплуатацию японского крестьянина.

51

Крестьянские восстания всегда были направлены против эксплуататоров, против феодалов, ростовщиков, правительственных чиновников. Примкнувшие к крестьянам самураи не могли изменить направленности крестьянских выступлений, не могли изменить их революционной сущности.

Крестьяне выступали против нового режима потому, что он ничего не дал крестьянству, не улучшил его положения, а, наоборот, еще больше увеличил степень эксплуатации крестьянства, лишь несколько видоизменив ее форму.

52

Помещики активно выступали за «свободу предпринимательства» в своих собственных интересах. Что же касается «свободы и народных прав», то они понимали это как свободу для себя, но отнюдь не для широких масс крестьянства.

53

Это утверждение автора не соответствует действительности. Крестьяне отдаленных изолированных деревень также поднимались на борьбу за свои права. Однако в том-то и заключалась, между прочим, слабость крестьянского движения в эти годы, что оно носило локальный характер, что отдельные очаги движения были изолированы друг от друга.

54

Самороспуск этих партий не был случайным. Он закономерно вытекал из соглашательского характера этих партий, не пользовавшихся доверием широких масс. Самороспуск партий был

предопределен их чрезвычайно узкой социальной базой, их явно выраженным стремлением поддержать в решающих вопросах реакционную политику абсолютистского правительства.

55

Речь идет о подъеме широкого оппозиционного движения, известного под названием «минкэн ундо» — «движение за народные права», которое развернулось в Японии с середины 70-х годов XIX в. Это было движение за введение всеобщего избирательного права и установление представительных форм правления, за свержение «кланового» правительства, состоявшего в основном из выходцев княжеств Сацума и Тёсю. В минкэн ундо участвовали определенные слои мелкой и средней буржуазии и радикальные самурайские элементы. На первых порах это движение носило буржуазно-либеральный характер и имело сравнительно узкую социальную базу.

В начале 80-х годов внутри минкэн ундо происходит размежевание. Более умеренное крыло видело свой идеал в буржуазных политических партиях, созданных в 1881–1882 гг. Другое же, радикальное крыло, считало необходимым развертывание дальнейшей борьбы за демократические права. Ряд выступлений, направленных против правительства, носил характер восстаний, в которых участвовало крестьянство. В 1883–1884 гг. подобные выступления произошли в префектурах Гумма, Осака и Ибараки. Эти события автор и имеет в виду, когда говорит о «буре, которая пронеслась по стране в 1880–1884 гг.».

56

Как явствует из фактов, приводимых автором ниже (установление государственного контроля над школами, реорганизация университетов и т. п.), никакой перемены в политике правительства не произошло: оно как и прежде шло по пути усиления реакции, выступало против демократических элементов в интересах укрепления господства буржуазно-помещичьего блока.

57

Так называемые рисовые бунты начались в Японии в августе 1918 г. и быстро охватили всю страну. Это было широкое народ-

ное восстание, которое развернулось под непосредственным влиянием Великой Октябрьской социалистической революции в России. Поводом для него послужили исключительно высокие цены на рис, искусственно вздутые капиталистами и помещиками. В рисовых бунтах участвовали рыбаки, крестьяне, рабочие заводов, шахт и рудников. Повстанцы жгли особняки крупных спекулянтов рисом, громили рисовые склады, магазины, нападали на полицейские участки. Всего в рисовых бунтах приняло участие около 10 млн. человек. Слабость этих выступлений трудящихся состояла в том, что они возникали стихийно и не были подчинены единому руководству. В этот период в Японии не было еще единой организующей силы движения — революционной пролетарской партии, отсутствие которой не давало возможности установить контакт между выступлениями крестьянства и рабочего класса.

Правительству Тэраути удалось огнем и мечом подавить рисовые бунты. Однако они сыграли громадную роль в деле пробуждения революционной сознательности широких масс трудящихся, в дальнейшем развитии демократического движения в стране.

Мало сказать, что эти бунты «подорвали престиж» кабинета Тэраути, как пишет автор. В действительности они послужили причиной отставки этого кабинета.

58

Так называемое «всеобщее избирательное право для мужчин» далеко, не было «всеобщим» даже с точки зрения буржуазной демократии. В основе этой избирательной реформы лежала отмена имущественного ценза. Однако оставались еще многие другие ограничения. Так, остался ценз оседлости, согласно которому для получения права на участие в выборах данный избиратель должен был прожить на одном месте не менее года. Вследствие этого несколько миллионов рабочих и крестьян, переходящих с места на место в поисках работы, были лишены возможности принимать участие в выборах. Были лишены избирательных прав все военнослужащие, чиновники ряда министерств и ведомств, студенты и лица, живущие за счет благотворительности. Оставался, далее, весьма высокий возрастной ценз: 25 лет для активного избирательного права и 30 лет — для пассивного. За каждого кандидата требовалось внести залог в 2 тыс. иен, что также было недоступно представителям трудящихся. Таким образом, «всеобщее избирательное право для мужчин» на деле не являлось всеобщим. Что же касается женщин, то они, как и прежде, были полностью лишены избирательных прав.

59

Автор повторяет бытующую в японской официальной историографии версию о том, что палата представителей якобы «устыдилась» своего поведения и после «благородного» жеста императора, санкционировала ассигнования на военные нужды. В действительности же парламентская оппозиция, возглавляемая в 1890 г. старыми политиками Окума и Итагаки, выступала против правительства только для того, чтобы нажить себе политический капитал. Она не собиралась всерьез бороться против политики правящих кругов. Именно в эти годы (1891–1895) происходит резкое изменение курса либерально-буржуазных элементов в минкэн ундо, которые скатываются вправо, стремясь резко отмежеваться от зарождавшегося в эти годы в стране социалистического движения. Об истинном характере парламентской оппозиции можно судить хотя бы по тому, что немедленно после начала войны с Китаем в 1894 г. она фактически переключилась на поддержку правительства, санкционировав полностью требуемые им ассигнования.

60

Итагаки — самурай из княжества Тоса, видный политический и государственный деятель, принимавший активное участие в незавершенной буржуазной революции 1867–1868 гг. В 1874 г. создал и возглавил политическую группировку риссися, послужившую прообразом для созданной в октябре 1881 г. первой политической партии в Японии — дзюто. В правительстве Итагаки отражал интересы главным образом помещичьих элементов.

Примечания

1

1 Хотя площадь земли, принадлежавшей сёгунату, была не так велика, она была разбросана по 47 провинциям из 68, причем эти земельные владения были расположены таким образом, что они служили в качестве буфера против образования единого блока враждебных феодальных княжеств. Приведенные данные о доходах токугавского сёгуната относятся к более раннему периоду его правления. Они взяты из книги Сэнсома (G. V. Sansom, Japan: A Short Cultural History, New York, 1936, p. 455). В более поздний период, по сведениям профессора Цутия, валовой сбор риса в Японии составлял свыше 30 млн. коку, из которых 4,2 млн. коку шли сёгуну и 2,6 млн. его вассалам. Таким образом, сёгун все еще распоряжался четвертью валового сбора риса в Японии (Tsuchiya Takao, An Economic History of Japan, «Transaction of the Asiatic Society of Japan» Second Series, vol. XV, Tokyo, December 1937, p. 223).

Размер коку менялся в зависимости от местности и исторического периода; стандартизированный в более поздний период коку составляет 1,80391 гектолитра (Honjo Eijiro, The social and Economic History of Japan, Kyoto, 1935, Appendix 2, p. 370).

2

2 Не только создавались заставы в качестве препятствий для путешественников, но и умышленно приводились в негодность дороги и мосты с целью ослабить движение. Чиновники, проверявшие паспорта, были особенно бдительными в отношении дэонна ири-тэппо (дословно — «отъезжающих женщин и прибывающего оружия»), то есть в отношении попыток даймё тайно увезти свою жену из Эдо и ввезти оружие в свое поместье (Куроита Кацу м и, Кокуси-но кэнкю (Исследование национальной истории), Токио, исправленное издание 1937), том III, стр. 386, а также Sansom, op. cit., p. 437).

3

3 Шпионаж осуществлялся под наблюдением мэцукэ или цензоров, которые доносили о деятельности даймё и его вассалов. Секретная политическая полиция использовалась при бакуфу, пожалуй, более широко, чем в любом другом феодальном обществе. Один из первых историков по социально-экономической

истории Японии, Фукуда, был настолько потрясен диктаторским характером бакуфу, что охарактеризовал его как «die absolute Polizeistaat» (Fukuda Tokuzo, Die Gesellschaftliche und Wirtschaftliche Entwicklung in Japan, «Munchener Volkswirtschaftliche Studien», Stuttgart, 1900, S. 116). Эта политическая полиция была удивительно похожа на современную тайную полицию по тщательности ее обучения, по ее неразборчивости в средствах, по изобретательности, выражавшейся в многочисленных уловках, к которым прибегали ее агенты для получения сведений о семье какого-нибудь даймё, заподозренного в злодеянии.

4

4 В качестве примера таких общественных работ, предпринимаемых по приказу бакуфу, может служить строительство в Ки-согава (севернее Нагоя), в котором в 1754 г. должен был принимать участие отдаленный клан Сацума, что вызвало серьезное напряжение его финансов (Охара Кэндзи, Сайго Такамори (Жизнь Сайго Такамори), Токио, 1938, стр. 16). Система санкин-котай представляла собой постоянное финансовое бремя для даймё.

5

5 Японский термин «хан» переводится нами как поместье или клан, причем чаще всего употребляется термин «клан». Но следует подчеркнуть, что здесь термин «клан» не содержит в себе понятия родовой единицы, как это передается шотландским термином «клан» или дофеодальным термином «удзи» в Японии. В феодальной Японии клан просто означал территорию, на которой даймё осуществлял политическую власть и с которой он получал свой рисовый доход.

6

6 В 1609 г. клан Сацума захватил часть этих островов и основал административный центр в Нава, разрешив правителю этого острова признать суверенитет Китая (Куроита, цит. соч. т. III, стр. 582). Характер и объем контрабанды между Сацума и островами Рюкю приводятся Такэкоси Ёсабуру (Takekoshi Yosaburo, The Economic Aspects of the History of the Civilisation of Japan New York, 1930, vol. III, p. 225–226).

Неопределенное положение этих островов являлось источником постоянных трений между Японией и Китаем и принесло бакуфу много хлопот, когда англичане и французы потребовали, чтобы эти острова были «открыты» для внешней торговли. Это требование иностранцев поддержал клан Сацума (Takekoshi, *op. cit.*, vol. III, p. 227–278, а также Хориэ Ясудзо, Нихон сихонсюги-но сейрицу (Формирование японского капитализма), Токио, 1938 г., стр. 106, прим. 4).

7

7 Мазельер, приводя данные Сиболда о его посещении бывшего главы клана Сацума — Симадзу Сигэтака в 1826 г., показывает степень голландского влияния в клане Сацума. Этот даймё обнаружил прекрасное знание голландского языка и проявил большой интерес к жизни Запада. В этом клане суда строились по западным проектам, возводились укрепления, было налажено производство орудий (Antoine Rous de laMazeliere, *Le Japon, Histoire et Civilisation*, Paris, 1907, vol. IV, p. 114–115).

8

8 Крупные религиозные и крестьянские восстания, имевшие место в период Муромати (XV в.), побудили многих крупных феодалов разоружить своих крестьян, но только Хидэеси удалось осуществить это в национальном масштабе (Sansom, *op. cit.*, pp. 422–433).

9

9 Анализируя положение различных рангов самурайства и их доходы, Рамминг приходит к выводу, что средний годовой доход самурая среднего ранга составлял 100 коку, что примерно равнялось доходу богатого крестьянина, в то время как средний доход рядового самурая был значительно ниже — 35 коку, то есть они находились на том же экономическом уровне, что и крестьяне. Кроме того, финансовые затруднения часто заставляли даймё снижать жалованье самураям. Это производилось под видом займа якобы для укрепления финансового положения клана, но фактически означено снижение дохода самурая. Хонда Римэй (начало XIX в.) писал: «В настоящее время не осталось феодалов, кото-

рые платили бы своим вассалам полное жалованье, и поэтому самурай ненавидят своих господ больше, чем своих злейших врагов» (Martin Ramming, Die Wirtschaftliche Lage der Samurai am Ende der Tokugawa Periode, «Mitteilungen der Deutschen Gesellschaft für Natur- und Völkerkunde Ostasiens», Band XXI, Teil A, Tokyo, 1928, S. 47).

10

10 Бакуфу имело достаточно оснований бояться недовольства и дерзости этих оставшихся не у дел воинов. Уже в 1651 г. ронин Юи Сёсэцу вместе со своим компаньоном Марубаси Тёя попытался произвести государственный переворот (Куроита, цит. соч., т. III, стр. 431). Банды ронинов стали столь многочисленны к концу периода Токугава, что они терроризировали целые селения и города (в особенности Кёто). (Хирао Мити о, Бакумацу ронин то соно хого оёби тосей (Ронины, их жизнь и политика покровительства по отношению к ним в конце господства бакуфу), «Мэйдзи Исин Си Кенкю» («Исследование истории реставрации Мэйдзи»), изд. Сигакай (Историческое общество), Токио, изд. 1936 г., стр. 528–529).

11

11 Кодекс «Ста статей», или Хяккадзё, содержит основные административные правила дома Токугава. Параграф 45 этого кодекса гласит: «Простые люди, которые ведут себя недостойно по отношению к представителям воинского класса или которые обнаруживают недостаточное уважение к непосредственным или косвенным вассалам, могут быть зарублены на месте» (J. H. Gubbins, The Hundred Articles and the Tokugawa Government, «Transactions and Proceedings of the Japan Society», London, vol. XVII, 1918–1920, p. 156).

12

12 Существовало десять таких гильдий оптовой торговли, известных под названием Токуми донья (Takizawa Matsuyo, The Penetration of Money Economy in Japan, New York, 1927, p. 58–59). Купеческие гильдии периода Токугава принимали все более и более монопольный характер, и поэтому бакуфу, по предложению

своего советника Мидзуно Тадакуни, упразднило их в 1841 г. Однако с 1851 г. они продолжали существовать в реорганизованном виде вплоть до реставрации (F u k u d a, op. cit., 157–158).

13

13 Это насильственное подавление роста торгово-капиталистического класса имело большое значение в истории индустриализации Японии, так как оно усилило тенденцию к государственному субсидированию. Если бы торговая и колониальная политика, существовавшая до периода Токугава, была сохранена, историческое развитие Японии было бы совершенно иным. Часто забывают, что в XV и XVI вв. Япония была великой морской страной, располагавшей торговыми центрами вдоль восточного побережья Азии, и колониями поселенцев в таких отдаленных местах, как Ява и Сиам.

14

14 Уменьшение численности сельского населения начало беспокоить японские власти. Бакуфу в 1712 г. провело перепись населения, для того чтобы принудить всех лиц, которые переселились в города, возвратиться в деревню (Takizawa Matsuyo, op. cit., p. 80).

15

15 K. Asakawa, Notes of Village Government in Japan after 1600, «Journal of the American Oriental Society», vol. XXXI, p. 258–259. Только в клане Мито допускалось отклонение от закона, запрещающего продажу земли (Honjo, op. cit., p. 38–39).

16

16 Наиболее распространенным методом превращения купцов и ростовщиков в землевладельцев был метод освоения пустующих земель по контракту (Мацуёси Сада о, Токугава дзидай но синдэн кайхацу току ни Осака, Кавагути но кэйэй (Введение в эксплуатацию вновь освоенных земель в период Токугава, в част-

ности план для Кавагути, Осака), «Кэйдзай си кэнкю» («Исследования экономической истории»), том II, номер 7, стр. 129–156, а также последняя монография этого же автора — Синдэн-но кэнкю (Исследование проблемы освоения новых земель), Токио, 1936 г., в особенности страницы 131–165).

17

17 Танака Кюгу (умер в 1729 г.) в своем произведении «Минкан Сэйё», появившемся в первой половине XVIII в., пишет: «Местами встречаются крестьяне приличного достатка, но они стали богатыми не только от занятия земледелием, но и от торговли». Эта цитата приводится также в «Нихон кэйдзай тайтэн» («Энциклопедия японской экономики»), изданной под редакцией Такимото Сэйити, Токио, 1928, том V, стр. 103–104.

В произведении Такэмото Тацухэй «Канно-Саку» мы читаем: «Хотя большинство народа страдает от нищеты, некоторые живут довольно зажиточно. Источником их богатства является не только земледелие, но также торговля растительным маслом, сакэ и другими товарами наряду с ростовщическими операциями. Некоторые не занимаются торговлей, а дают займы деньги и становятся богатыми в результате взимания процентов» («Нихон кэйдзай тайтэн», том XXXII, стр. 675).

18

18 Приводим выдержку из мемуаров, составленных Фудзита Юоку за период с 1792 по 1807 г., которые он подарил даймё клана Мито. Она дает нам ясное представление о том, как вторжение ростовщика во взаимоотношения между крестьянином и помещиком еще более ухудшило положение крестьянства. «Так как продажа земли была запрещена, то бедствующие крестьяне вынуждены были тайком обращаться к богатым людям с просьбой купить у них землю неофициально. Богатые люди, находясь в более выгодном положении в подобного рода сделках, обычно так оформляли их, чтобы избежать уплаты налога. Например, если крестьянин хотел продать 7 тан из имеющихся у него 10 тан земли, то покупатель обычно уплачивал ему за 7 тан, а заставлял его подписать купчую только на 3 тана, оставляя за собой 7 тан. В результате бедный крестьянин юридически был собственником 7 тан земли, несмотря на то, что фактически он владел только 3 танами. Следовательно, он был обязан платить налоги за 7 тан,

тогда как покупатель платил только за 3 тана, присваивая себе продукцию с 7 тан» (T a k i z a w a, op. cit., p. 75).

19

19 Мазельер следующим образом описывает их положение в конце периода бакуфу: «Доходы 143 семейств кугэ составляли только 1 750 000 франков. Самым богатым из них был Коноэ, доход которого составлял 70 000 ливров; некоторые кугэ вынуждены были для поддержания своего существования раскрашивать игральные карты, делать бумажные зонтики, зубочистки или палочки для еды» (La Mazeliere, op. cit., vol. IV, p. 126).

Известный кугэ Ивакура Томоми 1825–1883 гг.) настолько обеднел, что, пользуясь привилегией, согласно которой полиция сегуна не имела права заходить в дома кугэ, он разрешил открыть игорный притон на своей территории, используя доходы от него в качестве главного средства существования (Takekoshi Yosaburo, Prince Saionji, Tokyo, 1933, p. 31).

20

20 James Murdoch, A History of Japan, London, 1925–1926, vol. III, p. 724. Даймё и их агенты устанавливали контакт с кугэ через посредство буддийских храмов, в частности, через большой храм Ниси Хонгандзи в Кёто, который издавна был тесно связан с императорским двором.

21

21 M i g d o s h, op. cit., vol. III, p. 725. Полагают, что инициатива создания этого союза кугэ и даймё принадлежит Сандзё Санзёси и агентам клана Тоса.

22

22 Даймё, за исключением, в частности, Мацудайра Сюнгаку из Этидзэн и Яманоути Ёдо из Тоса, по существу, перестали играть роль главных политических деятелей кланов. В кланах, также как и во всей стране, существовала двойная администрация —

официальная и закулисная. Даймё, по существу, стали «праздными королями», тогда как способные самураи, обычно выходцы из низших рангов, стали лидерами внутри кланов, что приводило к революционным результатам. Морис Куран цитирует памфлет японского современника, описывающий упадок даймё: «Даймё воспитывались в гинекеях. Воспитанные как нежные дети, они не имели никакого понятия о голоде и холоде, никакого представления о реальной жизни вообще. Их делами ведали подчиненные, которые часто были недостойны этого» (M. Courant, Okubo, Paris, 1904, p. 142).

23

23 Murdoch, *op. cit.*, vol. III, p. 665. Часть этой работы, охватывающая разделы «Хроника об императорах» и «Биографии», составляющая 100 томов, была подарена императору в 1810 г., остальные 145 томов должны были появиться позже. Все произведение было закончено только в 1905 г. (Hugh Borton, *A Survey of Japanese Historiography*, «*American Historical Review*», vol. XLIII, № 3, April 1938, p. 493).

24

24 Влияние трудов Рай Сэне (1780–1832), а именно его «Нихон Сэйки» и в особенности его «Нихонгайси», было гораздо большим, чем то влияние, которое оказала история «Дай Нихон Си». Рай описал только дотокугавскую историю, но, выступая против существующего режима, он беспощадно критиковал ранние сёгунаты, в особенности Асикага, и восхвалял трон. Как токугавские власти, так и читающая публика оценили его труды: первые — запрещением его книг, а вторые — усердным чтением их. Только ученым, которым покровительствовали власти Токугава, таким, как Хаяси Радзан или знаменитый Араи Хакусэки, разрешалось писать о событиях, происшедших после 1603 г., то есть года основания токугавского бакуфу.

25

25 Официальное запрещение чтения и перевода европейских книг, за исключением религиозных, было отменено Ёсимунэ (сёгун с 1716 по 1744 г.) (Куроита, *цит. соч.*, т. III, стр. 474).

26

26 Яркое описание препятствий и опасностей, стоявших на пути японцев, желавших овладеть знаниями голландцев, дается в книге «Autobiography of Fukuzawa Jukichi», Токуо, 1934, переведенной Ё. Киёока. В этой книге он показывает консерватизм и предрассудки клановых властей (р. 45), нищету студентов в Осака и исключительное терпение, которое требовалось помимо личных способностей от желающего изучить иностранный язык (Chapter IV, «Student Ways at Ogata's School»), В этом произведении автор рассказывает о том, как он вынужден был переписывать от руки для собственного пользования текст словаря Доеффа, который имелся в его школе только в одном экземпляре (р. 87–88), а также о том, как он и его коллеги переписывали от руки учебник по электричеству (р. 94–95).

27

27 Осю Хэйхатио находился под сильным влиянием философии Оёмэй — разновидности конфуцианского учения, возникшей из учения Ван Ян-мина 1472–1528). Эта философия была менее авторитарной по своей сущности, чем философия школы Чжу Си, официально признанная и поддерживаемая правительством Токугава, которое в соответствии с этим запретило распространение философии Оёмэй, проповедовавшей более индивидуалистическое и демократическое мировоззрение.

28

28 Американское судоходство, с его знаменитыми «клиперами», в первой половине XIX в. являлось сильнейшим конкурентом британского судоходства по размеру своих перевозок. (Cf. H. V. Morse, *The Trade and Administration of China*, London, 1920, third edition, p. 312).

29

29 Tylor Dennett, *Americans in Eastern Asia*, New York, 1922, p. 278. Наиболее честолюбивый план установления американского протектората над Формозой был разработан первым американским

миссионером, доктором П. Паркером. Полное описание этого плана, а также причин его провала приводит в своем произведении Деннет (Dennett, op. cit., pp. 284–291). Капитан Джон Келли фактически захватил группу Коффин Бонинских островов в 1853 г. и только в 1873 г. Соединенные Штаты Америки отказались от всех прав на них (ibid., p., 432).

30

30 «Путем тщательного исследования на британском монетном дворе впоследствии было установлено, что серебряные деньги, находившиеся в обращении в Японии, относились к золоту, как 5:1, и поэтому дена серебряных слитков в Японии, выраженная в золоте, была почти в три раза выше, чем цена, существовавшая на мировом рынке (т. е. 15,5:1) (Rutherford Alcock, *The Capital of the Tycoon: A Narrative of a Three Years Residence in Japan*, London, 1863, vol. II, p. 411).

31

31 Некоторое представление о колебаниях цен на рис хиго (рис хиго был стандартным) дает следующая таблица:

Цены даются в серебряных моммэ 60 серебряных моммэ равны 1 золотому рё. В период реставрации 1 рё равнялся 1 иене).

Годы	Цены	Годы	Цены
1854 . . .	84,8	1861 . . .	142,5
1855 . . .	77,1	1862 . . .	172,0
1856 . . .	82,4	1863 . . .	100,5
1857 . . .	106,3	1864 . . .	325,5
1858 . . .	131,5	1865 . . .	513,0
1859 . . .	120,4	1866 . . .	1300,0
1860 . . .	203,0	1867 . . .	560,0

Эти данные представляют собой извлечение из таблиц, приложенных в книге: Хондзё Эйдзиро, Токугава бакуфу но бэйка тёсецу (Регулирование цен на рис в период токугавского бакуфу), Токио, 1924 г., стр. 414–415.

Цены на другие сельскохозяйственные продукты также резко поднялись. За период с 1860 по 1867 г. цена ячменя поднялась с 90 моммэ до 290, цена соевых бобов — с 164 моммэ до 797,52, растительного масла — с 560 до 2 418, соли — с 2,19 до 21 моммэ. (Цутия Такао, Бакумацу доран но кэйдзайтэки бунсэки (Экономический анализ социальных волнений в конце правления бакуфу), журнал «Тюо корон», октябрь 1932 г., т. 47, № 11, стр. 83).

32

32 Финансовое положение сёгуната было настолько напряженным, что правительство вынуждено было заложить Франции металлургический завод в Ёкоцука и оказалось не в состоянии оплатить счет за оружие, полученное из Франции, а также рассчитаться по долгам с Соединенными Штатами Америки, возникшим в связи с покупкой военного судна «Стоунуолл».

33

33 Таблицы проф. Кокусё Ивао, приведенные в приложении к его исследованию о крестьянских восстаниях, показывают резкое увеличение восстаний после 1860 г.:

Годы	Число восстаний
1844—1851	14
1852—1859	16
1860—1867	39

(Кокусё Ивао, Хякусё икки но кэнкю (Исследование крестьянских восстаний), Токио, 1928 г., стр. 443—446). Эти же цифры приводятся в таблицах на стр. 262. Более поздние исследования одного из учеников Кокусё, составленные с привлечением вновь обнаруженных источников, показывают значительно большее число крестьянских восстаний за этот период.

Годы	Число восстаний
1844—1851	31
1852—1859	40
1860—1867	86

(Нумадзаки Хиденосукэ, Хякусё икки тэса хококусё (Отчеты и исследования крестьянских восстаний) напечатано на мимеографе, Киото, 1935, табл. IV, страницы не нумерованы).

34

34 Ввоз дешевых фабричных изделий совершил переворот в разлагающейся феодальной экономике Японии. Дешевые хлопчатобумажные ткани и пряжа вытеснили на японском рынке собственные текстильные изделия, вынудив прежнего производителя перейти к машинному производству, и привели к разорению тысячи сельских кустарей. Это вызвало также разорение многих самурайских и крестьянских семей, в которых женщины занима-

лись прядением, прибегая к этому как к дополнительному источнику получения средств к существованию. Это обстоятельство, наряду с влиянием внешнего импорта на рост цен, являлось причиной резко выраженных антииностранных настроений деклассированного самурайства, ронинов и т. д. Восстания и бесчинства ронинов, таким образом, частично стимулировались этим преобразующим влиянием внешней торговли. Виконт Сибудзава Эйити в своей книге «Life of Prince Keiki» писал: «Цены на товары быстро росли, и наибольший ущерб это наносило тем, кто жил на постоянное жалованье. Вследствие этого они говорили между собой: «Эти варвары привозят нам ненужные предметы роскоши, лишают нас предметов первой необходимости, разоряют народ и стремятся в ближайшем будущем захватить Японию. Это наш сёгун посеял семена всех бедствий» (Tsuchiya Takao, An Economic History of Japan, Transaction of the Asiatic Society of Japan. Second Series, vol. XV, Tokyo, December, 1937, p. 252).

35

35 Один из документов того периода следующим образом описывает ронинов в г. Кёто: «Количество ронинов во всех кланах продолжало все более и более увеличиваться. Среди тех, которые прибыли в этот город, были обедневшие и задолжавшие ронины; но не было ни одного случая, чтобы кто-нибудь привлек их к суду (для взыскания долга); наоборот, ронинам отдавалось все то, что удовлетворяло их прихоти (Хирао, Бакумацу ронин то соно хого оёби тосэй, «Мэйдзи исин си кэнкю», стр. 530).

36

36 Вряд ли можно предполагать, что жесткие, даже грубые методы, применявшиеся великими державами (в особенности Англией, представленной сэром Гарри Парксом, человеком больших способностей, но не отличавшимся ни терпением, ни сдержанностью), не оставили после себя горечи, ощущавшейся вплоть до периода Мэйдзи. Так, отголоски антииностранных настроений Сацума и Тёсю все еще существовали и после реставрации. Причины этого медленного утихания вражды к иностранцам, свидетельством чему были различные инциденты, рассматриваются в статье проф. Ока Ёситаке, Исин-го ни океру дзёитэки футё-но дзансон (Сохранение антииностранных тенденций после реставрации Мэйдзи), ч. II, напечатанной в «Кокка гаккай дзасси»

(«Журнал ассоциации политических и социальных наук»), т. 53,
№ 5, Токио, май 1939 г. стр. 652–688.

Примечания

1

1 Honjo Eijiro, *The Social and Economic History of Japan*, Kyoto, 1935, p. 193.

2

2 House of Mitsui, *A Record of Three Centuries*, Tokyo, 1937, p. 15. Когда столица Японии переносилась из Киото в Токио, Мицуи Токуаки (1837–1894) сопровождал императора в Токио в качестве правительственного казначея.

3

3 С 1707 г. представители дома Мицуи назначались придворными банкирами и оказывали содействие в покрытии расходов на похороны, свадьбы, на новое строительство и т. д. (House of Mitsui, p. 7). В 1823 г. они выпустили серебряные деньги для князя из клана Кии, в 1867 г. — для сёгуната, в 1868 и 1871 гг. они выпустили денежные знаки для правительства Мэйдзи (*ibid.*, pp. 7–8). Этот японский вариант дома Фуггера сумел сохранить свое финансовое господство в течение всего периода Токугава, закрепить его в период Мэйдзи и расширить сферу своей деятельности в последующий период.

4

4 Один из способов, посредством которых купцы подвергли финансовому ostracismu даймё и самураев, которые не платили свои долги, заключался в том, что перед домом упорствующего должника вывешивался бумажный флаг (Honjo, *op. cit.*, p. 261). Приводим следующую цитату для иллюстрации отношений, существовавших между купцами и самураями: «Самураи горели ненавистью к купцам (оскорбленные тем, что купцы ставили их в трудное положение), но они терпели дерзость со стороны купцов ради своих господ, которые вынуждены были занимать у них деньги и были даже готовы отказаться от бусидо, лишь бы завоевать доброжелательное отношение людей из народа» (*ibid.*, стр. 260).

5

5 Это утверждение нуждается в пояснении, так как купечество наживалось больше на финансовых затруднениях самураев и даймё, чем на их процветании. Затруднения же последних происходили из потребности обменивать рис на наличные деньги. Но по коренным вопросам их интересы совпадали, поскольку и те и другие смотрели на крестьян как на поставщиков рисовой дани. Таким образом, попытки даймё обеспечить растущую потребность в деньгах и погасить долги путем дополнительного обложения крестьянства предпринимались не только в собственных интересах князей, но также и в интересах купцов, которые терпеливо ждали погашения выданных ими кредитов. Японский экономист Такахаси Камекити утверждает даже, что для купечества и в особенности для крупных купцов уничтожение феодальной системы было бы равносильно самоубийству (Такахаси Камекити, Кэйдзай сидзё-ни окэру Мэйдзи исин (Реставрация Мэйдзи и ее роль в истории экономики), в кн. «Мэйдзи исин си кэнкю», стр. 129).

6

6 Этот вопрос кажется мне настолько важным, что я позволю себе привести слова японского историка-социолога: «Причина того, что этот нарождающийся класс купечества (тёнин) даже и не помышлял о свержении воинского сословия (буси), заключалась в том, что последнее было их клиентами, и если бы они разорили своих клиентов хотя бы на короткий промежуток времени, это нанесло бы катастрофический удар и их экономическому положению. Именно это позволило самураям сохранить свои позиции вплоть до реставрации, то есть много лет спустя после того, как они потеряли реальную власть в стране (Такигава Масадзиро, Нихон сякай си (Социальная история Японии), Токио, 1935 г., стр. 246–247).

7

7 Взаимоотношения между этим классом новых помещиков, синдзинуси, и феодальными князьями являются предметом спора между японскими историками. Одна историческая школа, представленная Хаттори Корэфуса, утверждает, что этот класс

новых помещиков сотрудничал с феодальными князьями в деле эксплуатации крестьянства, вследствие чего Хатторри рассматривал его как часть господствующей феодальной иерархии. Против этой точки зрения выступает проф. Цутия Такао, который выражает сомнение в существовании союза между феодальными князьями и этим новым помещичьим классом. Он пытается доказать, что вторжение купеческого и ростовщического капитала представляло угрозу феодальным интересам князей и поэтому клановые власти иногда конфисковывали имения этих помещиков-выскочек (например, в Цусима, Цу, Сага и Кага) или же строжайше запрещали захват земель (как, например, в Оби и Сэндай) (Цутия Такао, Нихон сихонсюги си ронсю (Сборник статей по истории японского капитализма), Токио, 1937 г. См. главу «Синдзинуси рон-но сайкэнто» («Дальнейшее обсуждение вопроса о новом помещике»), стр. 3—26).

8

8 Конфликты по вопросам аренды, являвшиеся выражением вражды крестьянства к этому новому помещичьему землевладению, представляли собой наиболее распространенную форму крестьянских восстаний периода Токугава.

9

9 Nonjo, op. cit., p. 259. В работе «Кэйдзай року», написанной Дадзай Сундай (1680–1747), мы читаем: «Современные даймё, как крупные, так и более мелкие, гнут спину перед богатыми людьми из народа лишь бы получить от них займы денег. В материальном отношении даймё зависят от купцов Эдо, Кёто и др.» (Цитируется по книге Хондзё (Nonjo, op. cit., p. 257).

10

1 °Среди даймё, упомянутых в этой летописи, в числе должников были князья из Кага, Хиросима, Сацума, Сэндай, Хиго, Тоттори, Намбу, Овари, Кии, Цуяма, Тёсю, Тоса, Сага, Енэдзава, Фукуока (Nonjo, op. cit., p. 285).

11

11 Поборник императорской власти, сторонник внутренних реформ Гамо Кумпэй (1768–1813), как утверждают, сказал: «Гнев богатых купцов из Осака вселяет ужас в сердца даймё» (Honjo, op. cit., p. 201). См. также Sanson, op. cit., p. 512.

12

12 Иноуэ Сабуроэмон в 1853 г. приводил следующие данные о суммах, взимаемых за принятие простых людей в самурайский класс: «Пятьдесят рё с каждой сотни коку валового сбора риса за усыновление при обычных обстоятельствах; от семидесяти до ста рё за усыновление в экстренных случаях» (Honjo, op. cit., p.206), Эти сведения говорят о тщетности попыток Ёсимунэ запретить допуск в самурайский класс простолюдинов.

13

13 Ёсимунэ запретил продажу самурайских рангов (Куроита, цит. соч., т. III, стр. 482).

14

14 Джордж Сэнсом (см. Sanson, op. cit., p. 465) следующим образом описывает культуру гэнроку: «Можно считать установленным, что к 1700 г. городское население достигло высокой степени богатства и культурного развития, и хотя самураи позволяли себе относиться к купцам как к людям низкого происхождения, сомнительной профессии и низких вкусов, купцы имели свое собственное, совершенно определенное и строгое понятие о хорошей книге, хорошем спектакле, хорошей картине и, чего не следует забывать, о хорошем поведении».

15

15 «Этот новый класс — купечество — не только находился на вершине социальной лестницы в финансовом отношении, но он был восприимчив и к новым идеям; купечество открывало новые горизонты интеллектуальной деятельности, пыталось играть роль лидеров страны как в области науки, так и искусства» (Таки-

гава, дит. соч., стр. 246).

16

16 Финансовые или корыстные соображения настолько влияли на дела кланов, что в «Букэ хатто» — сборнике законов, изданных домом Токугава с целью регулирования положения воинского сословия — в постановлении от 1710 г. говорится: «Согласно существующему обычаю, считается, что при определении права наследования размер собственности является более важным критерием, чем кровные отношения» (Honjo, op. cit., p. 204).

17

17 Вот, например, сообщение Кобаяси Сёдзиро из его книги «Бакумацу си» («История конца правления бакуфу»): «Некоторые из лиц, купивших такие низкие второстепенные самурайские ранги, как ёрики или кати, поднялись до положения хатамото благодаря своим собственным усилиям, в особенности в конце режима Токугава. Таков, например, Кусу-Садо-но-ками-Сукэаки — один из могущественных самураев, живший в то время, когда Мидзуно Тадакуни занимал пост родзю; Садо-но-ками находился сначала в провинции Синано, но после приобретения ранга самурая добился власти и славы, заняв впоследствии пост кандзё-бутё. Его сын Сукэтоси также был известен под именем Садо-но-ками и был назначен на высокий пост в Осака» (Honjo, op. cit., p. 205–206).

18

18 О значении Осака как центра японской торговли в конце периода Токугава см. монографию Канно Ватаро «Осака кэйд-зайси кэнкю» («Исследование экономической истории Осака»), Токио, 1935 г., главным образом главу I. Автор цитирует документ того времени: «В последнее время количество золота и серебра в стране увеличилось, и так как половина этого количества находится в Осака, этот город по своему богатству считается одним из крупнейших в империи. Знатные феодалы с востока и запада приезжают в Осака, чтобы занять денег. В Осака привозят рис и другие хлебные злаки из северных, западных и центральных провинций; кроме того, сюда приезжают рыжеголовые люди [европейцы] из Китая с лекарствами, сахаром и другими товарами,

которые сначала продаются в Осака, а оттуда поступают для продажи в другие провинции. В силу этого большое количество золота и серебра скопится в Осака». (Эта цитата взята из произведения «Юмэно сиро», написанного Ямагата Банто в 1802 г. и приводится на стр. 10 указанного выше исследования.)

19

19 Проф. Аллен так излагает эту тенденцию: «При феодальной системе банковское дело в современном смысле слова вряд ли существовало. В те дни территория каждого даймё представляла собой, по существу, самостоятельную экономическую единицу; общество было организовано скорее на военной, чем на коммерческой основе, а промышленное производство велось в небольших масштабах и для ограниченного рынка. Такое положение не требовало сложной финансовой организации. Однако с давних времен существовал целый ряд купеческих семейств, которые производили своего рода банковские операции, и можно было пересылать деньги из одного места в другое через их конторы, расположенные в важнейших населенных пунктах. Феодальные князья обычно назначали этих купцов своими финансовыми агентами для взимания рисовых податей, а также поручали им продажу этого риса в торговых центрах страны, таких, как Осака... Многие из крупнейших современных банков в Японии, такие, как банки Мицуи и Коноикэ, являются прямыми преемниками этих старых купеческих фамилий. Следует также отметить, что в Осака существовала своеобразная гильдия, известная под названием «Дзэни-дза», которая одалживала деньги даймё под залог их рисового дохода, и что различные кланы имели своих представителей в этом городе для поддержания связи с этой гильдией» (G. C. Allen, *Modern Japan and its Problems*, New York, 1927, p. 148–149).

20

20 Деятельность монополий на воск в Тоттори, Увадзима и Ямагути изложена в трех самостоятельных главах, посвященных каждой одному из этих трех кланов, в монографии проф. Хорие (Horie, *Tottori*, pp. 165–174, *Uwajima*, pp. 175–189, *Yamaguchi*, pp. 190–216).

21

21 Fukuda, *op. cit.*, p. 158. Другие виды домашней промышленности, такие как шелкомотание и прядение, обычно создавались при протекции кланов. См. Tsuchiya, «Economic History of Japan», p. 180. Автор приводит примеры, свидетельствующие о производстве этим кланом железа, пушек, стекла и пр. в поздний период Токугава (*ibid.*, p. 182). Это производство было создано, конечно, больше для военных целей, чем для получения прибыли, то есть по тем же мотивам, которые играли большую роль в развитии тяжелой промышленности вообще в ранний период Мэйдзи.

22

22 Проф. Цутия описывает этот и многие другие факты, указывающие на примитивную добычу горных пород, производившуюся правительством Токугава и кланами (Tsuchiya, *op. cit.*, p. 174). Лоренс Олифант в своих записках «A Narrative of the Earl of Elgin's Mission to China and Japan in the Years 1857–1858–1859, New York, 1850» упоминает угольную шахту «Вакумото» (p. 337) в Хидзэн, которая работала очень хорошо. Голландский резидент сообщил ему, что шахты князя Сацума приносили ежегодный доход в размере 200 ящичков серебра. Он сообщает о существовании стекольных заводов, а также завода для литья орудий с количеством рабочих 800 человек (p. 338). По вопросу о горных разработках в клане Сацума, который имел большие достижения в деле развития промышленности для военных целей, см. Такэкоши, Нихон кейсан си, Токио, 1935, том III, стр. 293.

23

23 Типичным представителем мыслителей того времени был Хонда Римэй (1744–1821), который написал трактат «Сэйики моногатари» («Рассказы о западных странах»), в котором он показал, что сила и богатство западных стран обусловлены развитием внешней торговли, судоходством и прежде всего развитием промышленности. Его взгляды коренным образом расходились с распространёнными в то время конфуцианскими доктринами. Он предлагал Японии встать на тот же путь развития, а также расширить свою территорию путем захвата близлежащих островов на севере вплоть до Аляски и на юге до Малайи. Этот труд напеча-

тан в «Нихон кэйдзай тайтэн», т. XX, стр. 211–286.

Взгляды другого мыслителя — Сакума Сёдзан (1811–1864) также свидетельствуют о прекрасном знании западной идеологии и истории. Он предлагал своему клану (Мацусиро) и сёгунату ввести у себя западную технику, в особенности для военных целей. Он был заключен в тюрьму за свои произведения и в конце концов убит в Кёто ронином, ненавидевшим иностранцев.

24

24 Для того чтобы сократить свои расходы, даймё часто удерживали часть рисовой стипендии, причитающейся самураям. Эта система носила название ханти (дословно «половина стипендии»). Хотя эти удержания рассматривались как заем, в действительности они представляли собой скрытую форму снижения стипендии, так как фактически никогда не возвращались. Так, например, Дадзай Сундай писал в своем произведении «Кэйдзай року сюи»: «За последнее время даймё, как крупные, так и менее влиятельные, страдают от нищеты. Они занимают у самураев рис в размере (sic!) от одной до шести десятых рисовой стипендии самурая (Honjo, op. cit., p. 216).

25

25 Было бы ошибочно считать, что в дореволюционной Японии царили настроения против развития промышленности и торговли. Под влиянием обстоятельств бакуфу, а также кланы, часто помимо своего желания, проводили многие реформы с помощью иностранцев, как, например, Леона Роша. Бакуфу достигло значительного успеха в деле подготовки фундамента для военной промышленности, судостроения, внешней торговли и т. д. (Honjo, op. cit., Chapter XI, «The New Economic Policy in the Closing Days of the Shogunate», pp. 292–322).

26

26 Эта мысль выражена в пространной цитате из книги «Кэйдзай року сюи», написанной Дадзай Сундай, которую приводит Хондзё (Honjo, op. cit., pp. 132–133). Эта цитата заслуживает того, чтобы частично воспроизвести ее здесь. «Все самураи высших рангов и даймё в наше время, так же как и купцы, используют

деньги во всех своих сделках, и поэтому они стремятся получить как можно больше золота и серебра. Они, по-видимому, рассматривают приобретение денег как настоящую потребность дня. Кратчайшим путем приобретения денег является коммерческая деятельность. В некоторых кланах существует давно установившаяся практика изыскания денежных средств для покрытия расходов клана посредством торговли, которая помогает восполнить недостаток средств в кланах. Даймё из Цусима, например, является владельцем небольшой провинции, и его имение дает немногим более 20 000 коку риса. Однако он богат и живет даже лучше, чем феодал, обладающий имением, дающим 200 000 коку, потому что он покупает корейский жень-шень и другие товары по низким ценам, а продает их по высоким ценам. Даймё из Мацумаэ имеет небольшое имение с доходом 7 000 коку, но благодаря продаже продукции своего собственного имения и изделий, производимых на Эдзо (Хоккайдо), он богаче, чем даймё, располагающий имением с доходом в 50 000 коку. Далее, даймё из Цувано, несмотря на небольшие размеры своего имения, дающего 40 000 коку, располагает богатством, равным богатству феодала с имением, дающим 150 000 коку риса, потому что он получает большую прибыль от производства и продажи картона. Даймё из Хамада, следуя примеру даймё из Цувано, наладил производство картона в своем собственном имении. Это сделало его таким же богатым, как и владельца имения, дающего более 100 000 коку, хотя его имение дает только 50 000 коку риса. Сацума является, конечно, крупным кланом, но его богатство связано с монопольной продажей товаров, импортированных из Рюкю. Китайские товары также ввозятся в Сацума через Рюкю и затем продаются в этом клане. Так как даймё Цусима, Мацумаэ и Сацума обладают монополией на ввоз иностранных товаров и продают эти товары другим даймё, они значительно богаче даймё, обладающих таким же имуществом. Что касается даймё Цувано и Хамада, они стали богатыми в результате продажи продукции своих кланов. Даймё Сингу располагает имением, дающим только 30 000 коку, но так как он продает продукты сельского хозяйства из Кумано, а также то, что дает морской промысел, то его богатство может быть сравнено с богатством владельца имения, дающего 100 000 коку».

27

27 Несмотря на наличие сильных антииностранных настроений в клане Тёсю, правящая группировка (каймейто) состояла из радикально-настроенных молодых самураев, среди которых бы-

ли Ито Сюнсукэ (впоследствии Ито Хиробуми) и Иноуэ Каору, которые только что вернулись из Европы и были последовательными борцами за установление дружественных отношений с западными странами. С этого времени, то есть после бомбардировки Симоносеки, лидеры Тёсю отказались от своей прежней программы изгнания иностранцев и, подобно Сацума, стали прилежными учениками западной науки.

28

28 Многие из этих молодых самураев из Тёсю были учениками Ёсида Сёнин (1831–1860), который был носителем радикальных традиций клана Тёсю. Этот радикализм представлял собой переплетение известного консерватизма и часто крайне шовинистических и экспансионистских взглядов с необычайно передовыми взглядами, касающимися внешних взаимоотношений, экономических и, прежде всего, военных реформ.

29

29 Омура Масудзиро, один из близких друзей Такасуги, был заместителем военного министра в правительстве Мэйдзи и стойким поборником всеобщей воинской повинности по типу французской армии. Он был убит самураем за свои взгляды. Ямагата Аритомо был соратником как Такасуги, так и Омура, ему удалось осуществить первоначальный план своих двух учителей.

30

30 Некоторые купцы, обладающие значительным состоянием, активно поддерживали кихэйтай и впоследствии. Когда клан Тёсю занял командную позицию в правительстве Мэйдзи, они были приближены к /Правительственным кругам. Описание отношения купечества к кихэйтай дается в книге Сираянаги Сюко «Нихон фуго хассэй гаку» («Описание происхождения японских плутократов»), Токио, 1931 г. Эта книга является слишком публицистической, чтобы принять ее за авторитетный источник, но она содержит много колоритных деталей и анекдотов. Близкие отношения знаменитого купца Номура Митидзо (известного также в деловых кругах под фамилией Ямасироя Васукэ) с Ямагата (впоследствии князь Ямагата) излагаются на стр. 18–23. Другой

богатый купец из Осака — Фудзита Данзабуро (отец которого прибыл из Тёсю и занялся винокурением делом) поступил в частную военную школу Такасуги и стал близким другом своего учителя, щедро финансируя его кихэнтай (там же, стр. 23–27).

31

31 Такасуги не дожидаясь реставрации, но один из его близких друзей, Омура Масудзиро (см. выше, прим. 29), был заместителем министра в правительстве Мэйдзи. Омура, который был на 14 или 15 лет старше Такасуги, учился у Обата Коан, который обучил его голландскому языку. Хотя Омура имел более высокий ранг в клане, чем Такасуги, этот молодой самурай значительно превзошел своего старшего товарища как по своей популярности, так и по умственному развитию. За время пребывания в Эдо Такасуги овладел артиллерийской наукой и, поняв все значение западной военной теории, стал непревзойденным стратегом на полях сражений. Блестящие успехи его кихэнтай повысили престиж Тёсю в новом правительстве и способствовали выдвижению на высокие посты таких людей, как Ямагата, Омура, Хиродзава, Иноуэ, Ито и Маэбара Иссэй (Сираянаги, цит. соч., стр. 22–23).

Более подробные сведения о кихэнтай можно найти у следующих авторов: Такэкоси, цит. соч., том III, стр. 364–370, у Murdoch, op. cit., vol. III, pp. 748–750, J. H. Gubbins, Progress of Japan, 1853–1871, Oxford, 1911, pp. 161–165. Кроме того, есть специальное исследование о кихэнтай в четырех томах, составленное на основе дневников и писем известных деятелей кихэнтай. Этот труд называется «Кихэнтай никки» («Дневники кихэнтай»), Токио, 1918. История происхождения кихэнтай дается в т. I, ч. 2, стр. 79 и далее.

32

32 Сацума был также зачинателем судостроения в Японии. В 1845 г. глава клана Сацума тайно (так как запрещение бакуфу строить крупные морские суда было еще в силе) построил два или три судна по европейскому образцу (S. Mogi and H. Vere Redman, The Problem of the Far East, London, 1935, p. 44).

33

33 Сэнсом так излагает эту тенденцию в политике кланов: «Глубоко увязнув в долгах, даймё искали средств приобретения или сбережения денег. Немногие из них поощряли развитие отраслей производства в своих кланах, как, например, хлопчатобумажное прядение и выработку специальных шелковых тканей. Военское сословие постепенно пришло к выводу, что оно может избавиться от купеческой зависимости, только следуя примеру того же купечества» (Sansom, op. cit., p. 512). Эта тенденция к установлению клановых монополий была настолько очевидной, что бросалась в глаза наблюдательному иностранцу. С. Уэллс Вильяме, один из первых миссионеров в Китае, который сопровождал Перри в Японию в качестве переводчика, писал: «Удельный вес богатых людей является, видимо, небольшим, и богатство в основном принадлежит классу дворянства или сторонникам системы монополий, которые либо подчиняют, либо приспособливают производство народных масс к своим собственным нуждам и выгодам» (Richard Hildreth, *Japan As It Was And Is*, Boston, 1855, note by S. W. Williams in the Appendix «Products of Japan», p. 561).

О военном характере индустриализации Орчард пишет: «Первоначально новые отрасли промышленности привлекли внимание крупных феодальных владык своими возможностями усиления обороны страны» (John E. Orchard, *Japan's Economic Position*, New York 1930, p. 92).

34

34 Мы можем установить это на основании имеющихся данных, показывающих увеличение или снижение налога по префектурам в течение переходного периода 1868–1873 гг., то есть до пересмотра земельного налога и после него. Так как метод взимания и ставки налога оставались, по существу, неизменными в течение этого переходного периода, можно вполне допустить, что там, где налог был высоким в этот период, он был соответственно высоким и в последние годы сёгуната. В приведенные ниже данные включены префектуры, число имений, ранее расположенных в префектурах, общие сведения о налоге в этих префектурах при старом режиме и об абсолютном увеличении или уменьшении земельного налога после налоговой реформы. Если мы обратимся к префектурам, в которых были расположены крупные «внешние» кланы, то увидим следующее: в Ямагути (на территории, прежде составлявшей Тёсю) налог был очень тяжелым при старой системе и уменьшился на 118 970 иен после налоговой реформы. В Коти (на бывшей территории клана Тоса) хотя налог

и был более равномерно распределен, но был чрезвычайно тяжелым; его уменьшили на 390 879 иен. В Кагосима (на территории Сацума), хотя здесь существовали различные налоговые ставки, все эти ставки были очень высокими и сумма налога была снижена на 283 093 иены. Эти сравнения станут еще более красноречивыми, если мы учтем данные указанной таблицы, свидетельствующие о том, что в большинстве префектур поземельный налог эпохи Мэйдзи (включая местный налог) не уменьшился после налоговой реформы 1873 г. по сравнению со старой системой, которая существовала при Токугава и продолжала действовать до 1873 г. Вышеуказанные данные взяты из таблицы в книге: Адзума Тосаку, Мэйдзи дзэнки носэй си-но сё-мондай (Вопросы истории аграрной политики в первой половине эры Мэйдзи), Токио, 1936, стр. 57–60. В целом о проблеме налога после реставрации см. ниже, гл. V.

35

35 Крестьянские восстания и городские мятежи (ути-коваси), направленные против клановых монополий, часто упоминаются в исследованиях по крестьянским восстаниям, происходившим в период Токугава (Hugh Borton, Peasant Uprisings in Japan of the Tokugawa Period, Transactions of the Asiatic Society of Japan, Second Series, vol. XVI, Tokyo, 1938, p. 25–26). На Кюсю в 1811–1812 гг. вспыхнули восстания против «чиновников, которые действовали заодно с местными купцами в целях взаимного обогащения» (там же, стр. 19). Одним из наиболее общих требований, выставленных восставшими крестьянами, было требование об упразднении системы монополий (там же, стр. 71–72, 75–76, 179 и в других местах).

36

36 В официальной истории периода Мэйдзи, написанной профессорами Фудзии Дзинтаро и Мория Хидёсукэ, — «Мэйдзи дзидай» («Период Мэйдзи»), которая составляет 12-й том из серии «Сого нихон си тайкэй» («Синтез японской истории»), Токио, 1934, на стр. 524 категорически утверждается, что эти восстания не имели революционного значения, причем под революционным подразумевается преднамеренная попытка свержения правительства. Совершенно естественно, что невозможно судить о действительных политических мотивах участников этих восстаний,

кроме как по тем лозунгам и требованиям, которые выдвигались ими в период восстаний. Пожалуй, можно сказать, что эти возмущенные крестьяне не ставили перед собой определенных политических целей, но их стремления, направленные на снижение феодальной дани, частично увенчавшиеся успехом в 1873–1877 гг., когда были проведены налоговые реформы, безусловно были одним из звеньев народной борьбы против феодального гнета. Проф. Кокусё, видимо, расходится с проф. Фудзии и проф. Мория в своей оценке этих восстаний, когда он утверждает, что некоторые самураи (не крестьяне), оказавшись не у дел при новом режиме, мечтали о возвращении к тому общественному строю, где воинский класс был цветом общества. (Кокусё Ивао, Мэйдзи сэнэн хякусё икки (Крестьянские восстания в начале периода Мэйдзи), «Мэйдзи исин кэйдзай си кэнкю» («Исследование экономической истории реставрации Мэйдзи»), издано Хондзё Дзинтаро, Токио, 1930, стр. 712–713.) Попытки некоторых самураев использовать крестьянские восстания для осуществления своих собственных целей (успех таких восстаний задержал бы прогрессивное развитие нового режима) могут быть названы контрреволюционными или по меньшей мере реакционными. Более точное указание на попытки самураев возглавить крестьянское движение и таким путем достичь своих собственных целей имеется в книге Ёсикава Хидедзо, Мэйдзи сэйфу-но сидзоку дзюсан (Политика правительства Мэйдзи по обеспечению занятости самураев) в «Мэйдзи исин кэйдзай си кэнкю», стр. 580.

37

37 Интересные личные наблюдения Гриффиса приводит Мазельер (La Mazeliere, *op. cit.*, vol. V, pp. 98-100). Выступая якобы в защиту губернатора в Бинго, крестьяне подняли восстание в этой местности в 1871 г., «громя дома сёя (старост) и богатых людей» (Borton, *op. cit.*, p. 127).

В префектуре Окаяма крестьяне потребовали восстановления в правах бывшего князя (то есть даймё) и снижения налогов (G g e gory Wilenkin, «The Political and Economic Organization of Modern Japan», Токуо, 1908, p. 14).

Характерно, что эти крестьянские восстания), каким бы ни был непосредственный повод для их возникновения, будь то удаление из клана феодала, пользовавшегося хорошей репутацией, эмансипация касты «эта», отделение буддийской религии от государства, введение закона о всеобщей воинской повинности, создание правительственных школ — все они всегда сопровождались не-

изменным припевом: «Сократите наши налоги!»

38

38 Многие священники более фанатически настроенных религиозных сект, таких, как Дзёдэ и Синею, выступали против антиклерикальной политики нового режима. Самураи клана Айдзу (один из кланов Токугава, с которым наиболее сурово обошлось новое 108 правительство) распространяли среди крестьян слухи о том, что новое правительство выступает против буддийской религии. Таким образом, они сделали вопрос о буддизме главным объектом политической борьбы, стремясь таким путем поднять сельское население против правительства, за восстановление старого режима. Наиболее серьезное религиозное восстание вспыхнуло в Этидзен в 1873 г. Неурожай или какое-нибудь стихийное бедствие легко могло быть представлено как справедливая кара за антирелигиозную политику нового правительства (Кокусё, цит. соч., стр. 721–722).

39

89 Не может быть, чтобы все самураи просто ждали благоприятного случая для свержения нового режима. Огромное большинство самураев, и притом самые активные, были лояльны по отношению к новому правительству и прилагали все усилия к тому, чтобы устроить на работу своих менее удачливых коллег по клану. Хотя проф. Кокусё утверждает, что самураи пытались сознательно направить крестьянское движение против Правительства, он оговаривается, что такой крестьянско-самурайский союз был бы обречен на провал, потому что интересы этих двух классов не совпадали (Кокусё, цит. соч., стр. 712–713). Действительно, вооруженное восстание недовольных самураев против правительства вспыхнуло сначала в Сага в 1874 г., под руководством Это Симпэй, затем в Тёсю, под руководством Маэбара Иссэй. Самым крупным было Сацумское восстание 1877 г., которым руководил Сайго Такамори. Все эти восстания представляли собой явно реакционное движение, и поддерживали их почти исключительно одни самураи. Таким образом, мы видим, что самурайство было далеко не однородным классом; некоторые из самураев — сравнительно небольшое число их — стали фактически лидерами в новом правительстве, другие занялись торговлей и финансовой деятельностью, причем очень немногие из них

добились успеха. Многие нашли себе применение в качестве мелких чиновников в правительственном аппарате, начальников полиции, армейских офицеров. Значительная часть самураев сделалась учителями, адвокатами, публицистами и научными работниками. Другая значительная часть этого класса превратилась в бедных крестьян, ремесленников и даже рабочих.

40

40 Это узаконение высокого уровня феодальной дани послужило поводом для ожесточенных крестьянских восстаний в начале периода Мэйдзи. Одним из наиболее ярких примеров подобных восстаний является восстание в Такасаки, в имении феодального князя Мацудайра (в современной префектуре Гумма). В этом имении существовала в течение 20 лет исключительно высокая норма подати, по которой восемь частей сбора шло владельцу клана и лишь две части — крестьянину. Эта же норма была узаконена и введена в действие правительством Мэйдзи, в результате чего возник ряд крестьянских восстаний в районе Такасаки в августе 1869 г. (Цутия Такао и Оно Митиё, Мэйдзи сёнэн номин содзё року (Хроника крестьянских восстаний в первые годы эры Мэйдзи), Токио, 1931, стр. 42–43).

Аналогичное движение за снижение феодальной рисовой дани возникло в Хёго в ноябре 1870 г. (там же, стр. 309), в Ойта в 1871 г. (стр. 576), в Миэ в том же году (стр. 271), и одним из самых крупных восстаний подобного рода было восстание в префектуре Акита в 1872 г. (стр. 93).

41

41 Это иллюстрируется следующей таблицей (Хирано, Нихон сихонсюги сякай-но кико (Структура японского капиталистического общества), 1934, Токио, стр. 274:

Доля продукции	В период Токугава, %	Во время налоговой реформы 1873 г., %	Во время снижения налога 1878 г., %
Государству	37 (37)	34	30
Помещикам	28 (20)	34	38
Арендаторам	35 (43)	32	32
	100	100	100

Само собой разумеется, что под долей государства в период Токугава подразумевается доля феодалов. Подсчеты этого распределения продукции в период феодализма автор сделал на основе анализа данных Оно Такэо, изложенных в его труде «Токугава дзидай-но нока кэйдзай» («Экономика крестьянских хозяйств в период Токугава»), стр. 83. Параллельные цифры, взятые в скобки в первом столбце, основаны на исследовании арендной платы и налога в поздний период Токугава по шести провинциям, произведенном Кобаяси Хэйдзаэмон, — «Токугава дзидай-ни окэру номин-но содзэй то косаку-ре гаку» («Налог и арендная плата крестьян в период Токугава») и напечатанном в «Ноге кэйдзай кэнкю» («Исследование сельскохозяйственной экономики»), том IV, № 3.

Следующая таблица распределения продукции в начале периода Мэйдзи также подтверждает процентные отношения, приведенные в вышеуказанной таблице. Кроме того, она показывает дальнейшее увеличение доли помещиков при распределении сельскохозяйственной продукции в последующие годы периода Мэйдзи:

Доля продукции	1873 г. (год реформы земельного налога), %	Средний про- цент за 1874—1876 гг.	1877 г. (год после снижения земельного налога), %	Средний про- цент за 1878—1882 гг.
Государству .	34	13	18	10
Помещикам .	34	55	50	58
Арендаторам .	32	32	32	32

Эти цифры заимствованы из книги: Цутия Такао и Окадзаки Сабур о, Нйхон сихонсюги хаттацу си гайсэцу (Краткий исторический очерк развития японского капитализма), Токио, 1937, стр. 68.

42

42 Так, например, во время религиозных восстаний в Фукуи в 1873 г. народ воспользовался создавшейся обстановкой, для того, чтобы сжечь архивы с купчими на землю и разграбить дома 110 ростовщиков и богатых купцов (Цутий и Оно, Мэйдзи сэнэй номин содзё, року, стр. 243).

43

43 Цифры заимствованы из книги «Мэйдзи тайсё носон кэйдзайно хэнсэн («Изменения в сельскохозяйственной экономике в периоды Мэйдзи и Тайсё»), составленной и изданной Такахаси Камекити, Ямада Хидзё и Накахаси Мотоканэ, Токио, 1926, стр. 151.

44

44 Хонда Римэй (или Тосиаки) — один из первых японских мыслителей периода Токугава, осознавший необходимость участия во внешней торговле и отказа от изоляции, с исключительной ясностью понимал, во что обходится изоляция и как она пагубно отражается на сельском хозяйстве. Не обладая какими-либо знаниями в области западной политической экономии, этот мыслитель выдвигал те же аргументы, которые так часто повторяли европейские меркантилисты. Так, в конце XVIII в. Хонда писал: «Так как Япония является страной, окруженной морями, первой заботой ее правителя должно быть развитие судоходства и торговли. Посылая свои суда во все страны мира, Япония должна ввозить такие товары, которые ей необходимы, а также золото, серебро и медь для пополнения своих запасов. Наша страна будет становиться все слабее и слабее, если она остановится на политике удовлетворения своих потребностей исключительно за счет своих собственных продуктов. Чем слабее страна, тем тяжелее бремя, налагаемое на крестьян, в результате чего крестьянское население становится очень бедным». Цитируется по книге Хондзё (Honjo Eijiro, *Japan's Overseas Trade in the Closing Days of the Tokugawa Shogunate*, «Kyoto University Economic Review», April, 1939, vol. XIV, № 2, p. 4).

45

45 Оно Такэо, *Нихон сонраку си гайран* (Краткая история японской сельской общины), Токио, 1936, стр. 373. Официально название старост было изменено, но функции их часто оставались те же. Например, старые названия сельских старост — сёя, нануси, тосиёри — были упразднены в мае 1872 г. и заменены словом «коте» (староста) и «фуку-котё» (заместитель старосты). Но так же, как и в старое время, эта сельская верхушка состояла из богатейших купцов, крестьян или ростовщиков данного района, которые использовали свое официальное положение не всегда в бескорыстных целях.

46

46 В 1869 г. правительство освободило даймё от обязанности содержать самураев и начало выплачивать последним стипендию из государственных доходов, но по сниженной норме (La Maze-Mere, *op. cit.*, vol. V, pp. 124–125).

47

47 Tsuchiya, *An Economic History of Japan*, p. 239.

48

48 Одним из признаков их незрелости по сравнению, например, с французским купечеством в период революции является отсутствие даже такого ограниченного органа политического представительства, как Генеральные штаты, которые сыграли такую важную роль на первой стадии французской революции. В Японии не было подобного органа, за исключением, пожалуй, хан гимин (народное собрание) в клане Тоба. Среди предложений, представленных правительству Мэйдзи во время его образования, клан Тоба внес пункт о создании национального собрания по типу его собственной административной организации. Последняя состояла из хан гиин (кланового собрания) во главе с гите (председателем собрания), фуку-тё (заместителем председателя) и гиин кандзи (секретарем собрания). Интересно, что эта административная организация включала в себя гимин, или народное собрание, во главе с гимин-тё (председателем). Это собрание, по всей вероятности, являлось объединенным органом самурайства и народных представителей, причем последними, скорее всего, являлись купцы и зажиточные землевладельцы. Клан Тоба был одним из наиболее слабых. Однако его близость к городу Кёто, где развитие денежной экономики было наиболее значительным, могла сделать позиции купечества этого клана исключительно прочными по сравнению с другими кланами.

49

49 Ёсикава Х., Мэйдзи сэйфу-носидзоку дзюсан, в «Мэйдзи кэйдзай си кэнкю», стр. 580 и сл. Даже после возвращения императору

в 1869 г. прав на землю князя были оставлены во главе населения своих прежних кланов, но уже в качестве лиц, назначенных правительством. Положение самураев, однако, еще не стало предметом особых забот правительства. Центральное правительство начало уделять более серьезное внимание этому вопросу в 1871 г. в связи с упразднением кланов и образованием префектур. Правительство использовало максимальное количество самураев в префектуральных и муниципальных органах (Ёсикава, цит. соч., стр. 590), чтобы облегчить разрешение этой проблемы. Правительство издало в декабре 1871 г. закон о свободе профессий (там же, стр. 590). Этот закон положил конец существованию самурайства как отдельной привилегированной касты. В следующем году последовала «добровольная» замена рисовой стипендии денежной (там же, стр. 592). Был разработан проект переселения самураев на Хоккайдо, но он не имел успеха (там же, стр. 594). Большинство планов, предусматривавших поселение самураев на земли, успеха не имело. Например, в префектуре Окаяма из 144 самураев, занимавшихся освоением новых земель, почти ни один не остался работать на этой земле (там же, стр. 594–595). Когда правительство в 1876 г. приступило к принудительной капитализации пенсий, в Японии было уже большое количество самураев, не имевших средств к существованию (там же, стр. 595). Инфляция, последовавшая вслед за Сацумским восстанием 1877 г., непригодность самураев к торговле и финансовой деятельности наряду с крайней ограниченностью средств, которые они получили взамен своих скудных пенсий, — все это поставило самураев, за исключением некоторых, пользовавшихся покровительством правительства, в очень тяжелое положение. Однако наиболее предприимчивые из них, а также те, которые получили большую пенсию, стали первыми владельцами предприятий, созданных в области прядения, ткацкого дела, производства чая и спичек (там же, стр. 624–625).

50

50 Некоторые из наиболее выдающихся людей начала периода Мэйдзи пали жертвой этих кровавых выступлений самурайства. Жертвами этих покушений были: Омура Масудзиро, прославившийся в рядах кихэйтай заместитель военного министра в правительстве Мэйдзи, убитый самураем его же клана в 1869 г.; государственный советник Ёкои Сёнан, убитый в том же году за свои либеральные взгляды; Хиродзава Санэтоми, санги, или государственный советник, убитый в феврале 1871 г.; было также совер-

шено покушение на жизнь Ивакура в 1874 г.; в ходе Сацумского восстания 1878 г. был убит Окубо.

51

51 Следует отметить инцидент, связанный с формозской экспедицией, сущность которого заключалась в том, что глава экспедиции Сайго Ёримити отправился в плавание вопреки инструкции правительства. В апреле 1874 г. правительства Великобритании и Соединенных Штатов заявили протест японскому правительству по поводу намечавшейся экспедиции. Терасима, который заменил Соэдзима на посту министра иностранных дел, опасаясь дипломатических осложнений, послал Окубо в Нагасаки, чтобы приостановить экспедицию. Сайго отказался подчиниться, заявив, что он берет на себя полную ответственность. После успешного завершения экспедиции Сайго вернулся в Японию. Уже в этом раннем периоде намечалась тенденция некоторых военных лидеров «бряцать оружием» (R. H. Akagi, *Japan's Foreign Relations, 1542–1936*, Токуо, 1936, p. 71–72, а также N. Ariga, *Diplomacy, «Japan by the Japanese, A Survey by Its Highest Authorities»*, London, 1904, p. 168, ed. A. Stead).

52

52 Европейцы часто не могут понять, почему виновника гражданской войны, Сайго, в современной Японии ставят в пример как образец лойяльности. По словам Сайго, он только пытался освободить императора от «бесчестных министров»; его политика может быть истолкована отчасти как выражение самурайского недовольства, а отчасти как типичное феодальное сепаратистское движение, в котором лойяльность по отношению к клану сталкивалась с лойяльностью по отношению к центральному правительству. Интересно отметить, что Симадзу из Сацума всегда проявлял подозрительность и враждебность по отношению к своему вассалу Окубо, являвшемуся стойким приверженцем централизованного правительства, и доброжелательно относился к традиционной лойяльности своего другого вассала — Сайго. Сайго и его господин Симадзу ожидали, что реставрация создаст своего рода федерацию кланов под эгидой императора, в которой клан Сацума занимал бы самое влиятельное положение. Федерализм представлял собой очень сильное течение в начале периода реставрации Мэйдзи, что наиболее ярко выражено в письме не-

коего Номура от 10 ноября 1867 г., написанном по-французски на имя графа де Монблан: «Я вам пишу это письмо для того, чтобы первым сообщить о победе. Подготовка была длительной, но мы действовали строго по программе, придерживаясь тех легальных методов, которые изложены в ваших книгах и выражены в ваших законах. Японская конфедерация под председательством микадо ныне перестала быть фантазией. Его величество микадо созовет в Кёто всех японских даймё, которые составят суверенную палату. Эта палата будет решать все общие вопросы. Вопрос об иностранцах будет с согласия микадо решаться на тех основаниях, которые уже приняты в кланах района Канто... Постановления федеральной палаты его величество микадо будет доводить до всеобщего сведения при помощи декретов и обращений». Это письмо помещено в книге: Maurice Courant, *Les Clans Japonais sous les Tokugawa*, vol. 15, Paris, 1903–1905, part 1, p. 76–77.

53

53 А. М. Pooley (*Japan at the Cross Roads*, London, 1917, p. 38) приводит несколько выдержек из японских источников для иллюстрации этого тезиса. «Бакуфу было заменено клановым правительством» (барон Сибудзава). «Была возрождена вера в микадо, способствовавшая усилению политических устремлений руководителей кланов, которые были отстранены от власти деспотической политикой сёгуната» (граф Созэзима). «Вместо Токугава у власти встали Сайго, Кидо и Окубо; произошла лишь замена лиц» (Хага).

Еще один японский автор описывал преобразования, последовавшие после реставрации Мэйдзи, в том же духе. «Когда была уничтожена феодальная система в Японии, на ее место была поставлена бюрократия, которая сохранила дух сёгуната. Не будет преувеличением сказать, что политические и социальные учреждения новой Японии являются лишь иным выражением токугавской системы» (цитируется по Allen, *op. cit.*, p. 64).

54

54 Вот что говорит Мазельер об этой кампании: «Вопреки всем трудностям руководители правительства неустанно подготавливали общественное мнение к этой важнейшей реформе; в июне 1871 г. они с этой целью основали газету «Симбун дзаси», статьи которой как по форме, так и по содержанию были глубоко рево-

люционны» (La Maze1iere, op. cit., vol. V, p. 95).

55

55 Два японских историка — специалисты по экономической истории Японии — устанавливают косвенную связь между этими самурайскими восстаниями и заменой самурайских рисовых пенсий денежными, проведенной на «добровольных» началах в 1873 г. и в*принудительном порядке в 1876 г. В качестве примеров проявления недовольства самураев они приводят покушение на жизнь Ивакура в 1874 г., восстание в Сага в том же году, восстание Симпурэн (тайного общества) в Кумамото в 1876 г., восстания в Хаги и Акидзуки (в которых принимал участие Маэбара Иссэй, один из лидеров бывшего кихэйтай клана Тёсю), инцидент в Симбаси, происшедший в том же году и, наконец, крупное Сацумское восстание 1877 г. (Цутя и Окадзаки, цит. соч., стр. 32).

56

56 A. Andreades, *Les Finances de l'Empire Japonaise et leur Evolution*, Paris, 1932, p. 36. Для того чтобы пояснить, как происходило это урегулирование долгов, Андреадес приводит выдержку из статьи редактора журнала «Economiste Europeen»: «К долгам даймё был установлен дифференцированный подход. Все долги, относившиеся к периоду до 1843 г., были объявлены не подлежащими уплате. Все долги, возникшие с 1844 по 1867 г. включительно, составлявшие в общей сумме 10 972 725 иен, были названы «старым долгом», который правительство взялось погасить ежегодными платежами в течение 50 лет. Долги же на сумму 12 422 825 иен, возникшие у даймё в переходный период с 1868 по 1871 г., были конвертированы в государственные облигации «нового долга», приносящие 4 % и подлежавшие погашению в течение 25 лет. Эти облигации были полностью выкуплены к 1896 г.»

57

57 Хирано Ёситаро, *Нихон сихонсюги сякай-но кико* (Структура японского капиталистического общества), Токио, 1934, стр. 268.

58

58 Среди наиболее богатых феодалов были Симадзу Тадаёси из Сацума и Мори Мотонори из Тёсю, капитализированные пенсии которых составляли 1 322 000 и 1 167 000 иен соответственно (там же, стр. 257). Некоторые из крупнейших плантаций на Хоккайдо были выкуплены прежними феодальными князьями, такими, как Хатисуга, Набесима и Курода (там же, стр. 258).

59

59 Horie, Outline of the Rise of Modern Capitalism in Japan, «Kyoto University Economic Review», Kyoto, vol. XI, № 1, July 1930, p. 104. Сравнительно высокий процент капитала, принадлежащего самураям, свидетельствует лишь о большом числе последних. Средняя капитализированная сумма на самурая была крайне незначительной, и ее едва хватало на существование. Таким образом, в отличие от даймё только немногие самураи получили достаточные суммы денег, чтобы стать банкирами, промышленниками или крупными землевладельцами. Следующая таблица показывает общее количество облигаций, находившихся в руках сидзоку в различных префектурах во время капитализации, а также количество акций, оставшихся в их руках 10 лет спустя (в 1884 г.)

Префектуры	Во время выпуска займа (1874 г.)	В 1884 г.
	в тыс. иен	
Киото	2 390	660
Айти	6 510	2 470
Нагано	2 200	660
Иватэ	940	70
Акига	2 700	250
Иенгава	8 120	1 630
Тонма	1 130	370
Тоттори	3 340	340
Окаяма	1 670	740
Хиросима	2 150	350
Вакяма	1 070	780
Фукуока	8 400	1 190
Итого	40 620	9 510

(См. Цутя и Окадзаки, цит. соч., стр. 33.)

Таким образом, в руках самураев этих провинций осталось только 23 % их капитализированной пенсии.

60

60 «В 1871 г. вследствие упразднения кланов и образования провинций правительство вынуждено было взять на себя все долги кланов. Идея превращения этих долгов в новые правитель-

ственные облигации принадлежит Сибудзава, японскому писателю того времени. В 1873 г. министерство финансов решило выпустить двоякого рода облигации, называвшиеся «Старые облигации» и «Новые облигации», а в следующем году оно постановило выдать облигациями пенсию за восьмилетний период тем сидзоку или самураям, которые откажутся от наследственных пенсий и согласятся получить вместо них облигации. Таким образом, в 1874 г. все наследственные пенсии были аннулированы и взамен них были выданы облигации кинроку. Однако сумма облигаций, выпущенных для этой цели, достигла огромной цифры — 174 млн. иен, и поэтому вопрос требовал более внимательного рассмотрения. Возникало еще одно опасение, что бароны и сидзоку, которые привыкли жить на свои пенсии, продав эти облигации, потеряют средства к существованию и в этом случае они могли стать источником нарушения общественного порядка».

Примечания

1

1. Tsuchiya, *Economic History of Japan*, p. 193. Автор указывает, что население Лондона, считавшегося самым крупным из западных городов, составляло от 500 тыс. до 700 тыс. человек в 1700 г. и 865 тыс. человек в 1801 г. Такидзава, говоря о населении Эдо, дает даже более высокую цифру: в 1723 г., согласно документу того времени, использованному Такидзава, население Эдо составляло 526 317 человек (не считая самураев), а в 1787 г. оно резко возросло — до 2 285 300 человек. Эти цифры, по-видимому, являются завышенными, что подтверждается подсчетами Такэкоси, данные которого очень близки к подсчетам Цутия, считавшего, что население Эдо составляло в конце XVIII в. 1 367 880 человек (Такэкоси Ёсабуро, *Нихон кэйзай си (Экономическая история Японии)*, Токио, 1935, том III, стр. 133).

2

2 «Конфискованное имущество включало 50 пар золотых ширм, 3 модели корабля, сделанные из драгоценных камней, 373 ковра, 10 050 кин золота, 273 крупных драгоценных камня и бесчисленное количество мелких, 2 ящика золота, 3 тыс. крупных золотых монет, 120 тыс. рё (таэлей) мелких монет, 85 тыс. кан серебром, 75 тыс. кан медными деньгами, 150 лодок, 730 складских помещений, 17 складов для драгоценностей, 80 амбаров, 80 складов под бобы, 28 домов в Осака, 64 дома в других местах, рисовую стипендию для одного даймё, состоявшую из 332 коку и 150 тёбу капари-сового леса» (Takizawa Matsuyo, *The Penetration of Money Economy in Japan*, New York, 1927, p. 103).

3

3 Процентная ставка гоёкин в начале периода Мэйдзи составляла полтора процента в месяц: заем этот гарантировался земельным налогом (Honjo Eijiro, *The Social Economic History of Japan*, Kyoto, 1935, p. 335–336). Этот же автор приводит таблицу, показывающую основную сумму гоёкин и процент от него (там же, стр. 336).

4

4 «Действительно, положение арендаторских хозяйств является далеко не удовлетворительным, так как, согласно обследованию, произведенному в 1887 г., из каждых десяти долей урожая орошаемых полей по всей стране землевладельцы получают около шести долей, а крестьянин-арендатор — только четыре, тогда как в отношении суходольных полей эта пропорция составляла $4\frac{1}{2}$ части и $5\frac{1}{2}$ частей соответственно... Неуклонный рост населения, значительно опережающий рост площади обрабатываемой земли... способствует повышению арендной платы, так как арендаторы должны конкурировать между собой из-за аренды... В некоторых случаях доля урожая, которая остается крестьянам-арендаторам, недостаточна для того, чтобы покрыть стоимость удобрений, примененных на этих полях («Japan at the Beginning of the Twentieth Century», Токуо, 1904, р. 90, опубликовано японской императорской комиссией на Лозаннской торговой выставке).

5

5 Более детальные данные по этому вопросу см. Shibusawa Eiichi, *Development of Banking in Japan*, «Fifty Years of New Japan», vol. I, p. 487–488. Тесные связи этих крупных финансовых домов с правительством поддерживались и усиливались в период Мэйдзи. Этот же автор пишет: «Семейства Оно и Симада играли очень важную роль в финансовых делах сегуна и различных даймё, и даже после реставраций они имели очень тесные связи с правительством и обществом» (там же, стр. 496).

6

6 S. Uyehara, *The Industry and Trade in Japan*, London, 1936, p. 271 (исправленное издание). См. также S. D o k e, *Economic Developments in Japan since the Meiji Restoration from its Statistical Point of View*, «Bulletin de l'Institut International de Statistique», t. XXV, 2-ieme livraison, Токуо, 1931, p. 224. Этот же автор пишет, в частности: «Общее число компаний в 1884 г. составляло 2392, из которых 1094 являлись банковскими (sic!)» (р. 223).

7

7 R. Ishii, *Population Pressure and Economic Life in Japan*, London and Chicago, 1937, p. 26.

8

8 G. C Allen, Concentration of Economic Control in Japan, «Economic Journal», London, June, 1937, pp. 271–286.

9

9 Dumolard Henry, Le Japon Politique, Economique et Social, Paris, 1905, p. 151. «В подобных условиях не удивительно, что большая часть мелких компаний сводила свой годовой баланс с убытком, как это явствует из прилагаемой таблицы, которая относится к прядильным предприятиям.

Следует отметить, что недостаток капитала особенно остро ощущается в чисто японских отраслях промышленности» (Dumolard, p, 151–152).

Годы	Общее число компаний	Число компаний, имеющих дефицит	Число компаний, имеющих убыток
1893	40	29	11
1894	45	28	17
1895	47	41	6
1896	63	41	22
1897	74	33	41
1898	72	42	30
1899	70	30	40
1900	70	27	43
1901	70	25	45

10

10 «Влияние дзайбацу (финансовой клики) распространяется далеко за пределы концернов, которые они прямо или косвенно контролируют. Это достигается несколькими методами... Во-первых, посредством контроля над кредитами страны они имеют возможность диктовать свою политику своим должникам. Во-вторых, благодаря деятельности своих торговых компаний они имеют возможность подчинять себе не только крупные фирмы, которые сбывают свои товары через эти каналы, но также и множество мельчайших производителей, местных агентов и торговцев, которые зависят от этих торговых компаний как по оборотному капиталу, так и по способам проникновения на рынки» (G. C. Allen, Concentration of Economic Control in Japan, «Economic Journal», London, June, 1937, p. 278).

11

11 Эти подробные данные о внешних займах заимствованы из статьи: Y. Sakatani, Introduction of Foreign Capital, «The Far East» (английское издание журнала «Кокумин-но томо»), vol. II, № 9, September, 1897, p. 399. Другой автор приводит эти цифры в иенах, а именно: первый заем 4880 тыс. иен, второй заем 11 712 тыс. иен (Kinosita Yetaro, The Past and Present of Japanese Gommerce, New York, 1902, p. 119).

12

12 Некоторое представление о финансовом положении правительства в первые годы реставрации могут дать следующие цифры:

Годы	Правительственные доходы (в иенах)	Правительственные расходы (в иенах)
1868	3 665 000	30 505 000
1869	4 666 000	20 786 000

Дефицит покрывался главным образом за счет гоёкин (принудительных займов) крупных купцов (F. F. Evrard, Coup d'Oeil sur le Situation Financiere du Japon, «The Far East», Tokyo, September, 1897, vol. II, № 20, p. 406).

Более полная таблица, показывающая «чрезвычайные» доходы, такие, как принудительные займы и банкноты дадзёкан, относящиеся к периоду 1868–1871 гг., приводится в книге Хондзё (Honjo, op. cit., p. 333).

13

13 Baron Oura Kanetak e, The Police of Japan, «Fifty Years of New Japan», vol. I, pp. 281–282. «Вскоре после реставрации страна была ввергнута в водоворот беспорядков... В различных местах вспыхивали восстания; кровопролития и грабежи держали население в состоянии постоянного опасения и тревоги. Создание полицейских сил являлось самой актуальной задачей в то время. Понимая это, правительство в первом же году Мэйдзи 1868 г.) создало такие силы под названием «ситю торисимари», или городской полиции, в г. Эдо (Токио); лица, которые исполняли полицейские функции

при старом правительстве, были призваны выполнять эту же работу и при новом правительстве. Однако эти силы были вскоре распущены и для несения службы в городской полиции были набраны солдаты из различных кланов. В следующем году 1869 г.) эти солдаты были организованы в бригаду фухэй, или «городскую охрану», находившуюся под контролем губернатора префектуры Токио. В 1871 г. произошло дальнейшее изменение: «городская охрана» была распущена, а для несения службы по охране горожан было набрано 3 тыс. расоцу (патрулей). Таким образом в нашей стране впервые стала формироваться полиция».

14

14 Цутияи Окадзаки, Нихон сихонсюги хаттацу-си гайсэцу (История развития японского капитализма), Токио, стр. 145. Контракт на постройку этого судостроительного завода был заключен в 1865 г. с талантливым специалистом и управляющим Верни (Verny), работавшим под руководством французского полномочного министра Леона Роша. Строительство этого завода должно было продолжаться в течение четырех лет и оценивалось в 2 400 тыс. пиастров (иен?); на нем должны были работать 2 тыс. рабочих. Фактически строительство началось в 1837 г. и было закончено только в 1871 г.; несмотря на революцию 1868 г., Верни добросовестно исполнял свои обязанности на службе у нового правительства, согласно условиям заключенного контракта.

15

15 Furukawa Junkichi, Mining, «Fifty Years of New. Japan», vol. I, p. 610.

16

16 Фурукава приводит фамилии наиболее известных иностранных специалистов и советников; в числе их были англичане, французы, немцы и американцы (там же, стр. 609).

Среди наиболее значительных предприятий горнодобывающей промышленности, отобранных у бакуфу или у клановых властей правительством Мэйдзи, не считая тех, которые были упомянуты выше, находились серебряные копи Икуно, конфискованные у бакуфу в 1868 г., и золотые копи Садо, конфискованные

у бакуфу в 1869 г., серебряные копи Кодзака (1869 г.), угольные шахты Такасима (1872 г.), золотые копи Дайкацу и Маяма (1873 г.) и железные рудники Камаиси, отобранные у различных кланов. Угольные шахты Миикэ сначала принадлежали клану Миикэ; при новом режиме они были вначале предоставлены в пользование сидзоку (бывших самураев) в качестве средства улучшения их экономического положения, но затем были конфискованы правительством. В области промышленности, помимо заводов, упомянутых выше, следует указать на металлургический завод Ёкогама и механический завод Акабанэ, включавший плавильные заводы; эти два завода были переданы кланом Сага бакуфу и затем конфискованы правительством Мэйдзи. Прядильная фабрика Сакай, которая когда-то принадлежала клану Кагосима, была отобрана правительством в 1872 г. (Хориэ Ясудзо, Нихон сихонсюги носэйрицу, Токио, р.245–246).

Перечень одиннадцати рудников и шахт, конфискованных правительством, а также даты их продажи частным лицам приводятся Цутя и Окадзаки в цит. соч., стр. 151–152.

17

17 Мы здесь подчеркиваем обратный порядок промышленного развития, а не порядок или последовательность промышленного переворота, который в Японии начался, в лучшем случае, только с 1880 г., когда бурно развивалась текстильная промышленность.

18

18 Первая прядильная фабрика с машинным оборудованием была основана кланом Сацума в Кагосима. Симадзу Тадаёси (1840–1897), сын Хисамицу, в марте 1864 г. поручил двум ёнинам клана, Синнон Хисанага и Годай Томоацу, закупить в Европе прядильные машины. Эти машины прибыли в Японию в 1866 г., и фабрика была готова к пуску в 1867 г. Управляющим этой фабрики был англичанин, который имел шесть помощников той же национальности и двести японцев, работавших под его руководством (Цутя и Окадзаки, цит. соч., стр. 267).

19

19 J. E. Orchard, Japan's Economic Position, New York, 1930, p. 92.

20

20 Yosio Honyden, *Der Durbruch des Kapitalismus in Japan*, «Weltwirtschaftliches Archiv», Jena, Band 46, Heft 1, S. 32, July, 1937. Цутия и Окадзаки утверждают, что шелкомотальная абрика Маэбаси находилась под руководством швейцарских специалистов, а фабрика Томиока в Гумма — под руководством французов (цит. соч., стр. 299–300).

21

21 Страстное желание японских лидеров догнать западную технику, в особенности в наиболее важных отраслях промышленности, выражено в следующих словах Окубо, сказанных им после посещения прядильной фабрики в Кагосима в 1869 г.: «Я поехал в Кагосима, чтобы посмотреть прядильный станок Исо; он работает удивительно плавно и точно, и никакими словами нельзя описать это. Такая огромная разница, существует между знаниями иностранцев и нашими собственными, что заставляет нас краснеть от стыда» (цитируется по Хориэ, *op. cit.*, p. 253)

Роль иностранных экспертов в индустриализации Японии описывает Орчард (*Orchard, op. cit.*, p. 90 et seq.).

22

22 В период, когда преобладала государственная инициатива в развитии промышленности, каждая деталь финансового, политического или технического порядка подлежала изучению и одобрению правительства. Органом такого контроля являлся недолговечный, но исключительно важный и успешно действовавший кобусё (министерство промышленности). В задачу этого органа входило: 1) создание института для технического образования; 2) поощрение развития различных отраслей промышленности посредством соответствующих наград и содействие процветанию промышленного производства; 3) контроль и управление всеми предприятиями горной промышленности; 4) строительство и ремонт всех железнодорожных и телеграфных линий, а также маяков; 5) строительство и ремонт военно-морских и торговых судов; 6) налаживание обогащения и плавки медной, железной и свинцовых руд для использования металла в различных предприятиях, а также организация машиностроительной промышленности;

7) организация сухопутных и морских обследований. См. Кобусё энкаку хококу (Докладная записка по истории министерства промышленности), «Мэйдзи дзэнки дзайсэй кэйдзай сирё сю-сэй», т. XVII, стр. 10–11.

Недолго просуществовавшее кобусё 1870–1885 гг.) играло роль необходимого координирующего органа в процессе индустриализации, инициатором которой выступало правительство. Новое министерство, носёбусё, созданное в 1881 г., осуществило постепенный переход промышленных предприятий в частные руки, а также осуществляло такой вид покровительства, который соответствовал изменившимся условиям.

23

23 Цутия и Окадзаки, цит. соч., стр. 152. Правительство передало, кроме того, в частные руки следующие предприятия: судостроительный завод Хёго, предоставленный в аренду Мицубиси в 1883 г. и проданный компании Кавасаки в 1886 г., горные рудники Накакосака, проданные компании Сакамото в 1884 г., а также серебряные копи Косака, проданные компании Фудзита в 1886 г. (Кобаяси Ёсимаса, Нихон сангё но косэй (Структура японской промышленности), Токио, 1935, стр. 103–104).

24

24 Следующая таблица показывает, по каким низким ценам были проданы эти предприятия. Продажная цена сопоставляется с расходами министерства промышленности по данному предприятию.

Наименование компании	Цена, по которой было передано предприятие, в иенах	Правительственные расходы, в иенах
Компания по производству цемента в Фурукэва . . .	250 000 (включая цену земли)	468 000
Шахта Инэй	75 000	195 000
Шахта Косака	200 000	547 000
Стекольный завод в Синагава	80 000	189 000

Примечания

1

1 Это количество арендованной земли (30 %) основано на выборочном обследовании, произведенном в это время и позже. Так, например, при обследовании восемнадцати префектур в 1883 г. площадь арендной земли составляла 34,2 % всей обрабатываемой площади; в этих же префектурах размер арендованной земли в 1887 г. достиг 38,09 % (Цуття Такао и Окадзаки Сабуро, Нихон сихонсюги хаттацуси гайсэцу (Очерк истории развития японского капитализма), Токио, 1937, стр. 220). Проверка в других шестнадцати префектурах, проведенная в 1884 г., показала, что размер арендованной земли составляет 39,8 % (там же, стр. 221). Другой подсчет, произведенный на основании изучения местных статистических данных, показывает, что в 1872 г., то есть в период, непосредственно предшествовавший реформе поземельного налога, арендованная земля составляла 30,6 % всей обрабатываемой площади (Хирано, Ёситаро, Нихон сихонсюги сякай но кико (Структура японского капиталистического общества), стр. 55).

2

2 Эта выдержка взята из «Тисо кайсэй рэйки энкаку сацуё» («Краткое изложение истории закона о реформе поземельного налога»), составленного окура-сё (министерством финансов) и приведенного в книге Оно Такэо, Исин носон сякай сирон (Исторический очерк о сельском обществе во время реставрации), Токио, 1932, стр. 189. Закон, изданный в сентябре 1871 г., установивший свободу выбора сельскохозяйственной культуры, явился также шагом вперед в направлении утверждения частной собственности на землю.

3

3 Вопрос о тикэн, или удостоверениях, относится к сложным юридическим вопросам и непосредственно не связан с нашей темой. Система тикэн сыграла роль строительных лесов при установлении системы частной собственности на землю. Так как этот вопрос не рассмотрен полностью в иностранной литературе, то, возможно, будет полезно привести некоторые сведения, относящиеся к этим удостоверениям, служившим доказательством права собственности на землю.

В декабре 1871 г. указом дадзёкан (Государственного совета) в Токио были упразднены так называемые букэдзи и тёдзи (самурайские земли и земли горожан), которые при правлении Токугава были освобождены от поземельного налога. Отмена этих прав явилась первым шагом в направлении официального признания данной земли в качестве собственности определенных лиц, которые в будущем должны были нести ответственность за уплату поземельного налога, установленного в соответствии со стоимостью этой земли. В январе следующего года 1872 г.) окура-сё (министерство финансов) направило инструкцию в Токио-фу, которая определяла принципы выдачи тикэн собственникам бывших букэдзи и тёдзи. Токио был избран в качестве первого пункта для применения этого эксперимента, так как частная собственность на землю была признана здесь значительно раньше. Несмотря на запрет отчуждения земли, впервые установленный в 1643 г., земля в Эдо совершенно свободно переходила из рук в руки в кругу купечества и самураев. Второй причиной для избрания именно этой местности послужило то, что раньше земля в Токио была освобождена от налога. Путем выдачи тикэн на землю правительство явно стремилось показать, что в будущем все подобные земли будут облагаться налогом. Эта предосторожность была предпринята с целью избежания каких-либо обвинений в пристрастном отношении.

Вторая партия тикэн была выдана 24 февраля того же года, всего через девять дней после отмены запрета на отчуждение земли. Удостоверения, или тикэн, теперь выдавались тем лицам, которые купили землю после утверждения нового режима; покупная цена была взята в качестве основы для первой оценки стоимости земли.

Выдача третьей партии тикэн состоялась в июле того же года, когда процесс установления частной собственности на землю был уже в полном разгаре и когда лица, обладавшие землей, но еще не получившие тикэн, всячески стремились добиться юридического признания своих прав на землю. На этот раз при вручении тикэн возникло множество осложнений в связи с тем, что было трудно определить, кто является собственником земли, в особенности в тех случаях, когда в течение последнего времени не заключались сделки на землю, и в этой неразберихе претензий и контрпретензий, совершенно естественно, имели место случаи мошенничества и властям приходилось прибегать к крутым мерам. Во всяком случае, не удивительно, что после окончания выдачи удостоверений осталось много недовольных людей, так как землевладельцы свое право на землю часто обосновывали не слишком точными записями, составленными на основе обычно-

го и традиционного права, которые хранились у деревенских старост (сёя или нануси). Последние, обладая «человеческими слабостями», конечно, сочувствовали больше помещикам, чем крестьянам, и прислушивались более к претензиям богатых ростовщиков и помещиков, чем к неясно сформулированным требованиям крестьян. Недовольство, возникшее на почве выдачи тикэн, в некоторых районах вылилось в гневные демонстрации и восстания.

Сельские общинные земли сначала были зарегистрированы как сельские земли, а в июле 1889 г. были объявлены государственной собственностью. (Все эти сведения взяты из книги: Оно Такэо, Исин носон сякай сирон (Исторический очерк о сельском обществе в период реставрации), в разделе «Тикэн сэйдо» («Система тикэн»), стр. 185–203.)

4

4 Принцип, которым руководствовались при оценке стоимости земли во время землемерной съемки, последовавшей после реформы налога, заключался в следующем: «официальную стоимость» земли определяли на основе среднего урожая с каждого участка за пятилетний период и на основании средней цены на рис, существовавшей в данной местности. Эта сумма затем капитализировалась и принималась за основу при определении поземельного налога. Кроме того, предусматривалась переоценка стоимости земли через каждые шесть лет, однако, как правило, это не выполнялось. Как видит читатель, этот принцип оценки стоимости земли не отличался коренным образом от феодального принципа взимания налога в зависимости от полученного с земли урожая. По этому вопросу см. Ono Yeijiro, *The Industrial Transition in Japan*, «Publication of the American Economic Association», Baltimore, January, 1890, vol. 2, № 1, pp. 32–33.

5

5 В официальном документе говорится по этому поводу: «При старом режиме [бакуфу] земельный налог взимался в соотношении 5:5 (то есть пять частей урожая шло феодалу или государству и пять частей крестьянам), однако были исключения, и часто это соотношение выражалось пропорцией 3:7 (три части государству и семь частей крестьянам). Но теперь земельный налог был установлен в размере 3 % стоимости земли, поэтому если взять уро-

жай за 100, то налог выразится в цифре 24 или 25, что означает снижение налога на 4–5 %» («Мэйдзи дзайсэй си» («История финансов периода Мэйдзи»), составленная и изданная Мэйдзи дзайсэй си хэнсан кай (Комитет по составлению истории финансов в период Мэйдзи), Токио, 1934, т. V, стр. 336). Если мы прибавим к земельному налогу местный налог в размере одного процента, то в действительности не будет почти никакой количественной разницы между старым феодальным и новым налогом.

В примечании 15 этой главы приводится таблица, показывающая долю урожая, получаемого правительством, помещиком и арендатором в переходные годы начала периода Мэйдзи.

6

6 «Предположим, что один тан земли дает урожай риса в размере одного коку и шести тё и что цена риса составляет 3 иены за коку; тогда валовой доход составит 4,8 иены. Если мы из этой суммы отнимем издержки производства, стоимость удобрения, семян и т. д., достигающие 72 сен, или 15 % всех издержек, а также поземельный налог в размере 122,4 сены и местный налог в размере 40,8 сены, то останется 244,8 сены». Таков теоретический подсчет, произведенный министерством финансов при изучении стоимости земли и средней цены производства. («Мэйдзи дзайсэй-си», цит. соч., т. V, стр. 346.)

Таким образом, один только поземельный налог, сумма которого немного более 1,22 иены, равняется $\frac{1}{4}$ валового дохода с участка земли, выраженного в деньгах (4,8 иены), что вместе с дополнительным местным налогом составляет немного больше 1,63 иены, или 30 % валового дохода.

7

7 В этих своеобразных условиях, когда налог вносился деньгами, а арендная плата натурой, преимущество было на стороне помещика, не обрабатывающего землю, а не крестьянина-собственника. Это можно проиллюстрировать следующим образом: у помещика остается арендная плата (рис) минус земельный налог (деньги). Таким образом, при постоянном размере поземельного налога его доля урожая зависит от размера сбора, текущих цен на рис и издержек производства (рыночной цены семян, удобрений, инвентаря и т. д.). Колебания цен и непредвиденные обстоятельства делают положение крестьянина-собственника бо-

лее уязвимым, чем положение помещика. Это является одной из причин распространения аренды во время периода Мэйдзи. О влиянии колебания цен на рис на разорение крестьян-собственников см. Miki Shozaburo, *The Labor Problem in Japan*, 1900, pp. 3–4 (неопубликованная рукопись, хранящаяся в библиотеке Колумбийского университета). Этот автор на стр. 4–5 приводит интересную таблицу, показывающую колебание цен на рис с 1873 по 1894 г., которую мы даем ниже.

ИНДЕКС КОЛЕБАНИЯ ЦЕН НА РИС В 1873–1894 гг.

ИНДЕКС КОЛЕБАНИЯ ЦЕН НА РИС В 1873–1894 гг.
(1873 г. принят за 100)

1873	100	1884	110
1874	152	1885	136
1875	149	1886	125
1876	107	1887	103
1877	111	1888	105
1878	133	1889	125
1879	166	1890	186
1880	220	1891	146
1881	221	1892	151
1882	184	1893	154
1883	131	1894	165

8

8 Эти цифры взяты из исследования немецкого специалиста по сельскому хозяйству Пауля Майе, приглашенного на службу японским правительством в качестве советника по сельскохозяйственному страхованию.

9

9 Эти общие суммарные сведения об ипотеках в Японии в 1881 г. подразделяются на данные по фу и кэн (городам и префектурам) с указанием количества те (одно те равняется 0,99 га), стоимости, согласно оценке земли, размера аванса и числа ипотек (Paul Mayet, *Agricultural Insurance*, перевод с немецкого Arthur Lloyd, London, 1893, p. 64).

10

10 Mayet, *op. cit.*, pp. 3–5. «Твердо установленный высокий поземельный налог, взимаемый деньгами, становится непосильным для земледельца, когда цены на рис падают ниже среднего уровня. В этих случаях крестьянин становится должником. Он может

получить только краткосрочный кредит под высокие проценты без права погашения его в рассрочку и не имея гарантии в том, что от него не потребуют внезапного погашения кредита, тогда как по своему характеру сельскохозяйственное производство требует долгосрочных кредитов под низкий процент с постепенным погашением капитала в рассрочку, а также гарантии против внезапного требования о возвращении всего капитала сразу. Из-за отсутствия подобных условий земледелец попадает в зависимость от ростовщика...»

«Так как в сельском хозяйстве Японии нет надлежащих условий для ипотеки, а также отсутствует страхование, оно не в состоянии справиться с высоким и твердо установленным денежным поземельным налогом. Десятки тысяч сельских жителей вследствие этого оказались разоренными в течение последних лет и безнадежно задолжали кровожадным ростовщикам, а сотни тысяч других крестьян неизбежно должны попасть в лапы ростовщиков в течение следующих десятилетий».

11

11 Цутя и Окадзаки, цит. соч., стр. 221. Так как за ранний период Мэйдзи имеется очень мало статистических данных, опубликованных на европейских языках, мы приводим здесь таблицу, из которой взяты вышеуказанные сведения.

Годы	Площадь, обрабатываемая самостоятельными производителями (в тб)	Арендная земля (в тб)	Всего (в тб)	% арендованной земли к общей площади обрабатываемой земли
1883 (по трем фу в 33 префектурах)	2 160 599,5	1 255 107,7	3 415 707,2	37,00
1887 (собственно Япония, включая Хоккайдо)	2 795 707,3	1 813 465,4	4 609 172,7	39,34
1892 (то же)	3 049 046,3	2 031 958,5	5 081 004,8	39,99

12

12 Цутя и Окадзаки приводят следующую таблицу; см. первую таблицу на стр. 182 (цит. соч., стр. 222):

Другой автор приводит данные об аренде земли, относящиеся к периоду после 1873 г. В 1873 г. эта земля составляла 31,1 %, в 1883 г. площадь арендованной земли увеличилась до 36,75 %, в

1887 г. она достигла 39,34 %, а в 1892 г. — 39,99 %. Следует отметить, что наибольший рост арендованной земли произошел сразу же после проведения реформы поземельного налога (А д з у м а - Т о с а к у, Мэйдзи дзэнки носэйси-но сё-мондай (Различные проблемы истории аграрной политики в начале периода Мэйдзи), Токио, 1936, стр. 89–90).

Годы	Число хозяйств земледельцев-собственников	Число хозяйств полуарендаторов	Число арендаторских хозяйств
1883 (по трем фу и 28 префектурам)	1 706 476	1 676 634	951 206
1888 (по трем фу и 28 префектурам)	1 477 722	2 000 345	954 498
Процент к общему количеству хозяйств			
1883	39,83	38,65	21,94
1888	33,34	45,13	21,53

Следует обратить внимание на резкое падение числа крестьян-собственников в этот период. Большое количество крестьян из категории крестьян-собственников, вероятно, перешло в категорию полуарендаторов-полусобственников, а не в категорию арендаторов, что является показателем зигзагообразного, неравномерного процесса экспроприации крестьянства в Японии. Цифровые данные об аренде за последние годы дает следующая таблица:

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЗЕМЛИ МЕЖДУ КРЕСТЬЯНАМИ-СОБСТВЕННИКАМИ И АРЕНДАТОРАМИ в 1910, 1920 и 1930 гг.

Хозяйства	Процент хозяйств		
	1910 г.	1920 г.	1930 г.
Крестьяне-собственники	33,4	31,3	31,1
Полуарендаторы	27,4	28,1	26,5
Арендаторы	39,2	40,6	42,3

Эта таблица взята из «Хомпо ногё ёран», Токио, 1931, стр. 33; эта таблица приводится также у Исии (I s h i i, Population Pressure and Economic Life in Japan, p. 154). Процентное отношение арендной площади с 1914 г. характеризуется следующими цифрами:

СООТНОШЕНИЕ ПОЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ И АРЕНДЫ ОРОШАЕМОЙ И НЕОРОШАЕМОЙ ЗЕМЛИ за 1914–1934 гг. (по площади, в %)

Годы	Орошаемые поля		Неорошаемые поля		Итого	
	собствен-ные	арендуе-мые	собствен-ные	арендуе-мые	собствен-ные	арендуе-мые
1914	49,0	51,0	60,1	39,9	54,5	46,5
1921	48,4	51,6	59,1	40,9	53,7	46,3
1926	48,9	51,1	59,8	40,2	54,2	45,8
1931	47,6	52,4	61,1	38,9	52,7	47,3
1934	46,8	53,2	60,1	39,9	52,9	47,1

Эта таблица взята из книги: Тохата Сэйити, Нихон нсгё-но тэн-кай катэй («Процесс развития японского сельского хозяйства»),

Токио, 1936 (пересмотренное и расширенное издание), стр. 74).

13

13 Общее число крестьянских хозяйств, обрабатывавших землю, в 1910 г. составляло 5 497 918, а к 1937 г. это число почти не изменилось, достигнув всего лишь 5 574 879. («Норин токэй» («Статистика по сельскому хозяйству и лесоводству»), опубликовано статистическим бюро министерства сельского хозяйства и лесоводства, Токио, 1939, сокращенное издание, стр. 18. См. также стр. 160).

14

14 «Следует также отметить в этой связи, что в Японии помещики должны платить только поземельные налоги; все другие расходы, связанные с земледелием, покрываются арендаторами. Таким образом, сельскохозяйственная рента в Японии, хотя и не может быть так высока, как в других восточных странах, является чрезмерной, если ее сравнить с арендной платой сельскохозяйственных стран Запада. Согласно данным, опубликованным в «Нихон ногё нэнкан» («Японский сельскохозяйственный ежегодник»), арендная плата в Японии в 7 раз выше арендной платы в Англии, в 3 1/2 раза выше, чем в Германии, почти в 4 раза выше, чем в Италии, и в 3 раза выше, чем в Дании и Голландии» (Ishii, *op. cit.*, p. 155).

15

15 Следующая таблица показывает распределение дохода с земли между государством, помещиками и арендаторами (в процентах).

	Государ- ству	Помещи- кам	Аренд- торам	Всего
Распределение при феода- лизме, когда в среднем 5 долей шло государству и 5 долей народу и ког- да налог взимался нату- рой	50	18	32	100
Начальные реформы поме- дельного налога (1873 г.)	34	34	32	100
1874—1876 гг., на основе средней цены риса . . .	13	55	32	100
После снижения налога в 1877 г. на основе цены риса в 1878 г.	12	56	32	100
1878—1887 гг., на основе средней цены риса . . .	11,5	56,5	32,0	100

Первая строка этой таблицы заимствована из книги Мори Киити, Нихон сихонсюги хаттацу си дзёсэцу (Введение к истории развития японского капитализма), Токио, 1934, стр. 167), остальные сведения — из книги Хирано (цит. соч., стр. 30). Здесь следует еще раз указать на то, что как во время налоговой реформы 1873 г.), так и во время снижения налога 1876 г.) происходило укрепление позиции помещиков. Положение за последние годы можно охарактеризовать следующим образом:

«Обследование показало, что если взять страну в целом, то 54 % урожая с арендной земли идет помещику» (Daniel H. Buchanan, Rural Economy in Japan, «Quarterly Journal of Economics», Harvard, vol. 37, August 1923, p. 571). Этот вывод отчасти подтверждается таблицей, составленной на основании тщательного исследования арендной платы, произведенного сельскохозяйственным бюро за период между 1915 и 1920 гг.

СРЕДНИЙ РАЗМЕР АРЕНДНОЙ ПЛАТЫ С ОРОШАЕМЫХ И НЕОРОШАЕМЫХ ПОЛЕЙ ПО ОТНОШЕНИЮ К ОБЩЕЙ СТОИМОСТИ ПРОДУКЦИИ, 1915–1920 гг. (в процентах)

Орошаемые поля

Поля	Чем выплачивалось	Максимально	Обычная	Минимальная
Поля с одним сбором урожая в год	Рис	53,3	51,0	46,0
Поля с двумя сборами урожая в год	Рис	57,4	55,0	52,9

Неорошаемые поля

Чем выплачивалось	Процент	Чем выплачивалось	Процент
Рис	40,0	Ячмень—бобы . . .	40,6
Бобы	35,0	Деньгами	27,6
Рожь	25,0		

В том же самом исследовании при определении наиболее распространенного размера арендной платы за 1915–1920 гг. было установлено, что средняя арендная плата для полей с одним сбором урожая в год составляла 50,2 %, а для полей с двумя урожаями в год—54,6 %; эти таблицы приводятся Ishii, op. cit., p. 156).

16

16 Кобаяси Ёсимаса, Нихон сангё-но косэй (Структура японской промышленности), Токио, 1935, стр. 257.

В 1919 г. общее количество фабрично-заводских рабочих составляло 1777171, из которых 911732, или немного более 50 %, составляли женщины. В 1924 г. в Японии насчитывалось 992 835 женщин-работниц из общего количества 1 789 618 рабочих, то есть опять-таки немногим более 50 % (эти цифровые данные взяты из «Нихон тэйкоку токэй нэнкан» («Статистический ежегодник Японской империи»), 1926, вып. 45, стр» 124.

СОСТАВ РАБОЧИХ В ТЕКСТИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ПО ВОЗРАСТУ И ПОЛУ

1899 г.				
	Мужчины	Женщины	Всего	Процент
Старше 14-летнего возраста	15 373	47 921	63 294	83,7
Моложе 14-летнего возраста	1 202	11 111	12 313	16,3
Всего	16 575	59 032	75 607	100,0
Процент	21,9	78,1	100,0	
1909 г.				
	Мужчины	Женщины	Всего	Процент
Старше 20-летнего возраста	13 317	27 141	40 458	45,1
От 20 до 16 лет	2 990	24 476	27 466	30,6
От 16 до 14 лет	1 042	11 883	12 925	13,9
От 14 до 12 лет	462	6 914	7 376	8,2
Моложе 12 лет	44	1 512	1 556	2,2
Всего	17 855	71 926	89 781	100,0
Процент	19,9	80,1	100,0	

(Эта таблица заимствована у Цутия и Окадзаки, цит. соч., стр. 291.)

17

17 Цутияи Окадзаки (цит. соч., стр. 430) использовали источники, хранящиеся в государственных архивах. Общее количество крестьянских хозяйств в этом году 1909 г.) составляло 5 407 203, обрабатывающих землю общей площадью в 5 617 624,6 тё. Эти же авторы приводят таблицу (там же, стр. 431), — показывающую разницу в размерах земельных участков по районам в 1909 г. (см. стр. 186).

За 1914 г. данные по всей Японии, включая сравнительно крупные хозяйства на Хоккайдо, а также на Окинава, характеризуются следующими цифрами: общее количество крестьянских хозяйств — 5 456 231; общая площадь обрабатываемой земли (как орошаемых, так и неорошаемых полей) — 5 815 695 тё, что составляет в среднем 1,065 тё земли на крестьянское хозяйство (1,05 га). Эти цифры взяты из «Нихон тэйкоку токэй нэнкан» («Статистическое ежегодника Японской империи»), составленного статистическим бюро министерства внутренних дел, Токио, 1926, вып. 45, стр. 76 и 79. Необходимо отметить, что средний участок обрабатываемой земли для рисовых полей, взятых отдельно, значительно меньше, чем средняя площадь для неорошаемых и рисовых полей, взятых вместе, как показывает нижеприведенная таблица. Наибольший размер рисовых полей находим в районе Тохоку, где он достигает 0,883 тё, или несколько менее двух акров.

СРЕДНИЙ РАЗМЕР ПЛОЩАДИ ОБРАБАТЫВАЕМОЙ ЗЕМЛИ НА ОДИН ДВОР 1909 г.

Районы	Рисовые поля, в тё	Неорошаемые поля, в тё	Всего, в тё
По всей Японии (включая Хоккайдо)	0,535	0,504	1,039
Хоккайдо	0,253	3,159	3,412
Тохоку	0,883	0,623	1,521
Канто	0,460	0,595	1,055
Хокурику	0,813	0,307	1,120
Токай	0,450	0,330	0,780
Канки	0,559	0,160	0,719
Тюоку	0,489	0,238	0,727
Сикоку	0,378	0,475	0,853
Кюсю	0,481	0,557	1,038

18

18 Насколько высокой была эта арендная плата, показывает следующая таблица, характеризующая долю помещика в распределении урожая с поля в один тё во время реформы земельного налога и позже.

ДОЛЯ ПОМЕЩИКА В ПРОДУКЦИИ С ПОЛЯ В ОДИН ТЁ (в иенах)

Годы	Арендная плата, в воку риса	Цена одного воку риса	Арендная плата, превращенная в деньги	Земельный и местный налог	Чистый прибыль помещика
1873	0,757	4,80	3,70	1,85	1,85
1881 (после снижения земельного налога до 2,5%)	0,661	10,29	7,01	1,56	5,45
1885	0,761	6,30	4,79	1,55	3,24

(Цутия и Окадзаки, цит. соч., стр. 218.) Кстати, следует отметить, что снижение земельного налога в 1876 г. содействовало увеличению доходов помещика. Вышеприведенные цифры говорят о том, что арендная плата постоянно превышает 60 % валового дохода с земли.

19

19 Непрерывное увеличение процента крестьянских семейств, занятых в кустарной или домашней промышленности (несмотря на разрушение некоторых видов ремесленной промышленности, как, например, хлопкопрядения и производства сахара), явилось результатом исключительной плотности населения в деревне. Новой отраслью домашней промышленности, которой начали заниматься крестьяне, было шелководство. О росте процента крестьянских хозяйств, занятых в кустарной промышленности, говорит следующая таблица:

Годы	Процент общего населения семейств, занятых только в сельском хозяйстве	Процент сельских хозяйств, занятых в кустарной промышленности	Всего
1884 (3 фу в 26 префектур)	54,21	16,39	70,60
1904 (всё Япония)	44,89	19,49	64,38
1909	40,73	18,79	59,52
1919	37,78	19,90	57,68

(Цутия и Окадзаки, цит. соч., стр. 442.)

20

20 Эти данные составлены на основе данных правительственной статистики, приведенных в книге Кадзахая Ясодзи, Нихон сякай сэй-саку си (История японской социальной политики), Токио, 1937, стр. 40. В 1930 г. самодеятельное население распределялось следующим образом: в сельском хозяйстве—47,7 %, в промышленности и горном деле — 20,2 % (эти цифры взяты из табли-

цы, приведенной в книге Ishii, op. cit., p. 77).

21

21 Для того чтобы приостановить резкое повышение цен на рис, бакуфу с 1854 г. (период «открытия» Японии) запретило экспорт риса. Однако правительство Мэйдзи вело как раз обратную политику. Оно стремилось остановить утечку валюты и создать стимул для вывоза сырья, включая рис, в надежде поднять цены на сельскохозяйственные продукты и, таким образом, облегчить положение сельского населения, которое вынуждено было нести на своих плечах основную тяжесть налогов.

В 1874 г., после восстания в Сага и формозской экспедиции, произошло такое резкое повышение цен на рис, что в мае правительство снова запретило его экспорт. В марте 1875 г. запрещение было отменено (Хориэ Ясудзо, Мэйдзи сёки-но коку-най сидзё/ (Национальный рынок в первые годы периода Мэйдзи), «Кэйдзай Ронсо» («Экономическое обозрение»), т. XLVI, № 4, апрель 1938 г., стр. 635–636).

22

22 В связи с вопросом об экспорте сельскохозяйственных продуктов следует подчеркнуть то значение, которое имел экспорт шелка-сырца и чая для увеличения денежного дохода крестьянства и расширения товарного рынка в деревне. В конце периода Току-гава наступило резкое падение старых отраслей кустарной промышленности, и этот процесс был ускорен после реставрации, что обусловило переход к новой отрасли домашней промышленности — шелководству (Хориэ, цит. соч., стр. 138), 187

23

23 Резкое сокращение площади земли под посев хлопка, хотя оно непосредственно и не было связано с разрушением домашней промышленности как таковой, нанесло также сильный удар по крестьянскому натуральному хозяйству. Хотя крестьяне выращивали хлопок и для продажи, они вначале использовали его также для производства домашней пряжи и домашней ткани, пока несравненно более низкая цена иностранных товаров не уничтожила стимула к этому. Стремясь, насколько это возможно, достиг-

нуть экономической самостоятельности и независимости от иностранного сырья, правительство Мэйдзи поощряло выращивание хлопка. Поэтому в Японии неуклонно увеличивалось производство хлопка, и к 1887 г. под эту культуру была занята уже площадь в 88 тыс. тёбу, а сбор хлопка составил 39 928 000 кин (один кин равняется 1,32 фунта в среднем) (Х о р и э в «Кэйдзай Ронсо», цит. соч., стр. 139).

Крестьяне очень скоро убедились, что очень невыгодно производить хлопок-сырец, который мог бы конкурировать по качеству и стоимости с иностранным хлопком. Иностранный хлопок был настолько дешевым, что японские фабрики вскоре были завалены огромным количеством этого сырья; он даже проник в крестьянские хозяйства, где использовался в качестве материала для ручного прядения и выработки ткани, главным образом для домашнего потребления. Значительное снижение цен на китайский и индийский хлопок и хлопчатобумажные изделия в этом отношении сыграло решающую роль (Х о р и э, там же, стр. 139–140).

После отмены импортных пошлин на иностранный хлопок производство его в Японии стало незначительным.

24

24 Мори, цит. соч., стр. 182.

Стоимость сахара, ввезенного в Японию в течение первых пяти лет периода Мэйдзи 1868–1872 гг.), составляла 10,67 % общего объема импорта (там же, стр. 178).

25

25 Один иностранный обозреватель пишет, что только искусственное удобрение поглощает до 1/5 стоимости урожая риса, собранного с участка земли (Buchanan, loc. cit., p. 552).

26

26 См. выше, прим. 19. Со времени мировой войны происходит падение числа крестьянских хозяйств, занятых в домашней промышленности. В 1910 г. число крестьянских хозяйств составляло 3 771 318, а число хозяйств, занятых в домашней промышленности, составляло 1 726 600. В 1937 г. число крестьянских хозяйств

выросло до 4 180 672, а число хозяйств, занятых в домашней промышленности, снизилось до 1 394 207 («Норин Токэй», сокращенное издание, 1939, стр. 18).

27

27 Экспортный тариф на хлопчатобумажную пряжу был отменен в 1894 г., а в 1896 г. был отменен импортный тариф на хлопок-сырец, который поступал в это время главным образом из Бомбея. Переход на индийский хлопок и отмена тарифных барьеров обрекли на гибель производство хлопка в Японии. Подробные данные о деятельности Босэки рэнго-кай взяты главным образом из книги Цутия и Окадзаки, цит. соч., стр. 282–284.

28

28 Соглашение с судоходной компанией Ниппон юсэн кайся было распространено и на ввоз хлопка из Бомбея. Для того чтобы обойти монополию компании «Пэнинсула энд Ориентал», Ниппон юсэн кайся открыла свою бомбейскую линию в 1893 г. (Кобаяси, цит. соч., стр. 172).

Примечания

1

1 Мы уже говорили о связи ранних крестьянских восстаний с демократическим или антифеодальным движением. Так как характер этих восстаний является крайне сложным и даже противоречивым, следует с большой осторожностью делать обобщения о демократическом характере аграрного движения. Интересно привести по данному вопросу мнения наиболее осведомленных японских историков. Проф. Фудзии Дзинтаро в «Нихон кэмпо сэитэй-си», стр. 198, говорит, что различные местные восстания раннего периода Мэйдзи не имеют ничего общего с конституционным движением, которое в период Мэйдзи было равносильно движению за народные права. Проф. Оно Такэо, однако, не согласен с ним (Оно Такэо, Мэйдзи исин носон сякай сирон (Исторический трактат о сельском обществе в период реставрации), Токио, 1932, стр. 59). Не вступая в споры с этим выдающимся ученым по данному вопросу, проф. Оно ограничивается приведением ссылки из произведений самого же проф. Фудзии, которая, кажется, противоречит его вышеизложенному утверждению. В данном случае проф. Фудзии говорит: «Что касается политики, то заслуживает внимания историка то положение, что различные массовые движения, которые возникали тогда, являлись предшественниками возникшего позже движения за народные права». Цит. по книге Оно, цит. соч., стр. 57. Из замечания проф. Оно явствует что он согласен с последней точкой зрения.

2

2 Майе приводит перечень различных выступлений как мирного, так и насильственного характера, направленных на снижение арендной платы или процента на ссудный капитал, на облегчение условий кредита и т. д.

3

3 Примером того, что даже мелкие землевладельцы являлись торговцами-капиталистами, может служить история маленькой деревни, детально изученная и описанная в труде Ёсикава Сэй «Тэдзукури дзинуси-но икко сацу...» («Наблюдение за тэдзукури, или «обрабатывающими» землю помещиками, на примере деревни Исида уезда Симо — Ниикава в Эттю»), напечатанном в «Нихон

сихонсюги си ронсю» («Сборник очерков по истории японского капитализма»), составленном Цутия Такао и др., Токио, 1937, стр. 103–133. Автор этой работы Ёсикава установил, что за период с 1887 по 1897 г. многие из местных помещиков стали торговцами-капиталистами; например, один из них стал рисовым маклером, другой — торговцем удобрениями, третий вложил свои деньги в текстильную фабрику и т. д. (там же, стр. 128–129).

4

4 J. W. Robertson Scott, *The Foundations of Japan*, London, 1922, pp. 119, 213, 267 (записи, сделанные во время путешествия по сельским местностям, во время которого пройдено шесть тысяч миль с целью более глубокого изучения жизни японского народа).

5

5 McLaren, *Japanese Government Documents (JGD), Transactions of the Asiatic Society of Japan*, vol. XLII, part I, Tokyo, 1937, p. 471. Эта точка зрения подтверждается цитатой из произведения японского автора: «Го-но (богатые крестьяне или крупные землевладельцы) примкнули к ним (бывшим самураям) в этом движении. Го-но считали, что тяжесть новой финансовой политики падала главным образом на них. Поэтому они также были недовольны новым порядком и готовы были присоединиться к движению против клики Сацума — Тёсю, которая находилась у власти» (Iwasaki Uichi, *Working Forces in Japanese Politics 1867–1920*, New York, 1921, p. 87).

6

6 О помещичьем руководстве в дзюто см. работу Оно Такэо, *Исин носон сякай сирон*, стр. 58. В этом произведении проф. Оно указывает, что большинство в раннем либеральном движении 80-х годов составляли мелкие крестьяне, которые принимали участие в бесчисленном количестве выступлений за снижение налога. Однако он категорически утверждает, что руководство в либеральном движении, или, точнее, внутри, дзюто, находилось в руках крупных помещиков (там же, стр. 59).

7

7 Сравнивая кайсинто и дзюто, один японский историк пишет: «Первая (кайсинто) была умеренной по своей идеологии и практической деятельности, в то время как последняя была радикальной, а иногда даже прибегала к насильственным методам борьбы» (G. E. Uyehara, *The Political Development of Japan, 1867–1909*, London, 1910, p. 91).

8

8 Наиболее выдающимися полемистами в радикальном лагере были Катаока Кэнкити и Накаэ Токусукэ (или Тёмин) — философ материалистического направления, получивший известность благодаря своему труду «Ити-нэн-ю-хан» («Полтора года»). Он учился во Франции 1871–1874 гг.) и был одним из первых переводчиков Ж. Ж. Руссо. Другим писателем левого направления был Ои Кэнтаро, автор «Дзидзицу Ёран» («Руководство по текущим проблемам») и редактор радикальной газеты «Адзума Симбун». Он был одним из наиболее активных деятелей, принимавших участие в неудавшейся попытке создать демократический режим в Корее; позже он стал лидером радикальной партии тоё дзюто (восточная либеральная партия).

Представителем умеренного направления и английского утилитаризма был Фукудзава Юкити, основатель университета Кэйо, известный очеркист и переводчик и, пожалуй, величайший публицист в японской литературе, а также мастер одного из наиболее изящных стилей прозы. Его влияние на японскую интеллектуальную и политическую жизнь было огромно.

Поборником бюрократизма и прусского абсолютизма был Като Хироюки, который выступил с возражением на петицию, представленную правительству в 1874 г., в которой содержалось требование созыва представительного собрания (JGD, стр. 433–439). Он написал много статей и книг; в одной из последних, «Кокутай Синрон» 1874 г.), которая представляет собой сборник его лекций, прочитанных в кунайсё (министерство императорского двора); содержится изложение его политических взглядов. В этом труде он обмолвился несколькими словами в пользу республиканской системы правления. В последующие годы, когда он стал членом тайного совета, он, опасаясь последствий, связанных с этой оговоркой, пытался скупить все старые экземпляры своей работы. (Tsurumi Jusuke, *The Liberal Movement in Japan*, New Haven, 1925, p.

9

9 W. W. McLaren, *A Political History of Japan, during the Meiji Era, 1867–1912*, New York, 1916, p. 132. «Что касается избирательного права, то политика правительства, по словам того же автора, заключалась в предоставлении избирательного права как можно меньшему числу людей, чтобы, с одной стороны, все же удовлетворить массовое требование о представительстве и в то же время не поставить под угрозу свое собственное господство» (там же, стр. 132–133).

10

10 Наиболее популярная газета того времени следующим образом характеризовала новое положение о газетах, строго проводившееся в жизнь: «При знакомстве с историей любой другой страны мы никогда не слышали, чтобы в течение месяца все редакторы города вызывались в суд за нарушение законов или за подстрекательство или чтобы, пока идет суд над одним редактором, другой бы привлекался к суду, а также, прежде чем вынесен приговор одному или даже до того, как судебный процесс закончится над одним, чтобы выносили приговор другому; не проходит и дня, чтобы не судили какого-нибудь редактора». Цитируется по книге Уехара (Uehara, *The Political Development of Japan*, p. 83, note 2).

11

11 О строгости этих полицейских правил, ограничивающих деятельность политических организаций, можно судить, познакомившись с самим декретом, полный текст которого напечатан в сборнике «*Japanese Government Documents*» (JGD, p. 495–499), а также с пересмотренными правилами, напечатанными там же, стр. 499–501. После целого ряда мелочных ограничений, мешавших деятельности политических партий, которых все же можно было избежать, были изданы правила, согласно которым такие действия, как объявление о собрании или дискуссии, агитация за посещение собраний, рассылка пригласительных билетов по почте, создание местных организаций политических партий или

ассоциаций, любая связь между политическими партиями или ассоциациями, а также организация митингов на улицах, рассматривались как уголовное преступление (JGD, p. 496–497). Проведение этого закона в жизнь было еще более жестким, чем его условия.

12

12 При изучении причин роспуска партий вызывает удивление безоговорочная капитуляция политических партий перед правительственной политикой репрессий. Например, в своей речи по поводу роспуска партии, произнесенной в Осака 29 октября 1884 г., Итагаки Тайсукэ привел в качестве главной причины роспуска партии введение законов о народных собраниях и выпуске газет. Он заявил также, что другой причиной роспуска партий послужили спровоцированные членами дзюто местные инциденты, которые принимали революционный характер. См. «Дзёсобун» (Докладные записки или обращения Итагаки Тайсукэ к трону), «Мэйдзи бунка дзэнсю» («Собрание произведений о культуре периода мэйдзи», Токио, 1930, т. III, стр. 466–467).

Теми же причинами объясняют роспуск партий Осатакэи Хаяси в произведении «Сэйдзи» («Политика») в «Гэндай нихон си кэнкю» («Исследование современной истории Японии») — сборник статей различных авторов, Токио, 1938, стр. 132–133.

13

13 Одним из наиболее интересных примеров левого ответвления в либеральном движении являлась партия тоё сякайто (восточная социальная партия), организованная в мае 1882 г. в буддийском храме Котодзи в Симабара, в Хидзэн. (Избрание Симабара местом организации партии является довольно интересным явлением, так как здесь произошло одно из последних восстаний против господства дома Токугава в начале XVII столетия. Восстание в Симабара вообще рассматривалось как восстание, вызванное христианами, которые отказались капитулировать перед антихристианским декретом токугавского режима.) Лидерами этой партии были Таруй Токити и Акамацу Тайсукэ. Ее программа состояла из следующих пунктов: 1) в своих речах и своем поведении члены партии должны руководствоваться этическими нормами; 2) руководящим принципом партии является равенство; 3) конечной целью партии является обеспечение наивысшего сча-

ства для народа. Предполагалось даже распространить деятельность этой партии на Корею и Китай. Ее манифест заканчивался следующими словами: «Мы никого не хотим сделать нашим врагом, но если появятся какие-либо препятствия на нашем пути, мы готовы отдать свои жизни для достижения нашей цели». Когда министру внутренних дел стало известно о существовании этой партии, он приказал ее распустить; однако эта партия в течение некоторого времени продолжала оказывать влияние на местные партии.

Эти сведения взяты из докладной записки, в которой описывается образование этой партии («Мэйдзи бунка дзэнсю», т. II, стр. 434–435).

14

14 Большое влияние на политические взгляды крайне левого крыла дзюто оказала французская и русская революционная мысль. «Общественный договор» Руссо, популяризатором которого в Японии был Накаэ Тёмин (см. выше, прим. 8), оказал большое влияние на японское либеральное движение. Вдохновляющие идеи русских нигилистов и народников также встречали восторженный прием среди более отважных членов дзюто первого периода. Переводы французских и русских революционных романов и трактатов, в особенности трудов Кропоткина, имели большое распространение в Японии в те времена (Фудзии Дзинтаро и Мория Хидосукэ, Мэйдзи дзидай си (История периода Мэйдзи), «Сого нихон си тайкэй» (Синтез японской истории), Токио, 1934, т. XII, стр. 83).

15

15 Вопрос о пересмотре системы неравноправных договоров служил предлогом для многих старых членов дзюто и кайсинто снова выйти на арену политической борьбы. Члены распущенных политических партий вовлекались в Дайдо данкэцу, основанный Гото. По словам японских авторов, «проблема пересмотра договоров, которая привлекала внимание народа, являлась не вопросом отношений между правителями и управляемыми, как это имело место во время предыдущих конфликтов: эта проблема затрагивала интересы страны в целом. Оценивая действительное значение этой проблемы и желая несколько умиротворить народ, правительство предложило графу Окума занять пост главы ми-

нистерства иностранных дел в феврале 1888 г.» (Ukita Kazutami, Counts Itagaki and Okuma, History of Political Parties in Japan, «Fifty Years of New Japan», vol. I, p. 160–161).

Это говорит о том, что бывшие политические противники стремились отказаться не только от своих старых споров, но также и от своих принципов, для того чтобы принять участие в борьбе за выгодные служебные посты, не принимая во внимание расхождения по коренным политическим вопросам. Через несколько дней после назначения Окума в кабинет Курода вступил Гото в качестве министра путей сообщения и таким образом похоронил свой собственный Дайдо данкэцу. По иронии судьбы новый начальник Окума, премьер Курода, был тем самым человеком, на которого Окума нападал за скандал, который произошел в связи с продажей правительственных предприятий на Хоккайдо частным лицам по цене значительно ниже их стоимости (июль 1881 г.).

Другой удар реорганизованным политическим партиям был нанесен законом об охране спокойствия от 25 декабря 1887 г., который запрещал политическим лидерам приближаться на расстояние ближе трех ри (около 12 км) к столице. (Об этом законе см. Уеһара, *op. cit.*, p. 104.) После открытия парламента в 1890 г. политические партии, принимавшие участие в парламентской жизни и зависевшие от узкого круга избирателей, ограниченного высоким избирательным цензом, становились все менее и менее заметными борцами за демократические права и все более превращались в агентов буржуазии и помещиков, задача которых состояла в том, чтобы торговаться с бюрократией по таким вопросам, как налогообложение, распределение правительственных субсидий и т. д.

16

16 Для исследователей может представить интерес тот факт, что барон Канэко пришел к идее о необходимости соблюдения строгой тайны при разработке конституции в результате изучения отчетов о конституционном конвенте, состоявшемся в Филадельфии в 1787 г., написанных Мэдисоном и Джефферсоном (Канэко Кэнтаро, Нихон кэмпо сэйтэй-но юрай (Начало разработки японской конституции), см. «Сигаку Дзасси» («Журнал исторических исследований»), Токио, октябрь 1911 г., т. XXII, стр. 1168–1169).